

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1974

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

РАЙ

ПЕРЕВОД с ИТАЛЬЯНСКОГО
М.ЛОЗИНСКОГО
ХУДОЖНИК **М.ПИКОВ**

МОСКВА

» ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА »

1974

Данте Алигьери

**БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ**

РАЙ

Перевод с итальянского
М. Лозинского

Художник М. Пиков

Москва
«Художественная литература»
1974

DANTE ALIGHIERI

La Divina Commedia

Вступительная статья К. Державина

Примечания М. Лозинского

© Иллюстрации, издательство «Художественная литература», 1974 г.

РАЙ

РАЙ

Песнь первая

Лучи того, кто движет мирозданье,
Все проникают славой и струят
Где – большее, где – меньшее сиянье.

⁴ Я в тверди был, где свет их восприят
Всего полней; но вел бы речь напрасно
О виденном вернувшийся назад;

⁷ Затем что, близясь к чаемому страстно,
Наш ум к такой нисходит глубине,
Что память вслед за ним идти не властна.

¹⁰ Однако то, что о святой стране
Я мог скопить, в душе оберегая,
Предметом песни воспослужит мне.

¹³ О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

¹⁶ Мне из зубцов Парнаса нужен был
Пока один; но есть обоим дело,
Раз я к концу ристанья приступил.

¹⁹ Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела,
Как в день, когда ты Марсия извлек
И выбросил из оболочки тела.

²² О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить, в мозгу я впечатленной мог,

²⁵ Я стал бы в сень листвы, тебе желанной,
Чтоб на меня возложен был венец,
Моим предметом и тобой мне данный.

²⁸ Ее настолько редко рвут, отец,
Чтоб кесаря почтить или поэта,
К стыду и по вине людских сердец,

³¹ Что богу Дельф должно быть в радость это,
Когда к пенейским листьям взор воздет
И чье-то сердце жаждой их согрето.

³⁴ За искрой пламя ширится вослед:
За мной, быть может, лучшими устами
Взнесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ.

³⁷ Встает для смертных разными вратами
Лампада мира; но из тех, где слит
Бег четырех кругов с тремя крестами,

⁴⁰ По лучшему пути она спешит
И с лучшею звездой, и чище сила
Мирскому воску оттиск свой дарит.

⁴³ Почти из этих врат там утро всплыло,
Здесь вечер пал, и в полушарьи том
Все стало белым, здесь все черным было,

⁴⁶ Когда, налево обратясь лицом,
Вонзилась в солнце Беатриче взором;
Так не почиет орлий взгляд на нем.

⁴⁹ Как луч выходит из луча, в котором
Берет начало, чтоб отпрянуть ввысь, –
Скиталец в думax о возврате скором, –

⁵² Так из ее движений родились,
Глазами в дух войдя, мои; к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись.

⁵⁵ Там можно многое, что не под силу
Нам здесь, затем что создан тот приют
Для человека по его мерилу.

⁵⁸ Я выдержал недолго, но и тут
Успел заметить, что оно искрилось,

Как взятый из огня железный прут.

⁶¹ И вдруг сиянье дня усугубилось,
Как если бы второе солнце нам
Велением Могущего явилось.

⁶⁴ А Беатриче к вечным высотам
Стремилась взор; мой взгляд низведши вскоре,
Я устремил глаза к ее глазам.

⁶⁷ Я стал таким, в ее теряясь взоре,
Как Главк, когда вкушенная трава
Его к бессмертным приобщила в море.

⁷⁰ Пречеловеченье вместить в слова
Нельзя; пример мой близок по приметам,
Но самый опыт – милость божества.

⁷³ Был ли я только тем, что в теле этом
Всего новей, Любовь, господь высот,
То знаешь ты, чьим я вознесся светом.

⁷⁶ Когда круги, которых вечный ход
Стремишь, желанный, ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живет,

⁷⁹ Я видел – солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озер вовек не расстилали.

⁸² Звук был так нов, и свет был так широк,
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жег.

⁸⁵ Та, что во мне, как я в себе, читала, –
Чтоб мне в моем смятении – помочь,
Скорей, чем я спросил, уста разъяла

⁸⁸ И начала: «Ты должен превозмочь
Неверный домысл; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь.

⁹¹ Не на земле ты, как считал превратно,

Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты к нему обратно».

⁹⁴ Покров сомненья с дум моих слетел,
Снят сквозь улыбку речью небольшою,
Но тут другой на них отяготел,

⁹⁷ И я сказал: «Я вновь пришел к покою
От удивленья; но дивлюсь опять,
Как я всхожу столь легкою средою».

¹⁰⁰ Она, умея вздохом сострадать,
Ко мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреду – взирает мать,

¹⁰³ И начала: «Все в мире неизменный
Связует строй; своим обличем он
Подобье бога придает вселенной.

¹⁰⁶ Для высших тварей в нем отображен
След вечной Силы, крайней той вершины,
Которой служит сказанный закон.

¹⁰⁹ И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам! –
Вблизи или вдали от их причины.

¹¹² Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам.

¹¹⁵ Он пламя мчит к луне, неуправимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый.

¹¹⁸ Лук этот вечно мечет, вновь и вновь,
Не только неразумные творенья,
Но те, в ком есть и разум и любовь.

¹²¹ Свет устроительного провиденья
Покоит твердь, объемлющую ту,
Что всех поспешней быстротой вращенья.

¹²⁴ Туда, в завещанную высоту,
Нас эта сила тетивы помчала,
Лишь радостную ведая мету.

¹²⁷ И все ж, как образ отвечает мало
Подчас тому, что мастер ждал найти,
Затем что вещество на отклик вяло, —

¹³⁰ Так точно тварь от этого пути
Порой отходит, властью обладая,
Хоть дан толчок, стремление отвести;

¹³³ И как огонь, из тучи упадая,
Стремится вниз, так может первый взлет
Пригнуть обратно суета земная.

¹³⁶ Дивись не больше, — это взяв в расчет, —
Тому, что всходишь, чем стремнине водной,
Когда она с вершины вниз течет.

¹³⁹ То было б диво, если бы, свободный
От всех помех, ты оставался там,
Как сникший к почве пламень благородный».

¹⁴² И вновь лицо подъяла к небесам.

Песнь вторая

О вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать,плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим,

⁴ Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору!
Как бы, отстав, не потеряться вам!

⁷ Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц – Музы указуют взору,

¹⁰ А вы, немногие, что испокон
Мысль к ангельскому хлебу обращали,
Хоть кто им здесь живет – не утолен,

¹³ Вам можно смело сквозь морские дали
Свой струг вести там, где мой след вскипел,
Доколе воды ровными не стали.

¹⁶ Тех, кто в Колхиду путь преодолел,
Не столь большое ждало удивленье,
Когда Ясон предстал как земледел.

¹⁹ Врожденное и вечное томленье
По божьем царстве мчало наш полет,
Почти столь быстрый, как небес вращенье.

²² Взор Беатриче не сходил с высот,
Мой взор – с нее. Скорей, чем с самострела
Вонзится, мчится и сорвется дрот,

²⁵ Я долетел до чудного предела,
Привлекшего глаза и разум мой;
И та, что прямо в мысль мою глядела, –

- ²⁸ Сияя радостью и красотой:
«Прославь душой того, – проговорила, –
Кто дал нам слиться с первой звездой».
- ³¹ Казалось мне – нас облаком накрыло,
Прозрачным, гладким, крепким и густым,
Как адамант, что солнце поразило.
- ³⁴ И этот жемчуг, вечно нерушим,
Нас внутрь воспринял, как вода – луч света,
Не поступаясь веществом своим.
- ³⁷ Коль я был телом, и тогда, – хоть это
Постичь нельзя, – объем вошел в объем,
Что должно быть, раз тело в тело вдето,
- ⁴⁰ То жажда в нас должна вспылать огнем
Увидеть Сущность, где непостижимо
Природа наша слита с божеством.
- ⁴³ Там то, во что мы верим, станет зримо,
Самопонятно без иных мерил;
Так – первоистина неоспорима.
- ⁴⁶ Я молвил: «Госпожа, всей мерой сил
Благодарю того, кто благодатно
Меня от смертных стран отъединил.
- ⁴⁹ Но что, скажите, означают пятна
На этом теле, вид которых нам
О Каине дает твердить превратно?»
- ⁵² Тогда она с улыбкой: «Если там
Сужденья смертных ложны, – мне сказала, –
Где не прибегнуть к чувственным ключам,
- ⁵⁵ Взирай на это, отстраняя жало
Стрел удивленья, раз и чувствам вслед,
Как видишь, разум воспаряет вяло.
- ⁵⁸ А сам ты мыслишь как?» И я в ответ:
«Я вижу этой разности причину

В том, скважен ли, иль плотен сам предмет».

⁶¹ Она же мне: «Как мысль твоя в пучину
Неистинного канет, сам взгляни,
Когда мой довод я навстречу двину.

⁶⁴ Восьмая твердь являет вам огни,
И многолики, при числе несчетном,
Количеством и качеством они.

⁶⁷ Будь здесь причина в скважном или плотном,
То свойство было бы у всех одно,
Делясь неравно в сонме бысролетном.

⁷⁰ Различье свойств различьем рождено
Существенных начал, а по ответу,
Что ты даешь, начало всех равно.

⁷³ И сверх того, будь сумрачному цвету
Причиной скважность, то или насквозь
Неплотное пронзало бы планету,

⁷⁶ Или, как в теле рядом ужилось
Худое с толстым, так и тут примерно
Листы бы ей перемежать пришлось.

⁷⁹ О первом бы гласили достоверно
Затмения солнца: свет сквозил бы здесь,
Как через все, что скважно и пещерно.

⁸² Так не бывает. Вслед за этим взвесь
Со мной второе; и его сметая,
Я домысл твой опровергаю весь.

⁸⁵ Коль скоро эта скважность – не сквозная,
То есть предел, откуда вглубь лежит
Ее противность, дальше не пуская.

⁸⁸ Отсюда чуждый луч назад бежит,
Как цвет, отосланный обратно в око
Стеклом, когда за ним свинец укрыт.

⁹¹ Ты скажешь мне, что луч, войдя глубоко,

Здесь кажется темнее, чем вокруг,
Затем что отразился издалика.

⁹⁴ Чтoб этoт дoвoд рухнул тaк же вдруг,
Тебе бы oпыт сделать не мешaлo;
Ведь он для вaс – источник всех наук.

⁹⁷ Вoзьми три зеркала, и два снaчaлa
Рaвно oтстaвь, a трeтьe вдaль пoпять,
Чтoбы твoй взгляд oнo меж них встрeчaлo.

¹⁰⁰ К ним oбрaтaсь, свет зa спиной прилaдь,
Чтoб он все три зaжeг, кaк стрoй свeтилен,
И oтo всех шeл нa тeбя oпять.

¹⁰³ Хoть пo кoличeству не стoль oбилeн
Дaлeкий блeск, он яркoстью свoей
Другим, кaк ты увидишь, рaвнoсилeн.

¹⁰⁶ Тeпeрь, кaк пoд удaрaми лучeй
Oснoвa снeгa зрится oбнaжeннoй
Oт хoлoдa и цвeтa прeжних днeй,

¹⁰⁹ Тaкoв и ты, и мысли oбнoвлeннoй
Я свeт хoчу прoлить тaкoй живoй,
Чтo он в глaзax дрoжит, вoсплaмeнeнный.

¹¹² Пoд нeбoм, гдe бoжeствeнный пoкoй,
Кружитcя тeлo нeкoe, чья силa
Вce тo, чтo в нeм, нaпoлнилa сoбoй.

¹¹⁵ Твeрдь вслeд зa ним, гдe стoлькиe свeтилa,
Еe рaспрeдeлaет eстeствaм,
Кoтoрыe, нe слив с сoбoй, вмeстилa.

¹¹⁸ Тaк пoступaeт к oстaльным кругaм
Прeмнoгo свoйств, кoтoрыe oни жe
Приспoсoблaют к цeлям и кoрням.

¹²¹ Стрoй члeнoв мирa, кaк, вcмoтрeвшиcь ближe,
Увидeл ты, уступaми идeт
И, свeрху взяв, пoтoм вручaeт нижe.

¹²⁴ Следи за тем, как здесь мой шаг ведет
К познанию истин, для тебя бесценных,
Чтоб знать потом, где пролегает брод.

¹²⁷ Исходят бег и мощь кругов священных,
Какковка от умеющих ковать,
От движителей неких блаженных.

¹³⁰ И небо, где светил не сосчитать,
Глубокой мудрости, его кружащей,
Есть повторенный образ и печать.

¹³³ И как душа, под перстью преходящей,
В разнообразных членах растворясь,
Их направляет к цели надлежащей,

¹³⁶ Так этот разум, дробно расточась
По многим звездам, благодать изливает,
Вокруг единства своего кружась.

¹³⁹ И каждая из разных сил вступает
В связь с драгоценным телом, где она,
Как в людях жизнь, по-разному мерцает.

¹⁴² Ликующей природой рождена,
Влитая сила светится сквозь тело,
Как радость сквозь зрачок излучена.

¹⁴⁵ В ней – ключ к тому, чтоб разное блестело
По-разному, не в плотности отнюдь:
В ней – то начало, что творит всецело,

¹⁴⁸ По мере благодати, и блеск и муть».

Песнь третья

То солнце, что зажгло мне грудь любовью,
Открыло мне прекрасной правды лик,
Прибегнув к доводам и прекословью;

⁴ И, торопясь признать, что я постиг
И убежден, я, сколько подобало,
Лицо для речи поднял в тот же миг.

⁷ Но предо мной видение предстало
И к созерцанию так меня влекло,
Что речь забылась и не прозвучала.

¹⁰ Как чистое, прозрачное стекло
Иль ясных вод спокойное течение,
Где дно от глаз неглубоко ушло,

¹³ Нам возвращают наше отраженье
Столь бледным, что жемчужину скорей
На белизне чела отыщет зренье, —

¹⁶ Такой увидел я чреду теней,
Беседы ждавших; тут я обманулся
Иначе, чем влюбившийся в ручей.

¹⁹ Как только взором я до них коснулся,
Я счел их отраженьем лиц людских
И, чтоб взглянуть, кто это, обернулся;

²² Вперив глаза в ничто, я вверил их
Вновь свету милой спутницы; с улыбкой,
Она пылала глубиоу глаз святых.

²⁵ «Что я смеюсь над детскою ошибкой, —
Она сказала, — странного в том нет:
Не доверяясь правде мыслью зыбкой,

²⁸ Ты вновь пустому обращен вослед.
Твой взор живые сущности встречает:
Здесь место тех, кто преступил обет.

³¹ Спроси их, слушай, верь; их утоляет
Свет вечной правды, и ни шагу он
Им от себя ступить не позволяет».

³⁴ И я, к одной из теней обращен,
Чья жажда говорить была мне зрима,
Сказал, как тот, кто хочет и смущен:

³⁷ «Блаженная душа, ты, что, хранима
Все вечным светом, знаешь благодать,
Чья сладость лишь вкусившим постижима,

⁴⁰ Я был бы счастлив от тебя узнать,
Как ты зовешься и о вашей доле».
Та, с ясным взором, рада отвечать:

⁴³ «У нас любовь ничьей правдивой воле
Дверь не замкнет, уподобляясь той,
Что ждет подобных при своем престоле.

⁴⁶ Была я в мире девственной сестрой;
И, в память заглянув проникновенно,
Под большею моею красотой

⁴⁹ Пиккарду ты узнаешь, несомненно.
Среди блаженных этих вокруг меня
Я в самой медленной из сфер блаженна.

⁵² Желанья наши, нас воспламеня
Служеньем воле духа пресвятого,
Ликуют здесь, его завет храня.

⁵⁵ И наш удел, столь низменной иного,
Нам дан за то, что нами был забыт
Земной обет и не блюлся сурово».

⁵⁸ И я на то: «Ваш небывалый вид
Блещет так божественно и чудно,

Что он с начальным обликом не слит.

⁶¹ Здесь память мне могла служить лишь скудно;
Но помощь мне твои слова несут,
И мне узнать тебя теперь нетрудно.

⁶⁴ Но расскажи: вы все, кто счастлив тут,
Взыскуете ли высшего предела,
Где большой кругозор и дружба ждут?»

⁶⁷ С другими улыбаясь, тень глядела
И, радостно откликнувшись потом,
Как бы любовью первой пламенела:

⁷⁰ «Брат, нашу волю утолил во всем
Закон любви, лишь то желать велящей,
Что есть у нас, не мысля об ином.

⁷³ Когда б мы славы восхотели вящей,
Пришлось бы нашу волю разлучить
С верховной волей, нас внизу держащей, –

⁷⁶ Чего не может в этих сферах быть,
Раз пребывать в любви для нас necesse
И если смысл ее установить.

⁷⁹ Ведь тем-то и блаженно наше esse,
Что божья воля руководит им
И наша с нею не в противовесе.

⁸² И так как в этом царстве мы стоим
По ступеням, то счастливы народы
И царь, чью волю вольно мы вершим;

⁸⁵ Она – наш мир; она – морские воды,
Куда течет все, что творит она,
И все, что создано трудом природы».

⁸⁸ Тут я постиг, что всякая страна
На небе – Рай, хоть в разной мере, ибо
Неравно милостью орошена.

⁹¹ Но как, из блюд вкусив какого-либо,
Мы следующих просим иногда,
За съеденное говоря спасибо,

⁹⁴ Так поступил и молвил я тогда,
Дабы услышать, на какой же ткани
Ее челнок не довершил труда.

⁹⁷ «Жену высокой жизни и деяний, —
Она в ответ, — покоит вышний град.
Те, кто ее не бросил одеяний,

¹⁰⁰ До самой смерти бодрствуют и спят
Близ жениха, который всем обетам,
Ему с любовью принесенным, рад.

¹⁰³ Я, вслед за ней, наскучив рано светом,
В ее одежды тело облекла,
Быть верной обещав ее заветам.

¹⁰⁶ Но люди, в жажде не добра, а зла,
Меня лишили тихой сени веры,
И знает бог, чем жизнь моя была.

¹⁰⁹ А этот блеск, как бы превыше меры,
Что вправо от меня тебе предстал,
Пылая всем сияньем нашей сферы,

¹¹² Внимая мне, и о себе внимал:
С ее чела, как и со мной то было,
Сорвали тень священных покрывал.

¹¹⁵ Когда ее вернула миру сила,
В обиду ей и оскорбив алтарь, —
Она покровов сердца не сложила.

¹¹⁸ То свет Костанцы, столь великой встарь,
Кем от второго вихря, к свевской славе,
Рожден был третий вихрь, последний царь».

¹²¹ Так молвила, потом запела «Ave,
Maria», исчезая под напев,
Как тонет груз и словно тает въяве.

¹²⁴ Мой взор, вослед ей пристально смотрев,
Насколько можно было, с ней простился,
И, к цели больших дум его воздев,

¹²⁷ Я к Беатриче снова обратился;
Но мне она в глаза сверкнула так,
Что взгляд сперва, не выдержав, смутился;

¹³⁰ И новый мой вопрос замедлил шаг.

Песнь четвертая

Меж двух равно манящих явств, свободный
В их выборе к зубам бы не поднес
Ни одного и умер бы голодный;

⁴ Так агнец медлил бы меж двух угроз
Прожорливых волков, равно страшимый;
Так медлил бы меж двух оленей пес.

⁷ И то, что я молчал, равно томимый
Сомнениями, счесть ни добром, ни злом
Нельзя, раз это путь необходимый.

¹⁰ Так я молчал; но на лице моем
Желанье, как и сам вопрос, сквозило
Жарчей, чем сказанное языком.

¹³ Но Беатриче, вроде Даниила,
Кем был смирен Навуходоносор,
Когда его свирепость ослепила,

¹⁶ Сказала: «Вижу, что возник раздор
В твоих желаньях, и, теснясь в неволе,
Раздумья тщетно рвутся на простор.

¹⁹ Ты мыслишь: «Раз я стоек в доброй воле,
То как насилие нанесет урон
Моей заслуге хоть в малейшей доле?»

²² Еще и тем сомненьем ты смущен,
Не взносятся ли души в самом деле
Обратно к звездам, как учил Платон.

²⁵ По-равному твое стесняют velle
Вопросы эти; обращаясь к ним,
Сперва коснусь того, чей яд тяжеле.

²⁸ Всех глубже вбожественный серафим
И Моисей и Самуил пророки
Иль Иоанн, – он может быть любым, –

³¹ Мария – твердью все равновысоки
Тем духам, что тебе являлись тут,
И бытия их не иные сроки;

³⁴ Все красят первый круг и там живут
В неравной неге, ибо в разной мере
Предвечных уст они дыханье пьют.

³⁷ И здесь они предстали не как в сфере,
Для них назначенной, а чтоб явить
Разностепенность высшей на примере.

⁴⁰ Так с вашей мыслью должно говорить,
Лишь в осязатом черплющей познание,
Чтоб разуму затем его вручить.

⁴³ К природе вашей снисходя, Писанье
О божией деснице говорит
И о стопах, вводя иносказанье;

⁴⁶ И Гавриила в человеческий вид,
И Михаила церковь облакает,
Как и того, кем исцелен Товит.

⁴⁹ То, что Тимей о душах утверждает,
Несходно с тем, что здесь дано узнать,
Затем что он как будто впрямь считает,

⁵² Что всякая душа взойдет опять
К своей звезде, с которой связь порвала,
Ниспосланная тело оживлять.

⁵⁵ Но может быть – здесь мысль походит мало
На то, что выразил словесный звук;
Тогда над ней смеяться не пристало.

⁵⁸ Так, возвращая светам этих дуг
Честь и позор влияний, может стать,

Он в долю правды направлял бы лук.

⁶¹ Поняв его превратно, заблуждаться
Пошел почти весь мир, и так тогда
Юпитер, Марс, Меркурий стали зваться.

⁶⁴ В другом твоём сомнении вреда
Гораздо меньше; с ним пребудешь здоровым
И не собьёшься с моего следа.

⁶⁷ Что наше правосудие неправым
Казаться может взору смертных, в том
Путь к вере, а не к ересям лукавым.

⁷⁰ Но так как человеческим умом
Глубины этой правды постижимы,
Твое желанье утолю во всем.

⁷³ Раз только там насилие, где теснимый
Насильнику не помогал ничуть,
То эти души им не извинимы;

⁷⁶ Затем что волю силой не задуть;
Она, как пламя, борется упорно,
Хотя б его сто раз насильно гнуть.

⁷⁹ А если в чем-либо она покорна,
То вторит силе; так и эти вот,
Хоть в божий дом могли уйти повторно.

⁸² Будь воля их тот целостный оплот,
Когда Лаврентий не встает с решетки
Или суровый Муций руку жжет, –

⁸⁵ Освободясь, они тот путь короткий,
Где их влекли, прошли бы сами вспять;
Но те примеры – редкие находки.

⁸⁸ Так, если точно речь мою понять,
Исчез вопрос, который, возникая,
Тебе и дальше мог бы докучать.

⁹¹ Но вот теснина предстает другая,

И здесь тебе вовеки одному
Не выбраться; падешь, изнемогая.

⁹⁴ Как я внушала, твоему уму,
Слова святого никогда не лживы:
От Первой Правды не уйти ему.

⁹⁷ Слова Пиккарды, стало быть, правдивы,
Что дух Костанцы жаждал покрывал,
Моим же как бы противоречивы.

¹⁰⁰ Ты знаешь, брат, сколь часто мир видал,
Что человек, пред чем-нибудь робея,
Свершает то, чего бы не желал;

¹⁰³ Так Алкмеон, послушаться не смея
Родителя, родную мать убил
И превратился, зла страшась, в злодея.

¹⁰⁶ Здесь, как ты сам, надеюсь, рассудил,
Насилье слито с волей, и такого
Не извинить, кто этим прегрешил.

¹⁰⁹ По сути, воля не желает злого,
Но с ним мирится, ибо ей страшней
Стать жертвою чего-либо иного.

¹¹² Пиккарда мыслит в повести своей
О чистой воле, той, что вне упрека;
Я – о другой; мы обе правы с ней».

¹¹⁵ Таков был плеск священного потока,
Который от верховий правды шел;
Он обе жажды утолил глубоко.

¹¹⁸ «Небесная, – тогда я речь повел, –
Любимая Вселюбящего, светит,
Живит теплом и влагой ваш глагол.

¹²¹ Таких глубин мой дух в себе не встретит,
Чтоб дар за дар воздать решился он;
Пусть тот, кто зрящ и властен, вам ответит.

¹²⁴ Я вижу, что вовек не утолен
Наш разум, если Правдой непреложной,
Вне коей правды нет, не озарен.

¹²⁷ В ней он покоится, как зверь берложный,
Едва дойдя; и он всегда дойдет, –
Иначе все стремления ничтожны.

¹³⁰ От них у корня истины встает
Росток сомненья; так природа властно
С холма на холм ведет нас до высот.

¹³³ Вот что дает мне смелость, манит страстно
Вас, госпожа, почтительно спросить
О том, что для меня еще неясно.

¹³⁶ Я знать хочу, возможно ль возместить
Разрыв обета новыми делами
И груз их на весы к вам положить».

¹³⁹ Она такими дивными глазами
Огонь любви метнула на меня,
Что веки у меня поникли сами,

¹⁴² И я себя утратил, взор склоня.

Песнь пятая

Когда мой облик пред тобою блещет
И свет любви не по-земному льет,
Так, что твой взор, не выдержав, трепещет,

⁴ Не удивляйся; это лишь растет
Могущество зренья и, вскрывая,
Во вскрытом благе движется вперед.

⁷ Уже я вижу ясно, как, сияя,
В уме твоём зажегся вечный свет,
Который любят, на него взирая.

¹⁰ И если вас влечет другой предмет,
То он всего лишь – восприятий ложно
Того же света отраженный след.

¹³ Ты хочешь знать, чем равноценным можно
Обещанные заменить дела,
Чтобы душа почилла бестревожно».

¹⁶ Так Беатриче в эту песнь вошла
И продолжала слова ход священный,
Чтоб речь ее непрерывной текла:

¹⁹ «Превысший дар создателя вселенной,
Его щедроте больше всех сродни
И для него же самый драгоценный, –

²² Свобода воли, коей искони
Разумные создания причастны,
Без исключения все и лишь они.

²⁵ Отсюда ты получишь вывод ясный,
Что значит дать обет, – конечно, там,
Где бог согласен, если мы согласны.

²⁸ Бог обязаться дозволяет нам,
И этот клад, такой, как я сказала,
Себя ему приносит в жертву сам.

³¹ Где ценность, что его бы заменяла?
А в отданном ты больше не волен,
И жертвовать чужое – не пристало.

³⁴ Ты в основном отныне утвержден;
Но так как церковь знает разрешенья,
С чем как бы спорит сказанный закон,

³⁷ Не покидай стола без замедленья:
Кусок, который съел ты, был тугим
И требует подмоги для сваренья.

⁴⁰ Открой же разум свой словам моим
И в нем замкни их; исчезает вскоре
То, что, услышав, мы не затвердим.

⁴³ Две стороны мы видим при разборе
Подобных жертв: одну мы видим в том,
Чем жертвуют; другую – в договоре.

⁴⁶ Последний обязателен во всем,
Пока не выполнен, как изъяснялось
Уже и выше точным языком.

⁴⁹ Вот почему евреям полагалось, –
Ты помнишь, – жертвовать из своего,
Хоть жертва иногда и заменялась.

⁵² Зато второе, то есть существо,
Бывает и таким, что есть пределы,
В которых можно изменить его.

⁵⁵ Но бремя плеч своих и самый смелый
Менять не смеет и обязан несть,
Пока недвижны желтый ключ и белый.

⁵⁸ Да и обмен нелепым надо счесть,
Когда предмет, имевшийся доселе,

Не входит в новый, как четыре в шесть.

⁶¹ А если ценность – всех других тяжело
И всякой чаши книзу тянет край,
Ее ничем не возместить на деле.

⁶⁴ Своим обетом, смертный, не играй!
Будь стоек, но не обещайся слепо,
Как первый дар принесший Иеффай;

⁶⁷ Он не сказал: «Я поступил нелепо!»,
А согрешил, свершая. В тот же ряд
Вождь греков стал, безумный столь свирепо,

⁷⁰ Что вместе с Ифигенией скорбят
Глупец и мудрый, все, кому случится
Услышать про чудовищный обряд.

⁷³ О христиане, полно торопиться,
Лететь, как перья, всем ветрам вослед!
Не думайте любой водой омыться!

⁷⁶ У вас есть Ветхий, Новый есть завет,
И пастырь церкви вас всегда наставит;
Вот путь спасенья, и другого нет.

⁷⁹ А если вами злая алчность правит,
Так вы же люди, а не скот тупой,
И вас меж вас еврей да не бесславит!

⁸² Не будьте, как ягненок молодой,
Который, бросив мать, беды не чуя,
По простоте играет сам с собой!»

⁸⁵ Так Беатриче мне, как здесь пишу я;
Потом туда, где мир всего живей,
Вновь обратила взоры, вся взыскаю.

⁸⁸ Ее безмолвье, чудный блеск очей
Лишили слов мой жадный ум, где зрели
Опять вопросы к госпоже моей.

⁹¹ И как стрела спешит коснуться цели

Скорее, чем затихнет тетива,
Так ко второму царству мы летели.

⁹⁴ Такая радость в ней зажглась, едва
Тот светоч нас объял, что озарилась
Сама планета светом торжества.

⁹⁷ И раз звезда, смеясь, преобразилась,
То как же — я, чье естество всегда
Легко переменяющимся мнилось?

¹⁰⁰ Как из глубин прозрачного пруда
К тому, что тонет, стая рыб стремится,
Когда им в этом чудится еда,

¹⁰³ Так видел я — несчетность блесков мчится
Навстречу нам, и в каждом клич звучал:
«Вот кем любовь для нас обогатится!»

¹⁰⁶ И чуть один к нам ближе подступал,
То виделось, как все в нем ликовало,
По зареву, которым он сиял.

¹⁰⁹ Суди, читатель: оборвись начало
На этом, как бы тягостно тебе
Дальнейшей повести не доставало;

¹¹² И ты поймешь, как мне об их судьбе
Хотелось внять правдивые глаголы,
Едва мой взгляд воспринял их в себе.

¹¹⁵ «Благорожденный, ты, кому престолы
Всевечной славы видеть предстоит,
Пока не кончен труд войны тяжелый, —

¹¹⁸ Тот свет, который в небесах разлит,
Пылает в нас; поэтому, желая
Про нас узнать, ты будешь вволю сыт».

¹²¹ Так молвила одна мне тень благая,
А Беатриче: «Смело говори
И слушай с верой, как богам внимая!»

¹²⁴ «Я вижу, как гнездишься ты внутри
Своих лучей и как их льешь глазами,
Ликующими пламенной зари.

¹²⁷ Но кто ты, дух достойный, и пред нами
Зачем предстал в той сфере, чье чело
От смертных скрыто чуждыми лучами?»

¹³⁰ Так я сказал сиявшему светло,
Тому, кто речь держал мне; и сиянье
Его еще лучистей облекло.

¹³³ Как солнце, чье чрезмерное сверканье
Его же застит, если жар пробил
Смягчающих паров напластованье,

¹³⁶ Так он, ликуя, от меня укрыл
Священный лик среди его же света
И, замкнут в нем, со мной заговорил,

¹³⁹ Как будет в следующей песни спето.

Песнь шестая

С пор как взмыл, послушный Константину,
Орел противу звезд, которым вслед
И Он встарь парил за тем, кто взял Лавину,

⁴ Господня птица двести с лишним лет
На рубеже Европы пребывала,
Близ гор, с которых облетела свет;

⁷ И тень священных крыл распростирала
На мир, который был во власть ей дан,
И там, из длани в длань, к моей ниспала.

¹⁰ Был кесарь я, теперь – Юстиниан;
Я, Первою Любовью вдохновленный,
В законах всякий устранил изъян.

¹³ Я верил, в труд еще не погруженный,
Что естество в Христе одно, не два,
Такою верой удовлетворенный.

¹⁶ Но Агапит, всех пастырей глава,
Мне свой урок преподал благодатный
В той вере, что единственно права.

¹⁹ Я внял ему; теперь мне так понятны
Его слова, как твоему уму
В противоречье ложь и правда внятны.

²² Я стал ступать, как церковь; потому
И бог меня отметил, мне внушая
Высокий труд; я предался ему,

²⁵ Оружье Велисарию вверяя,
Которого господь в боях вознес,
От ратных дел меня освобождая.

²⁸ Таков ответ на первый твой вопрос;
Но надо, чтоб, об этом повествуя,
Еще немного слов я произнес,

³¹ Всю правоту тебе живописуя
Тех, кто подвигся на священный стяг,
Его присвоив или с ним враждуя.

³⁴ Взгляни, каким величьем всякий шаг
Его сиял; чтоб он владел державой,
Паллант всех прежде кровию иссяк.

³⁷ Ты знаешь, как он в Альбе величавой
Три века ждал, чтоб на ее полях
Три против трех вступили в бой кровавый;

⁴⁰ И что он сделал при семи царях,
От скорби жен сабинских до печали
Лукреции, в соседях сея страх;

⁴³ Что сделал он, когда его вздымали
На Бренна и на Пирра и подряд
Властителей и веча покоряли, –

⁴⁶ За что косматый Квинций, и Торкват,
И Деции, и Фабии доньне
Прославлены, и я почтить их рад.

⁴⁹ Он ниспроверг арабов в их гордыне,
Вслед Ганнибалу миновавших склон,
Откуда, По, ты удержишь путь к равнине.

⁵² Он видел, как Помпей и Сципион
Повиты юной славой и крушима
Вершина, под которой ты рожден.

⁵⁵ Пока то время близилось незримо,
Когда свой облик твердь земле дала,
Им Цезарь овладел, по воле Рима.

⁵⁸ От Вара к Рейну про его дела
Спроси волну Изары, Эры, Сенны

И всех долин, что Рона приняла.

⁶¹ А что он сделал, выйдя из Равенны
И минув Рубикон, – то был полет,
Ни словом, ни пером не изреченный.

⁶⁴ Он двинул на Испанию поход;
Затем к Дураццо; и в Фарсал вонзился,
Исторгнув стон у жарких Нильских вод;

⁶⁷ Антандр и Симоэнт, где встарь гнезвился,
Увидел вновь, и Гекторов курган,
И вновь, на горе Птолемею, взвился.

⁷⁰ На Юбу пал, как грозовой таран,
И вновь пошел на запад ваш, где к брани
Опять зывали трубы помпеян.

⁷³ О том, чем был он в следующей длани,
Брут лает с Кассием в Аду, скорбят
Перузий с Мутиной, полны стенаний.

⁷⁶ И до сих пор отчаяньем объят
Дух Клеопатры, спасшейся напрасно,
Чтоб смерть ей дал змеиный черный яд.

⁷⁹ Он долетел туда, где море красно;
Он подарил земле такой покой,
Что Янов храм был заперт повсечасно.

⁸² Но все, что стяг, превозносимый мной,
Свершил дотоле и свершил в грядущем
Для подданной ему страны земной, –

⁸⁵ Мрак и ничто, когда умом нелгушим
И ясным оком взглянем на него
При третьем кесаре, его несущем.

⁸⁸ Живая Правда, в длани у того,
Ему внушила славный долг – сурово
Исполнить мщенье гнева своего.

⁹¹ Теперь дивись, мое услышав слово:
Он с Титом вновь пошел и отомстил
За отомщение греха бывшего.

⁹⁴ Когда же лангобардский зуб язви
Святую церковь, под его крылами
Великий Карл, разя, ее укрыл.

⁹⁷ Суди же сам о тех, кто с их грехами
Помянут мной, суди об их делах,
Первопричине всех несчастий с вами.

¹⁰⁰ Тот – всенародный стяг втоптал во прах
Для желтых лилий, тот – себе присвоил;
Чей хуже грех – не взвесишь на весах.

¹⁰³ Уж пусть бы гибеллин себе устроил
Особый стяг! А этот – не для тех,
Кто справедливость и его – раздвоил!

¹⁰⁶ И гвельфам нет надежды на успех
С их новым Карлом; львы крупней ходили,
А эти когти с них сдирали мех!

¹⁰⁹ Уже нередко дети слезы лили
За грех отца; и люди пусть не ждут,
Что бог покинет герб свой ради лилий!

¹¹² А эта малая звезда – приют
Тех душ, которые, стяжать желая
Хвалу и честь, несли усердный труд.

¹¹⁵ И если цель желаний – лишь такая
И верная дорога им чужда,
То к небу луч любви восходит, тая.

¹¹⁸ Но в том – часть нашей радости, что мзда
Нам по заслугам нашим воздается,
Не меньше и не больше никогда.

¹²¹ И в этом так отрадно познается
Живая Правда, что веки взор
К какому-либо злу не обернется.

¹²⁴ Различьем звуков гармоничен хор;
Различье высей в нашей жизни ясной –
Гармонией наполнило простор.

¹²⁷ И здесь внутри жемчужины прекрасной
Сияет свет Ромео, чьи труды
Награждены неправдой столь ужасной.

¹³⁰ Но провансальцам горестны плоды
Их происков; и тот вкусит мытарства,
Кому чужая доблесть злей беды.

¹³³ Рамондо Берингьер четыре царства
Дал дочерям; а ведал этим всем
Ромео, скромный странник, враг коварства.

¹³⁶ И все же, наущенный кое-кем,
О нем, безвинном, он повел дознание;
Тот на десять представил пять и семь.

¹³⁹ И, нищ и древен, сам ушел в изгнанье;
Знай только мир, что в сердце он таил,
За кусом кус прося на пропитанье, –

¹⁴² Его хваля, он громче бы хвалил!»

Песнь седьмая

«Osanna, sanctus Deus sabaoth,
Superillustrans claritate tua
Felices ignes horum malacoth!»

⁴ Так видел я поющей сущность ту
И как она под свой напев поплыла,
Двойного света движа красоту.

⁷ Она себя с другими в пляске слила,
И, словно стаю мчащихся огней,
Внезапное пространство их укрыло.

¹⁰ Колеблясь, я: «Скажи, скажи же ей, –
Твердил себе. – Ты, жаждой опаленный,
Скажи об этом госпоже твоей!»

¹³ Но даже в БЕ и в ИЧЕ приученный
Святыню чтить, я, голову клоня,
Поник, как человек в истоме сонной.

¹⁶ Она, таким не потерпев меня,
Сказала, улыбнувшись мне так чудно,
Что счастлив будешь посреди огня:

¹⁹ «Как я сужу, – а мне понять нетрудно, –
Ты тем смущен, что праведная месть
Быть может отомщенной правосудно.

²² Твои сомненья мне легко расплести;
А ты внимай, и то, чего не ведал,
В моих словах ты будешь рад обрести.

²⁵ За то, что тот, кто не рождался, не дал
Связать свой произвол, себе на зло, –
Прокляв себя, он всех проклятью предал;

²⁸ И человечество больным слегло
На долгие века во тьме растленной,
Пока господне Слово не сошло

³¹ В мир, где природу, от творца вселенной
Отпавшую, оно слило с собой
Могуществом Любви неизреченной.

³⁴ На то, что я скажу, глаза открой!
Была природа эта, с ним слитая,
Как в миг создания, чистой и благой;

³⁷ Но все же – тою, что обитель Рая
Утратила, в преступной слепоте
Путь истины и жизни презирая.

⁴⁰ Поэтому и кара на кресте,
Свершаясь над природой восприимчивой,
Была превыше всех по правоте;

⁴³ Но также и несправедливой платой,
Когда мы взглянем, с чьим лицом слилась
Природа эта и кто был распятый.

⁴⁶ Так эта смерть, в последствиях делясь,
И бога, и евреев утोलит:
Раскрылось небо, и земля встряслась.

⁴⁹ И я тебе отныне разъяснила,
Как справедливость праведным судом
За праведное мщенье отомстила.

⁵² Но только вновь твой ум таким узлом,
За мыслью мысль, обвинялся многократно,
Что ждет свободы и томится в нем.

⁵⁵ Ты говоришь: «Мне это все понятно;
Но почему господь для нас избрал
Лишь этот путь спасенья, мне невнятно».

⁵⁸ Никто из тех, мой брат, не проникал
Очами в тайну этого решенья,

Чей дух в огне любви не возмужал.

⁶¹ Здесь многие пытаются силу зренья,
Но различают мало; потому
Скажу, чем вызван этот путь спасенья.

⁶⁴ Господня благость, отменяя тьму,
Горит в самой себе и так искрится,
Что вечные красоты льет всему.

⁶⁷ Все то, что прямо от нее струится,
Пребудет вечно, ибо не прейдет
Ее печать, когда она ложится.

⁷⁰ Все то, что прямо от нее течет,
Всецело вольно, ибо то свободно,
Что новых сил не ощущает гнет.

⁷³ Что ей сродней, то больше ей угодно;
Священный жар, повсюду излучен,
Живее в том, что более с ним сходно.

⁷⁶ И человек всем этим наделен;
Но при утрате хоть единой доли
Он благородства своего лишен.

⁷⁹ Один лишь грех его лишает воли,
Лишая сходства с Истинным Добром,
Которым он не озаряем боле.

⁸² Низверженный в достоинстве своем,
Он встать не может, не восполнив счета
Возмездием за наслажденье злом.

⁸⁵ Природа ваша, согрешая tota
В своем зерне, утратила, упав,
Свои дары и райские ворота;

⁸⁸ И не могла вернуть старинных прав,
Как строгое покажет рассужденье,
Тот или этот брод не миновав:

⁹¹ Иль чтоб господь ей даровал прощенье

Из милости; иль чтобы смертный сам
Мог искупить свое грехопадение.

⁹⁴ Теперь направь глаза ко глубинам
Предвечного совета и вниманьем
Усиленно прильни к мои словам!

⁹⁷ Сам человек достойным воздаяньем
Спаси себя не мог, лишенный сил
Принизиться настолько послушаньем,

¹⁰⁰ Насколько вознестись, ослушный, мнил;
Вот почему своими он делами
Себя бы никогда не искупил.

¹⁰³ Был должен бог, раз не могли вы сами,
К всецелой жизни возвратить людей,
Будь то одним, будь то двумя путями.

¹⁰⁶ Но делателю дело тем милей,
Чем более, из сердца источая,
В него вложил он благодати своей;

¹⁰⁹ И благодать божья, в мире разлитая,
Тем и другим направилась путем,
Вас к прежним высям вознести желая.

¹¹² Между последней тьмой и первым днем
Величественней не было деянья
И не свершится впредь ни на одном.

¹¹⁵ Бог, снисшедший до самоотданья,
Щедрее вам помог себя спасти,
Чем милостью простого оправданья;

¹¹⁸ И были бы закрыты все пути
Для правосудья, если б сын господень
Не принял униженья во плоти.

¹²¹ Чтоб ты от всех сомнений был свободен,
Добавлю пояснение, и тогда
Ты зоркостью со мною станешь сходен.

¹²⁴ Ты говоришь: «И пламя, и вода,
И воздух, и земля, и их смешенья,
Придя в истленье, гибнут без следа.

¹²⁷ А это ведь, однако же, творенья!
И если речь твоя была верна,
Им надо быть избавленным от тленья».

¹³⁰ Брат! Ангелы и чистая страна,
Где ты сейчас, – я так бы изложила, –
В их совершенстве созданы сполна.

¹³³ И те стихии, что ты назвал было,
И сложенное ими естество
Образовала созданная сила.

¹³⁶ Сотворены само их вещество
И сила тех творящих излучений,
Что льют светила, движась вокруг него.

¹³⁹ Душа животных и душа растений
Из свойственной среды извлечены
Лучами и движеньем звездной сени.

¹⁴² А ваши жизни в вас вдохновлены
Всевышней благостью и к ней всецело,
В нее влюбленные, устремлены.

¹⁴⁵ На этом основать ты можешь смело
И ваше воскресенье, если ты
Припомнишь, как творилось ваше тело

¹⁴⁸ В творенье прародительской четы».

Песнь восьмая

В погибшем мире веровать привыкли,
Что излученья буйной страсти льет –
Киприда, движась в третьем эпицикле;

⁴ И воздавал не только ей почет
Обетов, жертв и песенного звона
В былом неведение былой народ,

⁷ Но чтились вместе с ней, как мать – Диона,
И Купидон – как сын; и басня шла,
Что на руки его брала Дидона.

¹⁰ Той, кем я начал, названа была
Звезда, которая взирает страстно
На солнце то вдогонку, то с чела.

¹³ Как мы туда взлетели, мне неясно;
Но что мы – в ней, уверило меня
Лицо вожатой, став вдвойне прекрасно.

¹⁶ Как различимы искры среди огня
Иль голос в голосе, когда в движенье
Придет второй, а первый ждет, звеня,

¹⁹ Так в этом свете видел я круженье
Других светил, и разный бег их мчал,
Как, верно, разное вечное их зренье.

²² От мерзлой тучи ветер не слетал
Настолько быстрый, зримый иль незримый,
Чтоб он не показался тих и вял

²⁵ В сравненье с тем, как были к нам стремимы
Святые светлы, покидая пляс,
Возникший там, где реют серафимы.

²⁸ Из глуби тех, кто был вблизи от нас,
«Осанна» так звучала, что томился
По этим звукам я с тех пор не раз.

³¹ Потом один от прочих отделился
И начал так: «Мы все служить тебе
Спешим, чтоб ты о нас возвеселился.

³⁴ В одном кругу, кружение и алчбе
Наш сонм с чредой Начал небесных мчится,
Которым ты сказал, в земной судьбе:

³⁷ «Вы, чьей заботой третья твердь кружится»;
Мы так полны любви, что для тебя
Нам будет сладко и остановиться».

⁴⁰ Мои глаза доверили себя
Глазам владычицы и, их ответом
Сомнение и робость истребя,

⁴³ Вновь утолились этим щедрым светом,
И я: «Скажи мне, кто вы», – произнес,
Замкнув большое чувство в слове этом.

⁴⁶ Как в мощи и в объеме он возрос
От радости, – чья сила умножала
Былую радость, – слыша мой вопрос!

⁴⁹ И, став таким, он мне сказал: «Я мало
Жил в дельном мире; будь мой век продлен,
То многих бы грядущих зол не стало.

⁵² Я от тебя весельем утаен,
В лучах его сиянья незаметный,
Как червячок средь шелковых пелен.

⁵⁵ Меня любил ты, с нежностью не тщетной:
Будь я в том мире, ты бы увидал
Не только лишь листву любви ответной.

⁵⁸ Тот левый берег, где свой быстрый вал
Проносит, смешанная с Соргой, Рона,

Господства моего в грядущем ждал;

⁶¹ Ждал рог авзонский, где стоят Катона,
Газта, Бари, замкнуты в предел
От Верде к Тронто до морского лона.

⁶⁴ И на челе моем уже блестел
Венец земли, где льется ток Дуная,
Когда в немецких долах отшумел;

⁶⁷ Прекрасная Тринакрия, – вдоль края,
Где от Пахина уперся в Пелор
Залив, под Эвром стонущий, мглистая

⁷⁰ Не от Тифея, а от серных гор, –
Ждала бы государей, мной рожденных
От Карла и Рудольфа, до сих пор,

⁷³ Когда бы произвол, для угнетенных
Мучительный, Палермо не увлек
Вскричать: «Бей, бей!» – восстав на беззаконных.

⁷⁶ И если бы мой брат предвидеть мог,
Он с каталонской жадной ницетою
Расстался бы, чтоб избежать тревог;

⁷⁹ Ему пора бы, к своему покою,
Иль хоть другим, его груженный струг
Не загружать поклажею двойною:

⁸² Раз он, сын щедрого, на щедрость туг,
Ему хоть слуг иметь бы надлежало,
Которые не жадны класть в сундук».

⁸⁵ «То ликованье, что во мне взыграло
От слов твоих, о господин мой, там,
Где всяких благ скончанье и начало,

⁸⁸ Ты видишь, верю, как я вижу сам;
Оно мне тем милей, и тем дороже,
Что зримо вникшим в божество глазам.

⁹¹ Ты дал мне радость, дай мне ясность тоже;

Я тем смущен, услышав отзыв твой,
Что сладкое зерно столь горьким всхоже».

⁹⁴ Так я; и он: «Вняв истине одной,
К тому, чем вызвано твое сомненье,
Ты станешь грудью, как стоишь спиной.

⁹⁷ Тот, кто приводит в счастье и вращенье
Мир, где ты всходишь, в недрах этих тел
Преображает в силу провиденье.

¹⁰⁰ Не только бытие предусмотрел
Для всех природ всесовершенный Разум,
Но вместе с ним и лучший их удел.

¹⁰³ И этот лук, стреляя раз за разом,
Бьет точно, как предвидено стрельцом,
И как бы направляем метким глазом.

¹⁰⁶ Будь иначе, твердь на пути твоём
Такие действия произвела бы,
Что был бы вместо творчества – разгром;

¹⁰⁹ А это означало бы, что слабы
Умы, вращающие сонм светил,
И тот, чья мудрость их питать должна бы.

¹¹² Ты хочешь, чтоб я ближе разъяснил?»
И я: «Не надо. Мыслить безрассудно,
Что б нужный труд природу утомил».

¹¹⁵ И он опять: «Скажи, мир жил бы скудно,
Не будь согражданином человек?»
«Да, – молвил я, – что доказать нетрудно».

¹¹⁸ «А им он был бы, если б не прибег
Для разных дел к многообразию званий?
Нет, если правду ваш мудрец изрек».

¹²¹ И, в выводах дойдя до этой грани,
Он заключил: «Отсюда – испокон
Различны корни ваших содеяний:

¹²⁴ В одном родится Ксеркс, в другом – Солон,
В ином – Мельхиседек, в ином – родитель
Того, кто пал, на крыльях вознесен.

¹²⁷ Круговорот природы, впечатлитель
Мирского воска, свой блюдет устав,
Но он не поглядит, где чья обитель.

¹³⁰ Вот почему еще в зерне Исав
Несходен с Яковом, отец Квирина
Так низок, что у Марса больше прав.

¹³³ Рожденная природа заедино
С рождающими шла бы их путем,
Когда б не сила божьего почина.

¹³⁶ Теперь ты к истине стоишь лицом.
Но чтоб ты знал, как мне с тобой отратно,
Хочу, чтоб вывод был тебе плащом.

¹³⁹ Природа, если к ней судьба нещадна,
Всегда, как и любой другой посев
На чуждой почве, смотрит неприглядно;

¹⁴² И если б мир, основы обзрев,
Внедренные природой, шел за нею,
Он стал бы лучше, в людях преуспев.

¹⁴⁵ Вы тащите к церковному елею
Такого, кто родился меч нести,
А царство отдаете казнодею;

¹⁴⁸ И так ваш след сбивается с пути».

Песнь девятая

Когда твой Карл, прекрасная Клеменца,
Мне пролил свет, он, вскрыв мне, как вражда
Обманет некогда его младенца,

⁴ Сказал: «Молчи, и пусть кружат года!»
И я могу сказать лишь, что рыдания
Ждут тех, кто пожелает вам вреда.

⁷ И жизнь святого этого сиянья
Опять вернулась к Солнцу, им полна,
Как, в мере, им доступной, все создання.

¹⁰ Вы, чья душа греховна и темна,
Как от него вас сердце отвратило,
И голова к тщете обращена?

¹³ И вот ко мне еще одно светило
Приблизилось и, озарясь вовне,
Являло волю сделать, что мне мило.

¹⁶ Взор Беатриче, устремлен ко мне,
В том, что она с просимым согласилась,
Меня, как прежде, убедил вполне.

¹⁹ «Дай, чтобы то, чего хочу, свершилось,
Блаженный дух, — сказал я, — мне явив,
Что мысль моя в тебе отобразилась».

²² Свет, новый для меня, на мой призыв,
Из недр своих, пред тем звучавших славой,
Сказал, как тот, кто щедрым быть счастлив:

²⁵ «В Италии, растленной и лукавой,
Есть область от Риальто до вершин,
Нистекших Брентой и нистекших Пьявой;

²⁸ И там есть невысокий холм один,
Откуда факел снизошел, грозою
Кругом бушуя по лицу равнин.

³¹ Единого он корня был со мною;
Куницей я звалась и здесь горю
Как этой побежденная звездою.

³⁴ Но, в радости, себя я не корю
Такой моей судьбой, хоть речи эти
Я не для вашей черни говорю.

³⁷ Об этом драгоценном самоцвете,
Всех ближе к нам, везде молва идет;
И прежде чем умолкнуть ей на свете,

⁴⁰ Упятерится этот сотый год:
Тех, чьи дела величьем пресловуты,
Вторая жизнь вослед за первой ждет.

⁴³ В наш век о ней не думает замкнутый
Меж Адиче и Тальяменто люд
И, хоть избит, не тужит ни минуты.

⁴⁶ Но падуанцы вскорости нальют
Другой воды в Виченцское болото,
Затем что долг народы не блюдут.

⁴⁹ А там, где в Силе впал Каньян, есть кто-то,
Владычащий с подъятой головой,
Кому уже готовятся тенета.

⁵² И Фельтро оросит еще слезой
Грех мерзостного пастыря, столь черный,
Что в Мальту не вступали за такой.

⁵⁵ Под кровь феррарцев нужен чан просторный,
И взвешивая, сколько унций в ней,
Устал бы, верно, весовщик упорный,

⁵⁸ Когда свой дар любезный иерей
Преподнесет как честный враг крамолы;

Но этим там не удивишь людей.

⁶¹ Вверху есть зеркала (для вас – Престолы),
Откуда блещет нам судящий бог;
И эти наши истины глаголы».

⁶⁴ Она умолкла; и я видеть мог,
Что мысль она к другому обратила,
Затем что прежний круг ее увлек.

⁶⁷ Другая радость, чье величье было
Мне ведомо, всплыла, озарена,
Как лал, в который солнце луч вонзило.

⁷⁰ Вверху весельем яркость рождена,
Как здесь – улыбка; а внизу мрачнеет
Тем больше тень, чем больше мысль грустна.

⁷³ «Бог видит все, твое в нем зренье реет, –
Я молвил, – дух блаженный, и ничья
Мысль у тебя себя украсть не смеет.

⁷⁶ Так что ж твой голос, небо напоя
Среди святых огней, чей хор кружится,
В шести крылах обличия тая,

⁷⁹ Не даст моим желаньям утолиться?
Я упредить вопрос твой был бы рад,
Когда б, как ты в меня, в тебя мог влиться».

⁸² «Крупнейший дол, где волны бег свой мчат, –
Так отвечал он, – устремясь широко
Из моря, землю взявшего в обхват,

⁸⁵ Меж розных берегов настоль глубоко
Уходит к солнцу, что, где прежде был
Край неба, там круг полдня видит око.

⁸⁸ Я на побережье между Эбро жил
И Магрою, чей ток, уже у ската,
От Генуи Тоскану отделил.

⁹¹ Близки часы восхода и заката

В Буджее и в отечестве моем,
Согревшем кровью свой залив когда-то.

⁹⁴ Среди людей, кому я был знаком,
Я звался Фолько; и как мной владело
Вот это небо, так я властен в нем;

⁹⁷ Затем что не страстней была дочь Бела,
Сихея и Креусу оскорбив,
Чем я, пока пора не отлетела,

¹⁰⁰ Ни родопеянка, с которой лжив
Был Демофонт, ни сам неодолимый
Алкид, Иолу в сердце заключив.

¹⁰³ Но здесь не скорбь, а радость обрели мы
Не о грехе, который позабыт,
А об Уме, чьей мыслью мы хранимы.

¹⁰⁶ Здесь видят то искусство, что творит
С такой любовью, и глядят в Начало,
Чья благодать к высям дольный мир стремит.

¹⁰⁹ Но чтоб на все, что мысль твоя желала
Знать в этой сфере, ты унес ответ,
Последовать и дальше мне пристало.

¹¹² Ты хочешь знать, кто в этот блеск одет,
Которого близ нас сверкает слава,
Как солнечный в прозрачных водах свет.

¹¹⁵ Так знай, что в нем покоится Раава
И, с нашим сонмом соединена,
Его увенчивает величаво.

¹¹⁸ И в это небо, где заострена
Тень мира вашего, из душ всех ране
В Христовой славе принята она.

¹²¹ Достоин, чтоб она среди сияний
Одной из твердей знаменьем была
Победы, добытой поднятием дланей,

¹²⁴ Затем что Иисусу помогла
Прославиться в Земле Обетованной,
Мысль о которой папе не мила.

¹²⁷ Твоя отчизна, стебель окаянный
Того, кто первый богом пренебрег
И завистью наполнил мир пространный,

¹³⁰ Растит и множит проклятый цветок,
Чьей прелестью с дороги овцы сбиты,
А пастырь волком стал в короткий срок.

¹³³ С ним слово божье и отцы забыты,
И отдан Декреталиям весь пыл,
Заметный в том, чем их поля покрыты.

¹³⁶ Он папе мил и кардиналам мил;
Их ум не озабочен Назаретом,
Куда раскинул крылья Гавриил.

¹³⁹ Но Ватикан и чтимые всем светом
Святыни Рима, где кладбище тех,
Кто пал, Петровым следуя заветам,

¹⁴² Избудут вскоре любодейный грех».

Песнь десятая

Взирая на божественного Сына,
Дыша Любовью вечной, как и тот,
Невыразимая Первопричина

⁴ Все, что в пространстве и в уме течет,
Так стройно создала, что наслаждение
Невольно каждый, созерцая, пьет.

⁷ Так устрями со мной, читатель, зренье
К высоким дугам до узла того,
Где то и это встретилось движенье;

¹⁰ И полюбуйся там на мастерство
Художника, который, им плененный,
Очей не отрывает от него.

¹³ Взгляни, как там отходит круг наклонный,
Где движутся планеты и струят
Свой дар земле на зов ее исконный:

¹⁶ Когда бы не был этот путь покат,
Погибло бы небесных сил немало
И чуть не все, чем дельный мир богат;

¹⁹ А если б их стезя положе стала
Иль круче, то премногого опять
Внизу бы иверху недоставало.

²² Итак, читатель, не спеши вставать,
Продумай то, чего я здесь касался,
И восхитишься, не успев устать.

²⁵ Тебе я подал, чтоб ты сам питался,
Затем что полностью владеет мной
Предмет, который описать я взялся.

²⁸ Первослуга природы, мир земной
Запечатлевший силою небесной
И мерящий лучами час дневной, –

³¹ С узлом вышепомянутым совместный,
По тем извоям совершал свой ход,
Где он все раньше льет нам свет чудесный.

³⁴ И я был с ним, но самый этот взлет
Заметил лишь, как всякий замечает,
Что мысль пришла, когда она придет.

³⁷ Так быстро Беатриче восхищает
От блага к лучшему, что ей вослед
Стремление времени не поспевает.

⁴⁰ Каким сияньем каждый был одет
Там, в недрах солнца, посещенных нами,
Раз отличает их не цвет, а свет!

⁴³ Умом, искусством, нужными словами
Я беден, чтоб наглядный дать рассказ.
Пусть верят мне и жаждут видеть сами.

⁴⁶ А что воображение низко в нас
Для тех высот, дивиться вряд ли надо,
Затем что солнце есть предел для глаз.

⁴⁹ Таков был блеск четвертого отряда
Семьи Отца, являющего ей
То, как он дышит и рождает чадо.

⁵² И Беатриче мне: «Благоговей
Пред Солнцем ангелов, до недр плотского
Тебя вознесшим милостью своей!»

⁵⁵ Ничья душа не ведала такого
Святого рвенья и отдать свой пыл
Создателю так не была готова,

⁵⁸ Как я, внимая, это ощутил;
И так моя любовь им поглощалась,

Что я о Беатриче позабыл.

⁶¹ Она, без гнева, только, улыбалась,
Но так сверкала радость глаз святых,
Что целостная мысль моя распалась.

⁶⁴ Я был средь блесков мощных и живых,
Обвинивших нас венцом, и песнь их слаще
Еще была, чем светел облик их;

⁶⁷ Так дочь Латоны иногда блестящий
Наденет пояс, и, огнем сквозя,
Он светится во мгле, его держащей.

⁷⁰ В дворце небес, где шла моя стезя,
Есть много столь прекрасных самоцветов,
Что их из царства унести нельзя;

⁷³ Таким вот было пенье этих светов;
И кто туда подняться не крылат,
Тот от немого должен ждать ответов.

⁷⁶ Когда певучих солнц горящий ряд,
Нас, неподвижных, обогнув трикраты,
Как звезды, к остьям близкие, кружат,

⁷⁹ Остановился, как среди баллаты,
Умолкнув, станет женщин череда
И ждет, чтоб отзвучал запев начатый,

⁸² В одном из них послышалось: «Когда
Луч милости, который возжигает
Неложную любовь, чтоб ей всегда

⁸⁵ Расти с ним вместе, так в тебе сверкает,
Что вверх тебя ведет по ступеням,
С которых сшедший – вновь на них – ступает,

⁸⁸ Тот, кто твоим бы отказал устам
В своем вине, не больше бы свободен
Был, чем поток, не льющийся к морям.

⁹¹ Ты хочешь знать, какими благороден
Цветами наш венок, сплетенный тут
Вкруг той, кем ты введен в чертог господень.

⁹⁴ Я был одним из агнцев, что идут
За Домиником на пути богатом,
Где все, кто не собьется, тук найдут.

⁹⁷ Тот, справа, был мне пестуном и братом;
Альбертом из Колоньи он звался,
А я звался Фомою Аквинатом.

¹⁰⁰ Чтоб наша вязь тебе предстала вся,
Внимай, венец блаженный озирая
И взор вослед моим словам неся.

¹⁰³ Вот этот пламень льет, не угасая,
Улыбка Грациана, кем стоят
И тот, и этот суд, к отраде Рая.

¹⁰⁶ Другой, чьи рядом с ним лучи горят,
Был тем Петром, который, как однажды
Вдовица, храму подарил свой клад.

¹⁰⁹ Тот, пятый блеск, прекраснее, чем каждый
Из нас, любовью вдохновлен такой,
Что мир о нем услышать полон жажды.

¹¹² В нем – мощный ум, столь дивный глубиной,
Что, если истина – не заблужденье,
Такой мудрец не восставал второй.

¹¹⁵ За ним ты видишь светоча горенье,
Который, во плоти, провидеть мог
Природу ангелов и их служенье.

¹¹⁸ Соседний с ним счастливый огонек –
Заступник христианских лет, который
И Августину некогда помог.

¹²¹ Теперь, вращая мысленные взоры
От света к свету вслед моим хвалам,
Ты, чтоб узнать восьмого, ждешь опоры.

¹²⁴ Узрев все благо, радуется там
Безгрешный дух, который лживость мира
Являет внявшему его словам.

¹²⁷ Плоть, из которой он был изгнан, сирю
Лежит в Чельдоро; сам же он из мук
И заточенья принят в царство мира.

¹³⁰ За ним пылают, продолжая круг,
Исидор, Беда и Рикард с ним рядом,
Нечеловек в превышей из наук.

¹³³ Тот, вслед за кем ко мне вернешься взглядом,
Был ясный дух, который смерти ждал,
Отравленный раздумий горьким ядом:

¹³⁶ То вечный свет Сигера, что читал
В Соломенном проулке в оны лета
И негодным правдам поучал».

¹³⁹ И как часы зовут нас в час рассвета,
Когда невеста божья, встав, поет
Песнь утра жениху и ждет привета,

¹⁴² И зубчик гонит зубчик и ведет,
И нежный звон «тинь-тинь» – такой блаженный,
Что дух наш полн любви, как спелый плод, –

¹⁴⁵ Так предо мною хоровод священный
Вновь двинулся, и каждый голос в лад
Звучал другим, такой неизреченный,

¹⁴⁸ Как может быть лишь в вечности услад.

Песнь одиннадцатая

О смертных безрассудные усилья!
Как скудоумен всякий силлогизм,
Который пригнетает ваши крылья.

⁴ Кто разбирал закон, кто – афоризм,
Кто к степеням священства шел ревниво,
Кто к власти чрез насилие иль софизм,

⁷ Кого манил разбой, кого – нажива,
Кто, в наслажденья тела погружен,
Изнемогал, а кто дремал лениво,

¹⁰ В то время как, от смуты отрешен,
Я с Беатриче в небесах далече
Такой великой славой был почтен.

¹³ Как только каждый прокружил до встречи
С той точкой круга, где он прежде был,
Все утвердились, как в светильнях свечи.

¹⁶ И светоч, что со мною говорил,
Вновь подал голос из своей середины
И, улыбаясь, ярче засветил:

¹⁹ «Как мне сияет луч его единый,
Так, вечным Светом очи напоя,
Твоих раздумий вижу я причины.

²² Ты ждешь, недоуменный, чтобы я
Тебе раскрыл пространней, чем вначале,
Дабы могла постичь их мысль твоя,

²⁵ Мои слова, что «Тук найдут», и дале,
Где я сказал: «Не восставал второй»:
Здесь надо, чтоб мы строго различали.

²⁸ Небесный промысл, правящий землей
С премудростью, в которой всякий бренный
Мутится взор, сраженный глубиной,

³¹ Дабы на зов любимого священный
Невеста жениха, который с ней
В стenanьях кровью обручен блаженной,

³⁴ Уверенней спешила и верней,
Как в этом, так и в том руководима,
Определил ей в помощь двух вождей.

³⁷ Один пылал пыланьем серафима;
В другом казалась мудрость так светла,
Что он блистал сияньем херувима.

⁴⁰ Лишь одного прославлю я дела,
Но чтит двоих речь об одном ведущий,
Затем что цель их общию была.

⁴³ Промеж Тупино и водой, текущей
С Убальдом облюбованных высот,
Горы высокой сходит склон цветущий

⁴⁶ И на Перуджу зной и холод шлет
В Ворота Солнца; а за ним, стеная,
Ночера с Гвальдо терпят тяжкий гнет.

⁴⁹ На этом склоне, там, где он, ломая,
Смягчает кручу, солнце в мир взошло,
Как всходит это, в Ганге возникая;

⁵² Чтoб это место имя обрело,
«Ашези» – слишком мало бы сказало;
Скажи «Восток», чтoб точно подошло.

⁵⁵ Оно, хотя еще недавно встало,
Своей великой силой кое в чем
Уже земле заметно помогало.

⁵⁸ Он юношей вступил в войну с отцом
За женщину, не призванную к счастью:

Ее, как смерть, впускать не любят в дом;

⁶¹ И, перед должною духовной властью
Et coram patre с нею обручась,
Любил ее, что день, то с большей страстью.

⁶⁴ Она, супруга первого лишась,
Тысячелетье с лишним, в доле темной,
Вплоть до него любви не дождалась;

⁶⁷ Хоть ведали, что в хижине укромной,
Где жил Амикл, не дрогнула она
Пред тем, кого страшился мир огромный,

⁷⁰ И так была отважна и верна,
Что, где Мария ждать внизу осталась,
К Христу на крест взошла рыдать одна.

⁷³ Но, чтоб не скрытной речь моя казалась,
Знай, что Франциском этот был жених
И Нищетой невеста называлась.

⁷⁶ При виде счастья и согласия их,
Любовь, умильный взгляд и удивленье
Рождали много помыслов святых.

⁷⁹ Бернарда первым обуяло рвенье,
И он, разутый, вслед спеша, был рад
Столь дивное настичь упокоенье.

⁸² О, дар обильный, о, безвестный клад!
Эгидий бос, и бос Сильвестр, ступая
Вслед жениху; так дева манит взгляд!

⁸⁵ Отец и пестун из родного края
Уходит с нею, теми окружен,
Чей стан уже стянула вервь простая;

⁸⁸ Вежд не потупив оттого, что он –
Сын Пьетро Бернардоне и по платью
И по лицу к презреннейшим причтен,

⁹¹ Он царственно все то, что движет братью,

Раскрыл пред Иннокентием, и тот
Устав скрепил им первою печатью.

⁹⁴ Когда разросся бедненький народ
Вокруг того, чья жизнь столь знаменита.
Что славу ей лишь небо воспоет,

⁹⁷ Дух повелел, чтоб вновь была повита
Короной, из Гонориевых рук,
Святая воля их архимандрита.

¹⁰⁰ Когда же он, томимый жаждой мук,
Перед лицом надменного султана
Христа восславил и Христовых слуг,

¹⁰³ Но увидал, что учит слишком рано
Незрелых, и вернулся, чтоб во зле
Не чахла итальянская поляна, —

¹⁰⁶ На Тибр и Арно рознящей скале
Приняв Христа последние печати,
Он их носил два года на земле.

¹⁰⁹ Когда даритель столькой благодати
Вознес того, кто захотел таким
Смирненным быть, к им заслуженной плате,

¹¹² Он братьям, как наследникам своим,
Возлюбленную поручил всецело,
Хранить ей верность завещая им;

¹¹⁵ Единственно из рук ее хотела
Его душа в чертог свой отойти,
Иного гроба не избрав для тела.

¹¹⁸ Суди ж, каков был тот, кто с ним вести
Достоин был вдвоем ладью Петрову
Средь волн морских по верному пути!

¹²¹ Он нашей братии положил основу;
И тот, как видишь, грузит добрый груз,
Кто с ним идет, его послушный слову.

¹²⁴ Но у овец его явился вкус
К другому корму, и для них надежней
Отыскивать вразброд запретный кус.

¹²⁷ И чем ослушней и неосторожней
Их стадо разбредется, кто куда,
Тем у вернувшихся сосцы порожней.

¹³⁰ Есть и такие, что, боясь вреда,
Теснятся к пастуху; но их так мало,
Что холст для ряс в запасе есть всегда.

¹³³ И если внятно речь моя звучала
И ты вослед ей со вниманьем шел
И помнишь то, что я сказал сначала,

¹³⁶ Ты часть искомого теперь обрел;
Ты видишь, как на щепки ствол сечется
И почему я оговорку ввел:

¹³⁹ «Где тук найдут все те, кто не собьется».

Песнь двенадцатая

Едва последнее промолвил слово
Благословенный пламенник, как вдруг
Священный жернов закружился снова;

⁴ И, прежде чем он сделал полный круг,
Другой его замкнул, вовне сплетенный,
Сливая с шагом шаг, со звуком звук,

⁷ Звук столь певучих труб, что, с ним сравненный,
Земных сирен и муз не ярче звон,
Чем рядом с первым блеском – отраженный.

¹⁰ Как средь прозрачных облачных пелен
Над луком лук соцветный и сокружный
Посланицей Юоны вознесен,

¹³ И образован внутренним наружный,
Похож на голос той, чье тело страсть,
Как солнце – мглу, сожгла тоской недужной,

¹⁶ И предрекать дается людям власть, –
Согласно с божьим обещаньем Ною, –
Что вновь на мир потоку не ниспасть,

¹⁹ Так вечных роз гирляндой двойною
Я окружен был с госпожой моей,
И внешняя скликалась с основной.

²² Когда же пляску и, совместно с ней,
Торжественное пенье и пыланье
Приветливых и радостных огней

²⁵ Остановило слитное желанье,
Как у очей совместное всегда
Бывает размыканье и смыканье, –

²⁸ В одном из новых пламеней тогда
Раздался голос, взор мой понуждая
Оборотиться, как иглу звезда,

³¹ И начал так: «Любовь, во мне сияя,
Мне речь внушает о другом вожде,
Как о моем была здесь речь благая.

³⁴ Им подобает вместе быть везде,
Чтоб нераздельно слава озаряла
Объединенных в боевом труде.

³⁷ Христова рать, хотя мечи достала
Такой ценой, медлива и робка
За стягом шла, и ратных было мало,

⁴⁰ Когда царящий вечные века,
По милости, не в воздаянье чести,
Смутившиеся выручил войска,

⁴³ Послав, как сказано, своей невесте
Двух воинов, чье дело, чьи слова
Рассеянный народ собрали вместе.

⁴⁶ В той стороне, откуда дерева
Живит Зефир, отрадный для природы,
Чтоб вновь Европу облекла листва,

⁴⁹ Близ берега, в который бьются воды,
Где солнце, долго идя на закат,
Порою покидает все народы,

⁵² Есть Каларога, благодатный град,
Хранительным щитом обороненный,
В котором лев принижен и подъят.

⁵⁵ И в нем родился этот друг влюбленный
Христовой веры, поборатель зла,
Благой к своим, с врагами непреклонный.

⁵⁸ Чуть создана, душа его была
Полна столь мощных сил, что, им чревата,

Пророчествовать мать его могла.

⁶¹ Когда у струй, чье омовенье свято,
Брак между ним и верой был свершен,
Взаимным благом их даря богато,

⁶⁴ То восприемнице приснился сон,
Какое чудное исполнить дело
Он с верными своими вдохновен.

⁶⁷ И, чтобы имя суть запечатлело,
Отсюда мысль сошла его наречь
Тому подвластным, чьим он был всецело.

⁷⁰ Он назван был Господним; строя речь,
Сравню его с садовником Христовым,
Который призван сад его беречь.

⁷³ Он был посланцем и слугой Христовым,
И первый взор любви, что он возвел,
Был к первым наставлениям Христовым.

⁷⁶ В младенчестве своем на жесткий пол
Он, бодрствуя, ложился, молчаливый,
Как бы твердя: «Я для того пришел».

⁷⁹ Вот чей отец воистину Счастливый!
Вот чья воистину Иоанна мать,
Когда истолкования правдивы!

⁸² Не ради благ, манящих продолжать
Нелегкий путь Остийца и Фаддея,
Успел он много в малый срок познать,

⁸⁵ Но лишь о манне истинной радея;
И обходил дозором вертоград,
Чтоб он, в забросе, не зачах, седея;

⁸⁸ И у престола, что во много крат
Когда-то к истым бедным был добрее,
В чем выродок воссевший виноват,

⁹¹ Не назначенья в должность поскорее,

Не льготу – два иль три считать за шесть,
Не decimas, quae sunt pauperum Dei,

⁹⁴ Он испросил; но право бой повесть
С заблудшими за то зерно, чьих кринов
Двенадцать чет пришли тебя оплесть.

⁹⁷ Потом, познания вместе с волей двинув,
Он выступил апостольским посланцем,
Себя как мощный водопад низринув

¹⁰⁰ И потрясая на пути своем
Дебрь лжеученья, там сильней бурливый,
Где был сильней отпор, чинимый злом.

¹⁰³ И от него пошли ручьев разливы,
Чьей влагою вселенский сад возрос,
Где деревца поэтому так живы.

¹⁰⁶ Раз таково одно из двух колес
Той колесницы, на которой билась
Святая церковь средь усобных гроз, –

¹⁰⁹ Тебе, наверно, полностью открылась
Вся мощь второго, чья святая цель
Здесь до меня Фомой возносилась.

¹¹² Но след, который резала досель
Его окружность, брошен в дни упадка,
И винный камень заменила цвель.

¹¹⁵ Державшиеся прежде отпечатка
Его шагов свернули до того,
Что ставится на место пальцев пятка.

¹¹⁸ И явит в скором времени жнитво,
Как плох был труд, когда сорняк взрыдает,
Что житница закрыта для него.

¹²¹ Конечно, кто подряд перелистает
Всю нашу книгу, встретит и листок,
Гласящий: «Я таков, как подобает».

¹²⁴ Не в Акваспарте он возникнуть мог
И не в Касале, где твердят открыто,
Что слишком слаб устав иль слишком строг.

¹²⁷ Я жизнь Бонавентуры, минорита
Из Баньореджо; мне мой труд был свят,
И все, что слева, было мной забыто.

¹³⁰ Здесь Августин, и здесь Иллюминат,
Из первых меж босыми бедняками,
Которым бог, с их вервием, был рад.

¹³³ Гугон святого Виктора меж нами,
И Петр Едок, и Петр Испанский тут,
Что сквозь двенадцать книг горит лучами;

¹³⁶ Нафан – пророк, и тот, кого зовут
Золотоустым, и Ансельм с Донатом,
К началку знаний приложившим труд;

¹³⁹ А там – Рабан; а здесь, в двунадесятон
Огне сияет вещей Иоахим,
Который был в Калабрии аббатон.

¹⁴² То брат Фома, любовию палим,
Завидовать такому паладину
Подвиг меня хвалением своим;

¹⁴⁵ И эту вслед за мной подвиг дружину».

Песнь тринадцатая

Пусть тот, кто хочет знать, что мне предстало,
Вообразит (и образ, внемля мне,
Пусть держит так, как бы скала держала)

⁴ Пятнадцать звезд, горящих в вышине
Таким огнем, что он нам блещет в очи,
Любую мглу преодолев извне;

⁷ Вообразит тот Воз, что дни и ночи
На нашем небе вольно колесит
И от круженья дышла – не короче;

¹⁰ И устье рога пусть вообразит,
Направленного от иглы устоя,
Вокруг которой первый круг скользит;

¹³ И что они, два знака в небе строя,
Как тот, который, чуя смертный хлад,
Сплела в былые годы дочь Миноя,

¹⁶ Свои лучи друг в друге единят,
И эти знаки, преданы вращенью,
Идут – один вперед, другой назад, –

¹⁹ И перед ним возникнет смутной тенью
Созвездие, чей светлый хоровод
Меня обвил своей двойною сенью,

²² С которой все, что опыт нам несет,
Так несравнимо, как течение Кьяны
С той сферою, что всех быстрее течет.

²⁵ Не Вакх там воспевался, не пеаны,
Но в божеской природе три лица
И как она и смертная слияны.

²⁸ Умолкнув, оба замерли венца
И устремили к нам свое сиянье,
И вновь их счастьем не было конца.

³¹ В содружестве божеств прервал молчанье
Тот свет, из чьих я слышал тайников
О божьем нищем чудное сказанье,

³⁴ И молвил: «Раз один из двух снопов
Смолочен, и зерно лежать осталось,
Я и второй обмолотить готов.

³⁷ Ты думаешь, что в грудь, откуда бралось
Ребро, чтоб вышла нежная щека,
Чье небо миру дорого досталось,

⁴⁰ И в ту, которая на все века,
Пронзенная, так много искупила,
Что стала всякая вина легка,

⁴³ Весь свет, вместить который можно было
Природе человеческой, влила
Создавшая и ту и эту сила;

⁴⁶ И странной речь моя тебе была,
Что равного не ведала второго
Душа, чья благодать в пятый блеск вошла.

⁴⁹ Вняв мой ответ, поймешь, что это слово
С тем, что ты думал, точно совпадет,
И средоточья в круге нет другого.

⁵² Всё, что умрет, и всё, что не умрет, –
Лишь отблеск Мысли, коей Всемогуший
Своей Любовью бытие дает;

⁵⁵ Затем что животворный Свет, идущий
От Светодавца и единый с ним,
Как и с Любовью, третьей с ними сущей,

⁵⁸ Струит лучи, волением своим,
На девять сущностей, как на зеркала,

И вечно остается неделим;

⁶¹ Оттуда сходит в низшие начала,
Из круга в круг, и под конец творит
Случайное и длящееся мало;

⁶⁴ Я под случайным мыслю всякий вид
Созданий, все, что небосвод кружащий
Чрез семя и без семени плодит.

⁶⁷ Их воск изменчив, наравне с творящей
Его средой, и потому чекан
Дает то смутный оттиск, то блестящий.

⁷⁰ Вот почему, при схожести семян,
Бывает качество плодов неравно,
И разный ум вам от рожденья дан.

⁷³ Когда бы воск был вытоплен исправно
И натиск силы неба был прямой,
То блеск печати выступал бы явно.

⁷⁶ Но естество его туманит мглой,
Как если б мастер проявлял уменье,
Но действовал дрожащею рукой.

⁷⁹ Когда ж Любовь, расположив Прозренье,
Его печатью Силы нагнела,
То возникает высшее свершенье.

⁸² Так некогда земная персть могла
Стать совершеннее, чем все живое;
Так приснодева в чреве понесла.

⁸⁵ И в том ты прав, что естество земное
Не ведало носителей таких
И не изведает, как эти двое.

⁸⁸ И если бы на этом я зatih:
«Так чем его премудрость несравненна?» —
Гласило бы начало слов твоих.

⁹¹ Но чтоб открылось то, что сокровенно,

Помысли, кем он был и чем влеком,
Он, услышав: «Проси!» – молил смиренно.

⁹⁴ Я выразил не темным языком,
Что он был царь, о разуме неложном
Просивший, чтобы истым быть царем;

⁹⁷ Не чтобы знать, в числе их непреложном,
Всех движителей; можно ль заключить
К *necesse* при *necesse* и возможном;

¹⁰⁰ И можно ль *primum motum* допустить;
Иль треугольник в поле полукружья,
Но не прямоугольный, начертить.

¹⁰³ Так вот и прежде речь клонил к тому ж я:
Я в царственную мудрость направлял,
Сказав про мудрость, острие оружья.

¹⁰⁶ И ты взглянув ясней на «восставал»,
Поймешь, что это значит – меж царями;
Их – множество, а круг хороших мал.

¹⁰⁹ Вот, что моими сказано словами;
Их смысл с твоим суждением совместим
О праотце и о любимом нами.

¹¹² Да будет то свинцом к стопам твоим,
Чтобы ты шел неспешно, как усталый,
И к «да», и к «нет», когда к ним путь незрим;

¹¹⁵ Затем что между шалых – самый шалый,
Кто утверждать берется наобум
Их отрицать с оглядкой слишком малой.

¹¹⁸ Ведь очень часто торопливость дум
На ложный путь заводит безрассудно;
А там пристрастья связывают ум.

¹²¹ И хуже, чем напрасно, ладит судно
И не таким, как был, свершит возврат
Тот рыбарь правды, чье уменье скудно.

¹²⁴ Примерами перед людьми стоят
Брис, Парменид, Мелисс и остальные,
Которые блуждали наугад,

¹²⁷ Савелий, Арий и глупцы иные,
Что были как мечи для божьих книг
И искривляли лица их прямые.

¹³⁰ Никто не думай, что он столь велик,
Чтобы судить; никто не числи жита,
Покуда колос в поле не поник.

¹³³ Я видел, как угрюмо и сердито
Смотрел терновник, за зиму застыв,
Но миг – и роза на ветвях раскрыта;

¹³⁶ Я видел, как, легок и горделив,
Бежал корабль далекою путиной
И погибал, уже входя в залив.

¹³⁹ Пусть донна Берта или сэр Мартино,
Раз кто-то щедр, а кто-то любит красть,
О них не судят с богом заедино;

¹⁴² Тот может встать, а этот может пасть».

Песнь четырнадцатая

В округлой чаше от каймы к середине
Спешит вода иль изнутри к кайме,
Смущенная извне иль в сердцевине.

⁴ Мне этот образ вдруг мелькнул в уме,
Когда умолкло славное светило
И Беатриче тотчас вслед Фоме

⁷ В таких словах начать благоволила, –
Настолько совершенно к их речам
Уподобленье это подходило:

¹⁰ «Он хочет, хоть и не открылся вам
Ни голосом, ни даже помышленьем,
В одной из истин снизойти к корням.

¹³ Скажите: свет, который стал цветеньем
Природы вашей, будет ли всегда
Вас окружать таким же излученьем?

¹⁶ И если вечно будет, то, когда
Вы станете опять очами зримы,
Как зренью он не причинит вреда?»

¹⁹ Как, налетевшей радостью стремимы,
Те, кто крутится в пляске круговой,
Поют звончей и вновь неутомимы,

²² Так, при словах усердной просьбы той,
Живей сказалась душ святых отрада
Кружением и звуков красотой.

²⁵ Кто сетует, что смерть изведать надо,
Чтоб в горних жить, – не знает, не вкусив,
Как вечного дождя сладка прохлада.

²⁸ Единый, двое, трое, тот, кто жив
И правит вечно, в трех и в двух единый,
Все, беспредельный, в свой предел вместив,

³¹ Трикраты был воспет святой дружиной
Тех духов, и напев так нежен был,
Что всем наградам мог бы стать вершиной.

³⁴ И вскоре, в самом дивном из светил
Меньшого круга, голос благочестный,
Как, верно, ангел деве говорил,

³⁷ Ответил так: «Доколе Рай небесный
Длит праздник свой, любовь, что в нас живет,
Лучится этой ризою чудесной.

⁴⁰ Ее свечение пылу вслед идет,
Пыл – зрению вслед, а зренье – до предела,
Который милость сверх заслуг дает.

⁴³ Когда святое в новой славе тело
Нас облетит, то наше существо
Прекрасней станет, завершась всецело:

⁴⁶ Окрепнет свет, которым божество
По благи своей нас одарило,
Свет, нам дающий созерцать его;

⁴⁹ И зрения тогда окрепнет сила,
Окрепнет пыл, берущий мощность в нем,
Окрепнет луч, рождаемый от пыла.

⁵² Но словно уголь, пышущий огнем,
Господствует над ним своим накалом,
Неодолим в сиянии своем,

⁵⁵ Так пламень, нас обвивший покрывалом,
Слабее будет в зримости, чем плоть,
Укрытая сейчас могильным валом.

⁵⁸ И этот свет не будет глаз колоть:
Орудья тела будут в меру сильны

Для всех усад, что нам пошлет господь».

⁶¹ Казались оба хора так умильны,
Стремясь «Аминь!» проговорить скорей,
Что им был явно дорог прах могильный, —

⁶⁴ Быть может, и не свой, а матерей,
Отцов и всех, любимых в мире этом
И ставших вечной чередой огней.

⁶⁷ И вот кругом, сияя ровным светом,
Забрезжил блеск над окаймлявшим нас,
Подобный горизонту пред рассветом.

⁷⁰ И как на небе в предвечерний час
Рождаются мерцанья, чуть блистая,
Которым верит и не верит глаз,

⁷³ Я видел — новых бестелесных стая
Окест меня сквозит со всех сторон,
Два прежних круга третьим окружая.

⁷⁶ О Духа пламень истинный! Как он
Разросся вдруг, столь огнезарно ясно,
Что взгляд мой не стерпел и был сражен!

⁷⁹ Но Беатриче так была прекрасна
И радостна, что это воссоздать
Мое воспоминание не властно.

⁸² В ней силу я нашел глаза поднять
И увидал, что вместе с ней мгновенно
Я в высшую вознесся благодать.

⁸⁵ Что я поднялся, было несомненно,
Затем что глубь звезды, раскалена,
Смеялась рдяней, чем обыкновенно.

⁸⁸ Всем сердцем, речью, что во всех одна,
Создателю свершил я всесоуженье
За то, что эта милость мне дана;

⁹¹ Еще в груди не кончилось горенье
Творимой жертвы, как уже я знал,
Что господу угодно приношенье;

⁹⁴ Затем что сонм огней так ярко ал
Предстал мне в двух лучах, что, созерцая:
«О Гелиос, как дивно!» – я сказал.

⁹⁷ Как, меньшими и большими мерцая
Огнями, Млечный Путь светло горит
Меж остий мира, мудрецов смущая,

¹⁰⁰ Так в недрах Марса, звездами увит,
Из двух лучей, слагался знак священный,
Который в рубежах квадрантов скрыт.

¹⁰³ Здесь память победила разум бранный;
Затем что этот крест сверкал Христом
В красе, ни с чем на свете несравненной.

¹⁰⁶ Но взявший крест свой, чтоб идти с Христом,
Легко простит мне упущенья речи,
Узрев тот блеск, пылающий Христом.

¹⁰⁹ Сияньем озарив и ствол, и плечи,
Стремились пламена, искрясь сильней
При прохожденье мимо и при встрече.

¹¹² Так, впрямь и вкривь, то тише, то быстрее,
Подобные изменчивому рою,
Крупинки тел, короче и длинней,

¹¹⁵ Плывут в луче, секущем полосой
Иной раз мрак, который, хоронясь,
Мы создаем искусною рукою.

¹¹⁸ Как струны арф и скрипок, единаясь,
Звонят отрадным гудом неразымно
Для тех, кому невятна в звуках связь,

¹²¹ Так в этих светах, блещущих взаимно,
Песнь вдоль креста столь дивная текла,
Что я пленился, хоть не понял гимна.

¹²⁴ Что в нем звучит высокая хвала,
Я понял, слыша: «Для побед воскресни»,
Но речь невнятной разуму была.

¹²⁷ Я так влюбился в голос этой песни,
И так он мной всецело овладел,
Что я вовек не ведал уз чудесней.

¹³⁰ Мне скажут, что язык мой слишком смел
И я принизил очи заревые,
В которых всем мечтам моим предел;

¹³³ Но взвесивший, что в высоте живые
Печати всех красот мощней царят,
А там я к ним поздней воззрел впервые,

¹³⁶ Простит мне то, в чем я виниться рад,
Чтоб быть прощенным, и воздаст мне верой;
Святой восторг отсюда не изъят,

¹³⁹ Затем что он всё чище с каждой сферой.

Песнь пятнадцатая

Сочувственная воля, истекая
Из праведной любви, как из дурной
И ненасытной истекает злая,

⁴ Прервала пенье лиры неземной,
Святые струны замирая властно,
Настроенные вышнею рукой.

⁷ Возможно ль о благом просить напрасно
Те сущности, которые, чтоб дать
Мне попросить, умолкли так согласно?

¹⁰ По праву должен без конца страдать
Тот, кто, прельщен любовью недостойной,
Такой любви отринул благодать.

¹³ Как в воздухе прозрачном ночи знойной
Скользнет внезапный пламень иногда
И заставляет дрогнуть взор спокойный,

¹⁶ Как будто передвинулась звезда,
Хоть там, где вспыхнул он, светил держава
Цела, а сам он гаснет без следа, —

¹⁹ Так от плеча, простершегося вправо,
Скользнула вниз, вдоль по кресту нисшед,
Одна из звезд, чья там блистает слава.

²² И с ленты не сорвался самоцвет,
А в полосе луча промчался, светел,
Как блещущий за алебастром свет;

²⁵ Так дух Анхиза страстно сына встретил,
В чем высшая нас уверяет муза,
Когда его в Элисии заметил.

²⁸ «O sanguis meus, o superinfusa
Gratia Dei, sicut tibi cui
Bis unquam coeli ianua reclusa?»

³¹ Так этот свет; внимательно к нему я
Возвел глаза; потом возвел к моей
Владычице, и здесь, и там ликуя:

³⁴ Столь радостен был блеск ее очей,
Что мне казалось – благодати Рая
Моим очам нельзя познать полней.

³⁷ А дух, мой слух и зренье улаждая,
Продолжил речь, но смысл был так глубок,
Что я ему внимал, не понимая.

⁴⁰ Он не нарочно мглой себя облек,
А поневоле: взлет его суждений
Для цели смертных слишком был высок.

⁴³ Когда же лук столь жарких изъятий
Был вновь ослаблен, так что речь во всем
Сошла до нашей умственной мишени,

⁴⁶ То сразу же я различил потом:
«Благословен в трех лицах совершенный,
Столь милостивый в семени моем!»

⁴⁹ И дальше: «Голод давний и блаженный,
Той книгою великой данный мне,
Где белое и черное нетленны,

⁵² Ты в этом, сын мой, утолил огне,
Где говорю я, и да восхвалится
Та, что тебя возносит к вышине!

⁵⁵ Ты веруешь, что мысль твоя стремится
Ко мне из Первой так, как пять иль шесть
Из единицы ведомой лучится;

⁵⁸ И ты вопрос не хочешь произнести,
Кто я, который больше, чем вся стая

Счастливых духов, рад тебя обрести.

⁶¹ Ты в этой вере прав: здесь обитая,
Большой и малый в Зеркало глядят,
Где видима заране мысль любая.

⁶⁴ Но чтоб любви, которой я объят,
Бессонно зрящий, и всегда взволнован,
Как сладкой жаждой, не было преград,

⁶⁷ Пусть голос твой, уверен, смел, нескован,
Мне явит волю, явит мне вопрос,
Которому ответ предуготован!»

⁷⁰ Тогда я к Беатриче взор вознес;
Та, слыша мысль, улыбкой отвечала,
И, окрыленный, мой порыв возрос.

⁷³ Я начал так: «Вы – те, кому предстало
Всеравенство; меж чувством и умом
Для вас неравновесия не стало;

⁷⁶ Затем что в Солнце, светом и теплом
Вас озарившем и согревшем, оба
Вне всех подобий в равенстве своем.

⁷⁹ Но мысль и воля в смертных жертвах гроба,
Чему ясна причина вам одним,
В своих крылах оперены особо;

⁸² И я, как смертный, свыкшийся с таким
Неравенством, творю благодаренье
За отчий праздник сердцем лишь своим.

⁸⁵ Тебя молю я, в это украшеньё
Столь дивно вправленный топаз живой,
По имени твоём уйми томленье».

⁸⁸ «Листва моя, возлюбленная мной
Сквозь ожиданье, – так он, мне в угодую,
Ответ свой начал, – я был корень твой».

⁹¹ Потом сказал мне: «Тот, кто имя роду

Дал твоему и кто сто с лишним лет
Идет горой по первому обводу,

⁹⁴ Мне сыном был, а им рожден твой дед;
И надо, чтоб делами доверменно
Ты снял с него томительный запрет.

⁹⁷ Флоренция, меж древних стен, бессменно
Ей подающих время терц и нон,
Жила спокойно, скромно и смиренно.

¹⁰⁰ Не знала ни цепочек, ни корон,
Ни юбок с вышивкой, и поясочки
Не затмевали тех, кто обряжен.

¹⁰³ Отцов, рождаясь, не страшили дочки,
Затем что и приданое, и срок
Не расходились дальше должной точки.

¹⁰⁶ Пустых домов назвать никто не мог;
И не было еще Сарданапала,
Дабы явить, чем может стать чертог.

¹⁰⁹ Еще не взнесся выше Монтемало
Ваш Птичий Холм, который победил
В подъеме и обгонит в час развала.

¹¹² На Беллинчоне Берти пояс был
Ременный с костью; с зеркалом прощалась
Его жена, не навдя белил.

¹¹⁵ На Нерли и на Веккьо красовалась
Простая кожа, без затей гола;
Рука их жен кудели не гнушалась.

¹¹⁸ Счастливицы! Всех верная ждала
Гробница, ни единая на ложе
Для Франции забыта не была.

¹²¹ Одна над люлькой вторила все то же
На языке, который молодым
Отцам и матерям всего дороже.

¹²⁴ Другая, пряжу прядучи, родным
И домочадцам речь вела часами
Про славу Трои, Фьезоле и Рим.

¹²⁷ Казались бы Чангелла между нами
Иль Сальтерелло чудом дивных стран,
Как Квинций иль Корнелия – меж вами.

¹³⁰ Такой прекрасный, мирный быт граждан,
В гражданственном живущих единенье,
Такой приют отрадный был мне дан

¹³³ Марией, громко призванной в мученье;
И, в древнем вашем храме восприят,
Я Каччагвидой стал в святом крещенье.

¹³⁶ Моронто – брат мне, Элизео – брат;
Супругу взял я из долины Падо;
Отсюда прозвище ее внучат.

¹³⁹ Я следовал за кесарем Куррадо,
И мне он пояс рыцарский надел,
Затем что я служил ему, как надо.

¹⁴² С ним вышел я, как мститель злобных дел,
На тех, кто вашей вотчиной законной,
В чем пастыри повинны, завладел.

¹⁴⁵ Там, племенем нечистым отрешенный,
Покинул я навеки лживый мир,
Где дух столь многих гибнет, загрязненный,

¹⁴⁸ И после мук вкушаю этот мир».

Песнь шестнадцатая

О скудная вельможность нашей крови!
Тому, что гордость ты внушаешь нам
Здесь, где упадок истинной любви,

⁴ Вовек не удивлюсь; затем что там,
Где суетою дух не озабочен,
Я мыслю – в небе, горд был этим сам.

⁷ Однако плащ твой быстро укорочен;
И если, день за днем, не добавлять,
Он ножницами времени подточен.

¹⁰ На «вы», как в Риме стали величать,
Хоть их привычка остается зыбкой,
Повел я речь, заговорив опять;

¹³ Что Беатриче, в стороне, улыбкой
Отметила, как кашель у другой
Был порожден Джиневриной ошибкой.

¹⁶ Я начал так: «Вы – прародитель мой;
Вы мне даете говорить вам смело;
Вы дали мне стать больше, чем собой.

¹⁹ Чрез столько устий радость овладела
Моим умом, что он едва несет
Ее в себе, счастливый до предела.

²² Скажите мне, мой корень и оплот,
Кто были ваши предки и который
В рожденье ваше помечался год;

²⁵ Скажите, велика ль была в те поры
Овчарня Иоаннова, и в ней
Какие семьи привлекали взоры».

²⁸ Как уголь на ветру горит сильней,
Так этот светоч вспыхнул блеском ясным,
Внимая речи ласковой моей;

³¹ И как для глаз он стал вдвойне прекрасным»,
Так он еще нежней заговорил,
Но не наречьем нашим повсечасным:

³⁴ «С тех пор, как «Ave» ангел возвестил
По день, как матерью, теперь святою,
Я, плод ее, подарен свету был,

³⁷ Вот этот пламень, должной чередою,
Пятьсот и пятьдесят и тридцать крат
Зажегся вновь под Львиною пятою.

⁴⁰ Дома, где род наш жил спокон, стоят
В том месте, где у вас из лета в лето
В последний округ всадники спешат.

⁴³ О прадедах моих скажу лишь это;
Откуда вышли и как звали их,
Не подобает мне давать ответа.

⁴⁶ От Марса к Иоанну, счет таких,
Которые могли служить в дружине,
Был пятой долей нынешних живых.

⁴⁹ Но кровь, чей цвет от примеси Феггине,
И Кампи, и Чертальдо помутнел,
Была чиста в любом простолюдине.

⁵² О, лучше бы ваш город их имел
Соседями и приходился рядом
С Галлуццо и Треспяно ваш предел,

⁵⁵ Чем чтобы с вами жил пропахший смрадом
Мужик из Агульоне иль иной
Синьзец, взятку стерегущий взглядом!

⁵⁸ Будь кесарю не мачехой дурной
Народ, забывший все, — что в мире свято,

А доброй к сыну матерью родной,

⁶¹ Из флорентийцев, что живут богато,
Иной бы в Симифонти поспешил,
Где дед его ходил с сумой когда-то.

⁶⁴ Досель бы графским Монтемурло слыл,
Дом Черки оставался бы в Аконе,
Род Буондельмонти бы на Грее жил.

⁶⁷ Смешение людей в едином лоне
Бывало городам всего вредней,
Как от излишней пищи плоть в уроне.

⁷⁰ Ослепший бык повалится скорей
Слепого агнца; режет острой сталью
Единый меч верней, чем пять мечей.

⁷³ Взглянув на Луни и на Урбисалью,
Судьба которых также в свой черед
И Кьюзи поразит, и Синигалью,

⁷⁶ Ты, слыша, как иной пресекался род,
Мудреной в этом не найдешь загадки,
Раз города, и те кончина ждет.

⁷⁹ Все ваше носит смертные зачатки,
Как вы, — хотя они и не видны
В ином, что длится, ибо жизни кратки.

⁸² Как берега, вращаясь, твердь луны
Скрывает и вскрывает неустанно,
Так судьбы над Флоренцией властны.

⁸⁵ Поэтому звучать не может странно
О знатных флорентийцах речь моя,
Хоть память их во времени туманна.

⁸⁸ Филиппи, Уги, Гречи видел я,
Орманни, Кателлини, Альберики —
В их славе у порога забытья.

⁹¹ И видел я, как древни и велики

Дель Арка и Саннелла рядом с ним,
Ардинги, Сольданыери и Бостики.

⁹⁴ Вблизи ворот, которые таким
Нагружены предательством, что дале
Корабль не может плавать невредим,

⁹⁷ В то время Равиньяни обитали,
Чтоб жизнь потом и графу Гвидо дать,
И тем, что имя Беллинчоне взяли.

¹⁰⁰ Умели Делла Пресса управлять;
И уж не раз из Галигаев лучший
Украсил позолотой рукоять.

¹⁰³ Уже высок был белий столб, могучи
Фифанти, те, кто кадкой устыжен,
Саккетти, Галли, Джуоки и Баруччи.

¹⁰⁶ Ствол, давший ветвь Кальфуччи, был силен;
Род Арригуччи был средь привлеченных
К правлению, род Сиции почтен.

¹⁰⁹ В каком величье видел я сраженных
Своей гордыней! Как сиял для всех
Блеск золотых шаров непорамленных!

¹¹² Такими были праотцы и тех,
Что всякий раз, как церковь опустеет,
В капитуле жиреют всем на смех.

¹¹⁵ Нахальный род, который свирепеет
Вслед беглецу, а чуть ему поднести
Кулак или кошель, — ягненком блеет,

¹¹⁸ Уже тогда все выше начал лезть;
И огорчался Убертин Донато,
Что с ними вздумал породниться тесть.

¹²¹ Уже и Капонсакко на Меркато
Сошел из Фьезоле; и процвели
И Джуда меж граждан, и Инфангато.

¹²⁴ Невероятной истине внемли:
Ворота в малый круг во время оно
От Делла Пера имя повели.

¹²⁷ Кто носит герб великого барона,
Чью честь и память, празднуя Фому,
Народ оберегает от урона,

¹³⁰ Те рыцарством обязаны ему;
Хоть ищет плотью от народной плоти
Стать тот, кто этот щит замкнул в кайму.

¹³³ Я Импортунни знал и Гвальтеротти;
И не прибавься к ним иной сосед,
То Борго жил бы не в такой заботе.

¹³⁶ Дом, ставший корнем ваших горьких бед,
Принесший вам погибель, в злобе правой,
И разрушенье бестревожных лет,

¹³⁹ Со всеми сродными почтен был славой.
О Буондельмонте, ты в недобрый час
Брак с ним отверг, приняв совет лукавый!

¹⁴² Тот был бы весел, кто скорбит сейчас,
Низринь тебя в глубь Эмы всемогущий,
Когда ты в город ехал в первый раз.

¹⁴⁵ Но ущербленный камень, мост блюдуший,
Кровавой жертвы от Фьоренцы ждал,
Когда кончался мир ее цветущий.

¹⁴⁸ При них и им подобных я видал
Фьоренцу жившей столь благоустаново,
Что всякий повод к плачу отпадал;

¹⁵¹ При них народ господствовал так славно
И мудро, что ни разу не была
Лиляя опрокинута стремглавно

¹⁵⁴ И от вражды не делалась ала».

Песнь семнадцатая

Как спросить Климену, слыша новость,
Его встревожившую, поспешил
Тот, кто в отцах родил к сынам суровость,

⁴ Таков был я, и так я понят был
И госпожой, и светочем священным,
Который место для меня сменил.

⁷ И Беатриче: «Пусть не будет пленным
Огонь желанья; дай ему пылать,
Отбив его чеканом сокровенным;

¹⁰ Не потому, чтобы ты мог сказать
Нам новое, а чтобы приучиться,
Томясь по влаге, жажды не скрывать».

¹³ «Мой ствол, чей взлет в такие выси мчится,
Что, как для смертных истина ясна,
Что в треугольник двум тупым не влиться,

¹⁶ Так ты провидишь все, чему дана
Возможность быть, взирая к Средоточью,
В котором все совместны времена, —

¹⁹ Когда Вергилий мне являл воочью
Утес, где дух становится здоров,
И мертвый мир, объятый вечной ночью,

²² Немало я услышал тяжких слов
О том, что в жизни для меня настанет,
Хотя к ударам рока я готов;

²⁵ Поэтому мои желанья манит
Узнать судьбу моих грядущих лет;
Стрела, которой ждешь, ленивей ранит».

²⁸ Так я промолвил, вопрошая свет,
Вещавший мне; так, повинуюсь строго,
Я Беатриче выполнил завет.

³¹ Не притчами, в которых вязло много
Глупцов, когда еще не пал, заклан,
Грехи людей принявший агнец бога,

³⁴ Но ясной речью был ответ мне дан,
Когда отец, пекущийся о чаде,
Сказал, улыбкой скрыт и осиян:

³⁷ «Возможное, вмещаая в той тетради,
Где ваше начерталось вещество,
Отражено сполна в предвечном взгляде,

⁴⁰ Не став необходимым оттого,
Как и ладьи вниз по реке движенье
От взгляда, отразившего его.

⁴³ Оттуда так, как в уши входит пенье
Органных труб, все то, что предстоит
Тебе во времени, мне входит в зренье.

⁴⁶ Как покидал Афины Ипполит,
Злой мачехой гонимый в гнев яром,
Так и тебе Флоренция велит.

⁴⁹ Того хотят, о том хлопочут с жаром
И нужного достигнут без труда
Там, где Христос вседневым стал товаром.

⁵² Вину молва возложит, как всегда,
На тех, кто пострадал; но злодеянья
Изобличатся правдой в час суда.

⁵⁵ Ты бросишь все, к чему твои желанья
Стремилась нежно; эту язву нам
Всего быстрее наносит лук изгнания.

⁵⁸ Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

⁶¹ Но худшим гнетом для тебя отныне
Общенье будет глупых и дурных,
Поверженных с тобою в той долине.

⁶⁴ Безумство, злость, неблагодарность их
Ты сам познаешь; но виски при этом
Не у тебя зардеют, а у них.

⁶⁷ Об их скотстве объявят перед светом
Поступки их; и будет честь тебе,
Что ты остался сам себе клеветом.

⁷⁰ Твой первый дом в скитальческой судьбе
Тебе создаст Ломбардец знаменитый,
С орлом святым над лестницей в гербе.

⁷³ Тебя укроет сень такой защиты,
Что будут просьба и ответ у вас
В порядке необычном перевиты.

⁷⁶ С ним будет тот, кто принял в первый час
Такую мощь от этого светила,
Что блеском дел прославится не раз.

⁷⁹ Его толпа еще не отличила
По юности, и небо вечный свод
Вокруг него лишь девять лет кружило;

⁸² Но раньше, чем Гасконец проведет
Высокого Арриго, безразличие
К богатствам и к невзгодам в нем сверкнет.

⁸⁵ Так громко щедрое его величье
Прославится, что даже у врагов
Оно развяжет их косноязычье.

⁸⁸ Отдайся смело под его покров;
Через него судьба преобразится
Для многих богачей и бедняков.

⁹¹ В твоем уме о нем да впечатлится,
Но ты молчи...» — и тут он мне открыл
Невероятное для очевидца.

⁹⁴ Затем добавил: «Сын, я пояснил
То, что тебе сказали; козни эти
Круговорот недальний затаил.

⁹⁷ Но не завидуй тем, кто ставил сети:
Давно отмщенной будет их вина,
А ты, как прежде, будешь жить на свете».

¹⁰⁰ Когда я понял, что завершена
Речь праведной души и что основа,
Которую я подал, заткана,

¹⁰³ Я произнес, как тот, кто от другого
Совета ждет, наставника ценя,
В желаньях, в мыслях и в любви прямого:

¹⁰⁶ «Я вижу, мой отец, как на меня
Несется время, чтоб я в прах свалился,
Раз я пойду, себя не охраня.

¹⁰⁹ Пора, чтоб я вперед вооружился,
Дабы, расставшись с краем, всех милей,
Я и других чрез песни не лишился.

¹¹² В безмерно горьком мире, и, поздней,
Вдоль круч, с которых я, из роцх услады,
Внесен очами госпожи моей,

¹¹⁵ И в небе, от лампы до лампы,
Я многое узнал, чего вкусить
Не все, меня услышав, будут рады;

¹¹⁸ А если с правдой побоюсь дружить,
То средь людей, которые бы звали
Наш век старинным, вряд ли буду жить».

¹²¹ Свет, чьи лучи улыбку облекали
Мной найденного клада, засверкал,
Как отблеск солнца в золотом зеркале,

¹²⁴ И молвил так: «Кто совесть запятнал
Своей или чужой постыдной славой,

Тот слов твоих почувствует ужал.

¹²⁷ И все-таки, без всякой лжи лукавой,
Все, что ты видел, объяви сполна,
И пусть скребется, если кто лишавый!

¹³⁰ Пусть речь твоя покажется дурна
На первый вкус и ляжет горьким гнетом, –
Усвоясь, жизнь оздоровит она.

¹³³ Твой крик пройдет, как ветер по высотам,
Клоня сильней большие деревья;
И это будет для тебя почетом.

¹³⁶ Тебе явили в царстве торжества,
И на горе, и в пропасти томленья
Лишь души тех, о ком живет молва, –

¹³⁹ Затем что ум не чует утоленья
И плохо верит, если перед ним
Пример, чей корень скрыт во тьме забвенья,

¹⁴² Иль если довод не воочью зрим».

Песнь восемнадцатая

Замкнулось вновь блаженное зеркало
В безмолвной думе, а моя жила
Во мне и горечь сладостью смягчала;

⁴ И женщина, что ввысь меня вела,
Сказала: «Думай о другом; не я ли
Вблизи того, кто оградит от зла?»

⁷ Я взгляд возвел к той, чьи уста звучали
Так ласково; как нежен был в тот миг
Священный взор, — молчат мои скрижали.

¹⁰ Бессилен здесь не только мой язык:
Чтоб память совершила возвращенье
В тот мир, ей высший нужен проводник.

¹³ Одно могу сказать про то мгновенье, —
Что я, взирая на нее, вкушал
От всех иных страстей освобожденье,

¹⁶ Пока на Беатриче упал
Луч Вечной Радости и, в ней сияя,
Меня вторичным светом утолял.

¹⁹ «Оборотись и слушай, — побеждая
Меня улыбкой, молвила она. —
В моих глазах — не вся отрада Рая».

²² Как здесь в обличьях иногда видна
Бывает сила чувства, столь большого,
Что вся душа ему подчинена,

²⁵ Так я в пыланье светоча святого
Познал, к нему глазами обращен,
Что он еще сказать мне хочет слово.

²⁸ «На пятом из порогов, – начал он, –
Ствола, который, черпля жизнь в вершине,
Всегда – в плодах и листьям осенен,

³¹ Ликуют духи, чьи в земной долине
Столь громкой славой прогремели дни,
Что муз обогащали бы доныне.

³⁴ И ты на плечи крестные взгляни:
Кого я назову – в их мгле чудесной
Мелькнут, как в туче быстрые огни».

³⁷ И видел я: зарница глубию крестной,
Едва был назван Иисус, прошла;
И с действием казалась речь совместной.

⁴⁰ На имя Маккавея проплыла
Другая, как бы коло огневое, –
Бичом восторга взвитая юла.

⁴³ Великий Карл с Орландом, эти двое
Мой взгляд умчали за собой вослед,
Как сокола паренье боевое.

⁴⁶ Потом Гульельм и Реноард свой свет
Перед моими пронесли глазами,
Руберт Гвискар и герцог Готофред.

⁴⁹ Затем, смешавшись с прочими огнями,
Дух, мне вещавший, дал постигнуть мне,
Как в небе он искусен меж певцами.

⁵² Я обернулся к правой стороне,
Чтобы мой долг увидеть в Беатриче,
В словах иль знаках явленный вовне;

⁵⁵ Столь чисто было глаз ее величье,
Столь радостно, что блеском превзошло
И прежние, и новое обличье.

⁵⁸ Как в том, что дух все более светло
Ликует, совершив благое дело,

Мы видим знак, что рвенье возросло,

⁶¹ Так я постиг, что большего предела
Совместно с небом огибаю круг, –
Столь дивно Беатриче просветлела.

⁶⁴ И как меняют цвет почти что вдруг
У белолицей женщины ланиты,
Когда стыдливый с них сбежит испуг,

⁶⁷ Так хлынула во взор мой, к ней раскрытый,
Шестой звезды благая белизна,
Куда я погрузился, с нею слитый.

⁷⁰ Была планета Диева полна
Искрящейся любовью, чьи частицы
Являли взору наши письма.

⁷³ И как, поднявшись над побережьем, птицы,
Обрадованы корму, создают
И круглые, и всякие станицы,

⁷⁶ Так стаи душ, что в тех огнях живут,
Летая, пели и в своем движенье
То D, то I, то L сплетали тут.

⁷⁹ Сперва они кружили в песнопенье;
Затем, явив одну из букв очам,
Молчали миг-другой в оцепененье.

⁸² Ты, Пегасея, что даришь умам
Величие во времени далеком,
А те – тобой – краям и городам,

⁸⁵ Пролей мне свет, чтоб, виденные оком,
Я мог их начертанья воссоздать!
Дай мощь твою коротким этим строкам!

⁸⁸ И гласных, и согласных семью пять
Предстало мне; и зренье отмечало
За частью часть, чтоб в целом сочетать.

⁹¹ «Diligite Iustitiam», – сначала
Глагол и имя шли в скрижали той;
«Qui Judicatis Terram», – речь кончалось.

⁹⁴ И в М последнего из слов их строй
Пребыл недвижимым, и Юпитер мнил
Серебряным с насечкой золотой.

⁹⁷ И видел я, как новый сонм спустился
К вершине М, на ней почить готов,
И пел того, к чьей истине стремился.

¹⁰⁰ Вдруг, как удар промеж горящих дров
Рождает вихрь искрящегося пыла, –
Предмет гаданья для иных глупцов, –

¹⁰³ Так и оттуда стая светов взмыла
И вверх к различным высотам всплыла,
Как Солнце, их возжегшее, судило.

¹⁰⁶ Когда она недвижно замерла, –
В той огненной насечке, ясно зримо,
Возникли шея и глава орла.

¹⁰⁹ Так чертит мастер неруководимый;
Он руководит, он дает простор
Той силе, коей гнезда сотворимы.

¹¹² Блаженный сонм, который до сих пор
В лилее М не ведал превращений,
Слегка содвигшись, завершил узор.

¹¹⁵ О чистый светоч! Свет каких камней,
И скольких, мне явил, что правый суд
Нисходит с неба, в чьей ты блещешь сени!

¹¹⁸ Молю тот Разум, где исток берут
Твой бег и мощь, взглянуть на клубы дыма,
Которые твой ясный луч крадут,

¹²¹ И вновь разгневаться неукротимо
На то, что местом торга сделан храм,
Из крови мук возникший нерушимо.

¹²⁴ О рать небес, представшая мне там,
Молись за тех, кто бродит, обаянный
Дурным примером, по кривым путям!

¹²⁷ В былом сражались, меч подъемля бранный;
Теперь – отнять стараясь где-нибудь
Хлеб, любящим Отцом всем людям данный.

¹³⁰ Но ты, строчащий, чтобы зачеркнуть,
Знай: Петр и Павел, вертоград спасая,
Тобой губимый, умерли, но суть.

¹³³ Ты, впрочем, скажешь: «У меня такая
Любовь к тому, кто одиноко жил
И пострадал, от плясок умирая,

¹³⁶ Что и Ловца и Павла я забыл».

Песнь девятнадцатая

Парил на крыльях, широко раскрытых,
Прекрасный образ и в себе вмещал
Веселье душ, в отрадном fruit слитых.

⁴ И каждая была как мелкий лал,
В котором словно солнце отражалось,
И жгучий луч в глаза мне ударял.

⁷ И то, что мне изобразить осталось,
Ни в звуках речи, ни в чертах чернил,
Ни в снах мечты вовек не воплощалось.

¹⁰ Я видел и внимал, как говорил
Орлиный клюв, и «я» и «мой» звучало,
Где смысл реченья «мы» и «наш» сулил.

¹³ «За правосудье, — молвил он сначала, —
И праведность я к славе вознесен,
Для коей одного желанья мало.

¹⁶ Я памятен среди земных племен,
Но мой пример в народах извращенных,
Хоть и хвалим, не ставится в закон».

¹⁹ Так пышет в груди углей раскаленных
Единый жар, как были здесь слиты
В единый голос сонмы просветленных.

²² И я тогда: «О вечные цветы
Нетленной неги, чьи благоуханья
Слились в одно, отрадны и чисты,

²⁵ Повейте мне, чтоб я не знал алканья,
Которым я терзаюсь так давно,
Не обретая на земле питанья!

²⁸ Хоть в небесах другой стране дано
Служить зеркалом правосудью бога,
Оно от вашей не заслонено.

³¹ Вы знаете, как я вам внемлю строго,
И знаете сомненье, тайных мук
Моей душе принесшее столь много».

³⁴ Как сокол, если снять с него клобук,
Вращает голову, и бьет крылами,
И горд собой, готовый взвиться вдруг,

³⁷ Так этот образ, сотканный хвалами
Щедротам божьим, мне себя явил
И песни пел, неведомые нами.

⁴⁰ Потом он начал: «Тот, кто очертил
Окружность мира, где и сокровенный,
И явный строй вещей распределил,

⁴³ Не мог запечатлеть во всей вселенной
Свой разум так, чтобы ее предел
Он не превысил в мере несравненной.

⁴⁶ Тот первый горделивец, кто владел
Всем, что доступно созданному было,
Не выждав озаренья, пал, незрел.

⁴⁹ И всякому, чья маломощней сила,
То Благо охватить возбранено,
Что, без границ, само себе – мерило.

⁵² Зато и наше зренье, – а оно
Лишь как единый из лучей причастно
Уму, которым все озарено, –

⁵⁵ Не может быть само настолько властно,
Чтобы его Исток во много раз
Не видел дальше, чем рассудку ясно.

⁵⁸ И разум, данный каждому из вас,
В смысл вечной справедливости вникая,

Есть как бы в море устремленный глаз:

⁶¹ Он видит дно, с побережья взирая,
А над пучиной тщетно мечет взгляд;
Меж тем дно есть, но застит глубь морская.

⁶⁴ Свет — только тот, который восприят
От вечной Ясности; а все иное —
Мрак, мгла телесная, телесный яд.

⁶⁷ Отныне правосудие живое
Тебе раскрыл я и вопрос пресек,
Не оставлявший мысль твою в покое.

⁷⁰ Ты говорил: «Родится человек
Над берегом Инда; о Христе ни слова
Он не слышал и не читал вовек;

⁷³ Он был всегда, как ни судить сурово,
В делах и в мыслях к правде обращен,
Ни в жизни, ни в речах не делал злого.

⁷⁶ И умер он без веры, не крещен.
И вот, он проклят; но чего же ради?
Чем он виновен, что не верил он?»

⁷⁹ Кто ты, чтобы, в судейском сев наряде,
За много сотен миль решать дела,
Когда твой глаз не видит дальше пяди?

⁸² Все те, чья мысль со мной бы вглубь пошла,
Когда бы вас Писанье не смиряло,
Сомненьям бы не ведали числа.

⁸⁵ О стадо смертных, мыслящее вяло!
Благая воля изначала дней
От благодати своей не отступала.

⁸⁸ То — справедливо, что созвучно с ней;
Не привлекаясь бренными благами,
Она творит их из своих лучей».

⁹¹ Как аист, накормив птенцов, кругами,

Витая над гнездом, чертит простор,
А выкормок следит за ним глазами,

⁹⁴ Так воспарял, – и так вздымал я взор, –
Передо мною образ благодатный,
Чьи крылья подвигал такой собор.

⁹⁷ Он пел, кружа, и молвил: «Как невнятные
Тебе мои слова, так искони
Пути господни смертным непонятны».

¹⁰⁰ Когда недвижны сделались огни
Святого духа, всё как знак чудесный,
Принесший Риму честь в былые дни,

¹⁰³ Он начал вновь: «Сюда, в чертог небесный,
Не восходил не веривший в Христа
Ни ранее, ни позже казни крестной.

¹⁰⁶ Но много и таких зовет Христа,
Кто в день возмездья будет меньше в горе
К нему, чем те, кто не знавал Христа.

¹⁰⁹ Они родят презренье в эфиопе,
Когда кто здесь окажется, кто – там,
Навек в богатом или в нищем скопе.

¹¹² Что скажут персы вашим королям,
Когда листы раскроются для взора,
Где полностью записан весь их срам?

¹¹⁵ Там узрят, средь Альбертова позора,
Как пражская земля разорена,
О чем перо уже помянет скоро;

¹¹⁸ Там узрят, как над Сеной жизнь скудна,
С тех пор как стал поддельщиком металла
Тот, кто умрет от шкуры кабана;

¹²¹ Там узрят, как гордыня обуяла
Шотландца с англичанином, как им
В своих границах слишком тесно стало.

¹²⁴ Увидят, как верны грехам земным
Испанец и богемец, без печали
Мирящийся с бесславием своим;

¹²⁷ Увидят, что заслуги засчитали
Хромцу ерусалимскому чрез I,
А через M – обратное вписали;

¹³⁰ Увидят, как живет в скупой грязи
Тот, кто над жгучим островом вельможен,
Где для Анхиза был конец стези;

¹³³ И чтобы показать, как он ничтожен,
О нем напишут с сокращеньем слов,
Где многий смысл в немного строчек вложен.

¹³⁶ И обличатся в мерзости грехов
И брат, и дядя, топчущие рьяно
Честь прадедов и славу двух венцов.

¹³⁹ И не украсят царственного сана
Норвежец, португалец или серб,
Завистник веницейского чекана.

¹⁴² Блаженна Венгрия, когда ущерб
Свой возместит! И счастлива Наварра,
Когда горами оградит свой герб!

¹⁴⁵ Ее остерегают от удара
Стон Никосии, Фамагосты крик,
Которых лютый зверь терзает яро,

¹⁴⁸ С другими неразлучный ни на миг».

Песнь двадцатая

Как только тот, чьим блеском мир сияет,
Покинет нами зримый небосклон,
И ясный день повсюду угасает,

⁴ Твердь, чьи высоты озарял лишь он,
Вновь проступает в яркости мгновенной
Несчетных светов, где один зажжен.

⁷ Я вспомнил этот стройный чин вселенной,
Чуть символ мира и его вождей
Сомкнул, смолкая, клюв благословенный;

¹⁰ Затем что весь собор живых огней,
Лучистой вспыхнув, начал песнопенья,
Утраченные памятью моей.

¹³ О жар любви в улыбке озаренья,
Как ты пылал в свирельном звоне их,
Где лишь святые дышат помышленья!

¹⁶ Когда в лучах камней дорогих,
В шестое пламя вправленных глубоко,
Звук ангельского пения затих,

¹⁹ Я вдруг услышал словно шум потока,
Который, светлый, падает с высот,
Являя мощность своего истока.

²² Как звук свое обличие берет
У шейки цитры или как дыханью
Отверстье дудки звонкость придает,

²⁵ Так, срока не давая ожиданью,
Тот шум, вздымаясь вверх, пророкотал,
Как полостью, орлиною гортанью.

²⁸ Там в голос превратясь, он зазвучал
Из клюва, как слова, которых знойно
Желало сердце, где я их вписал.

³¹ «Та часть моя, что видит и спокойно
Выносит солнце у орлов земли, –
Сказал он, – взоров пристальных достойна.

³⁴ Среди огней, что образ мой сплели,
Те, чьим сверканьем глаз мой благороден,
Всех остальных во славе превзошли.

³⁷ Тот, посредине, что с зеницей сходит,
Святого духа некогда воспел
И нес, из веси в весь, ковчег господень.

⁴⁰ Теперь он знает, сколь благой удел
Он выбрал, дух обрекши славословью,
Затем что награжден по мере дел.

⁴³ Из тех пяти, что изогнулись бровью,
Тот, что над клювом ближе помещен,
По мертвом сыне скорбь утешил вдовью.

⁴⁶ Теперь он знает, сколь велик урон –
Нейти с Христом, и негой несказанной,
И участью обратной искушен.

⁴⁹ А тот, кто в этой дужке, мной названной,
Вверх по изгибу продолжает ряд,
Отсрочил смерть молитвой покаянной.

⁵² Теперь он знает, что навеки свят
Предвечный суд, хотя мольбы порою
Сегодняшнее завтрашним творят.

⁵⁵ А тот, за ним, с законами и мною,
Стремясь к добру, хоть это к злу вело,
Стал греком, пастыря даря землею.

⁵⁸ Теперь он знает, как родивший зло
Похвальным делом – принят в сонм счастливы!

Хоть дело это гибель в мир внесло.

⁶¹ Тот, дальше книзу, свет благочестивый
Гульельмом был, чей край по нем скорбит,
Скорбя, что Карл и Федериго живы.

⁶⁴ Теперь он знает то, как небо чтит
Благих царей, и блеск его богатый
Об этом ярко взору говорит.

⁶⁷ Кто бы поверил, дольной тьмой объятый,
Что здесь священных светов торжество
Рифей-троянец разделил как пятый?

⁷⁰ Теперь он знает многое, чего
Вам не постигнуть в милости бездонной,
Неисследимой даже для него».

⁷³ Как жаворонок, в воздух вознесенный,
Песнь пропоет и замолчит опять,
Последнею отрадой утоленный,

⁷⁶ Такою мне представилась печать
Той изначальной воли, чьи веленья
Всему, что стало, повелели стать.

⁷⁹ И хоть я был для моего сомненья
Лишь как стекло, прикрывшее цвета,
Оно не потерпело промедленья,

⁸² Но: «Как же это?» – сквозь мои уста
Толкнуло грузно всем своим напором;
И вспыхнула сверканий красота.

⁸⁵ Тогда, еще светлей пылая взором,
Ответил мне благословенный стяг,
Чтоб разум мой не мучился раздором:

⁸⁸ «Хоть ты уверовал, что это так,
Как я сказал, – твой ум не постигает;
И ты, поверив, не рассеял мрак.

⁹¹ Ты – словно тот, кто имя вещи знает,

Но сущности ее не разберет,
Пока другой помочь не пожелает.

⁹⁴ Regnum coelorum принужденья ждет
Живой надежды и любви возжженной,
Чтобы господней воли пал оплот.

⁹⁷ Она, — не как боец, бойцом сраженный, —
Сама желает быть побеждена,
И побеждает благодать побежденной.

¹⁰⁰ Тебе в брови и первая странна,
И пятая душа, и то, что в стане
Бесплотных сил горят их пламена.

¹⁰³ Из тел они взошли как христиане,
Не как язычники, в пронзенье ног
Тот как в былое веря, тот — заране.

¹⁰⁶ Одна из Ада, где замкнут порог
Раскаянью, в свой прах опять вступила;
И тем воздал живой надежде бог,

¹⁰⁹ Живой надежде, где черпалась сила
Мольбы к творцу — воззвать ее в свой час,
Чтоб волно в ней подвигнуть можно было.

¹¹² Тот славный дух, о ком идет рассказ,
На краткий срок в свое вернувшись тело,
Уверовал в того, кто многих спас;

¹¹⁵ И, веруя, зажегся столь всецело
Огнем любви, что в новый смертный миг
Был удостоен этого предела.

¹¹⁸ Другой, по благодати, чей родник
Бьет из таких глубин, что взор творенья
До первых струй ни разу не проник,

¹²¹ Направил к правде все свои стремленья;
И бог, за светом свет, ему открыл
Грядущую годину искупленья;

¹²⁴ И с той поры он в этой вере жил,
И не терпел языческого смрада,
И племя развращенное корил.

¹²⁷ Он крестник был трех жен господня сада,
Идущих рядом с правым колесом, –
Сверх десяти столетий до обряда.

¹³⁰ О предопределение, в каком
Скрыт недре корень твой от глаз туманных,
Не видящих причину целиком!

¹³³ Ваш суд есть слово судей самозванных,
О смертные! И мы, хоть бога зрим,
Еще не знаем сами всех избранных.

¹³⁶ Мы счастливы неведеньем своим;
Всех наших благ превыше это благо –
Что то, что хочет бог, и мы хотим».

¹³⁹ Так милостью божественного стяга,
Чтоб озарить мой близорукий взгляд,
Мне подалась целительная влага.

¹⁴² И как певцу искусный лирник в лад
Бряцает на струнах и то, что спето,
Звучит приятнее во много крат,

¹⁴⁵ Так, речи вторя, – ясно помню это, –
Подобно двум мигающим очам, –
Я видел, – оба благодатных света

¹⁴⁸ Мерцали огоньками в лад словам.

Песнь двадцать первая

Уже моя властительница снова
Мои глаза и дух мой призвала,
И я отторгся от всего иного.

⁴ Она, не улыбаясь, начала:
«Ты от моей улыбки, как Семела,
Распался бы, распавшись, как зола.

⁷ Моя краса, которая светлела
На ступенях чертогов божества,
Как видел ты, к пределу от предела,

¹⁰ Когда б не умерялась, такова,
Что, смертный, испытав ее сверканье,
Ты рухнул бы, как под грозой листва.

¹³ Мы на седьмое вознеслись сиянье,
Которое сейчас под жгучим Львом
С ним излучает слитное влияние.

¹⁶ Вослед глазам последовав умом,
Преобрази их в зеркала видений,
Встающих в этом зеркале большом».

¹⁹ Кто ведал бы, как много упоений
В лице блаженном почерпал мой взгляд,
Когда был призван к смене впечатлений,

²² Тот понял бы, как я свершить был рад
Все то, что госпожа повелевала,
Когда б он взвесил чаши двух услад.

²⁵ В глубинах мирокружного кристалла,
Который как властитель наречен,
Под чьей державой мертвым зло лежало,

²⁸ Всю словно золото, где луч зажжен,
Я лестницу увидел восходящей
Так высоко, что взор мой был сражен.

³¹ И рать огней увидел нисходящей
По ступеням, и мнилось – так светла
Вся яркость славы, в небесах горящей.

³⁴ И как грачи, едва заря взошла,
Обычай свой блюдя, гурьбой толкутся,
Чтоб отогреть застывшие крыла,

³⁷ Потом летят, одни – чтоб не вернуться,
Другие – чтоб вернуться поскорей,
А трети все над тем же местом выются,

⁴⁰ Так поступал и этот блеск огней,
К нам с высоты стремившийся согласно, –
Столкнувшись на одной из ступеней.

⁴³ И к нам ближайший просиял так ясно,
Что в мыслях я промолвил: «Этот знак
Твоей любви понятен мне безгласно».

⁴⁶ Но мне внушавшая, когда и как
Сказать и промолчать, тиха; желанье
Я подавляю, и мой выбор благ.

⁴⁹ Она увидела мое молчанье,
Его провидя в видящем с высот,
И мне сказала: «Утоли алканье!»

⁵² Я начал: «По заслугам я не тот,
Чья речь достойна твоего ответа.
Но, ради той, кто мне просить дает,

⁵⁵ О жизнь блаженная, ты, что одета
Своею радостью, скажи, зачем
Ты стала близ меня в сиянье света;

⁵⁸ И почему здесь в этой тверди нем
Напев, который в нижних кругах Рая

Звучит так сладко, несравним ни с чем».

⁶¹ «Твой слух, как зренье, смертей, – отвечая,
Он молвил. – Потому здесь не поют,
Не улыбнулась путница святая.

⁶⁴ Я, снизошед, остановился тут,
Чтоб радостным почтить тебя приветом
Слов и лучей, в которых я замкнут.

⁶⁷ Не большая любовь сказалась в этом:
Такой и большей пламенеют там,
Вверху, как зримо по горящим светам;

⁷⁰ Но высшая любовь, внушая нам
Служить тому, кто правит всей вселенной,
Здесь назначает, как ты видишь сам».

⁷³ «Мне ясно, – я сказал, – о свет священный,
Что вольною любовью побужден
Ваш сонм идти за Волей сокровенной;

⁷⁶ Но есть одно, чем разум мой смущен:
Зачем лишь ты средь стольких оказался
К беседе этой предопределен».

⁷⁹ Еще последний слог мой не сказался,
Когда, средину претворяя в ось,
Огонь, как быстрый жернов, завращался,

⁸² И из любви, в нем скрытой, раздалось:
«Свет благодати на меня стремится,
Меня облекший пронизав насквозь,

⁸⁵ И, с ним соединясь, мой взор острится,
И сам я так взнесен, что мне видна
Прасущность, из которой он струится.

⁸⁸ Так пламенная радость мне дана,
И этой зоркости моей чудесной
Воспламененность риз моих равна.

⁹¹ Но ни светлейший дух в стране небесной,

Ни самый вникший в бога серафим
Не скажут тайны, и для них безвестной.

⁹⁴ Так глубоко ответ словам твоим
Скрыт в пропасти предвечного решения,
Что взору сотворенному незрим.

⁹⁷ И ты, вернувшись в смертные селенья,
Скажи об этом, ибо там спешат
К ее краям тропую дерзновенья.

¹⁰⁰ Ум, здесь светящий, там укутан в чад;
Суди, как на земле в нем сила бренна,
Раз он бессилен, даже небом взят».

¹⁰³ Свои вопросы я пресек мгновенно,
Стесняемый преградой этих слов,
И лишь – кто он, спросил его смиренно.

¹⁰⁶ «Есть кряж меж италийских берегов,
К твоей отчизне близкий и намного
Внесенный выше грохота громов;

¹⁰⁹ Он Катрию отводит в виде рога,
Сходящего к стенам монастыря,
Который служит почитанью бога».

¹¹² Так в третий раз он начал, говоря.
«Там, – продолжал он мне, благоречивый, –
Я так окреп, господень труд творя,

¹¹⁵ Кто, добавляя к пище сок оливы,
Легко сносил жары и холода,
Духовным созерцанием счастливый.

¹¹⁸ Скит этот небу приносил всегда
Обильный плод; но истощился рано,
И ныне близок день его стыда.

¹²¹ В той киновии был я Пьер Дамьяно,
И грешный Петр был у Адрийских вод,
Где инокам – Мариин дом охрана.

¹²⁴ Когда был близок дней моих исход,
Мне дали шляпу противу желанья,
Ту, что от худа к худшему идет.

¹²⁷ Ходили Кифа и Сосуд Избранья
Святого духа, каждый бос и худ,
Питаюсь здесь и там от подаянья.

¹³⁰ А нынешних святителей ведут
Под локотки, да спереди вожатый, —
Так тяжелы! — да сзади хвост несут.

¹³³ И конь и всадник мантией обьяты, —
Под той же шкурой целых два скота.
Терпенье божье, скоро ль час расплаты!»

¹³⁶ При этом слове блески, больше ста,
По ступеням, кружась, спускаться стали,
И, что ни круг, росла их красота.

¹³⁹ Потом они умолкшего обстали
И столь могучий испустили крик,
Что здесь подобье сыщется едва ли.

¹⁴² Слов я не понял; так был гром велик.

Песнь двадцать вторая

Объят смятеньем, я направил взоры
К моей вожатой, как малыш спешит
Всегда туда, где верной ждет опоры;

⁴ Она, как мать, чей голос так звучит,
Что мальчик, побледневший от волненья,
Опять веселый обретает вид,

⁷ Сказала мне: «Здесь горние селенья.
Иль ты забыл, что свят в них каждый миг
И все исходит от благого рвенья?

¹⁰ Суди, как был бы искажен твой лик
Моей улыбкой и поющим хором,
Когда тебя так потрясает крик,

¹³ Непонятый тобою, но в котором
Предвозвещалось мщенье, чей приход
Ты сам еще увидишь смертным взором.

¹⁶ Небесный меч ни медленно сечет,
Ни быстро, разве лишь в глазах иного,
Кто с нетерпеньем иль со страхом ждет.

¹⁹ Теперь ты должен обернуться снова;
Немало душ, одну другой славней
Увидишь ты, мое исполнив слово».

²² Я оглянулся, повинуюсь ей;
И мне станица мелких сфер предстала,
Украшенных взаимностью лучей.

²⁵ Я был как тот, кто притупляет жало
Желания и заявить о нем
Не смеет, чтоб оно не раздражало.

²⁸ Но подплыла всех налитей огнем
И самая большая из жемчужин
Унять меня в томлении моем.

³¹ В ней я услышал: «Будь твой взор так дружен,
Как мой, с любовью, жгущей нашу грудь,
Вопрос твой был бы в слове обнаружен.

³⁴ Но я, чтоб не замедлен был твой путь
К высокой цели, не таю ответа,
Хоть ты уста боишься разомкнуть.

³⁷ Вершину над Казино в оны лета
Толпами посещал в урочный час
Обманутый народ, противник света.

⁴⁰ Я – тот, кто там поведал в первый раз,
Как назывался миру ниспославший
Ту истину, что так возносит нас;

⁴³ По милости, мне свыше воссиявшей,
Я всю округу вырвал из тенет
Нечистой веры, землю соблазнявшей.

⁴⁶ Все эти светы были, в свой черед,
Мужи, чьи взоры созерцали бога,
А дух рождал священный цвет и плод.

⁴⁹ Макарий здесь, здесь Ромоальд, здесь много
Моих собратий, чей в монастырях
Был замкнут шаг и сердце было строго».

⁵² И я ему: «Приязнь, в твоих словах
Мне явленная, и благоволение,
Мной видимое в ваших пламенах,

⁵⁵ Моей души раскрыли дерзновенье,
Как розу раскрывает солнца зной,
Когда всего сильнее ее цветенье.

⁵⁸ И я прошу; и ты, отец, открой,
Могу ли я пребыть в отрадной вере,

Что я узрю воочью образ твой».

⁶¹ И он мне: «Брат, свершится в высшей сфере
Все то, чего душа твоя ждала;
Там все, и я, блаженны в полной мере.

⁶⁴ Там свершена, всецела и зрела
Надежда всех; там вечно пребывает
Любая часть недвижимой, как была.

⁶⁷ То – шар вне места, остий он не знает;
И наша лестница, устремлена
В его предел, от взора улетает.

⁷⁰ Пред патриархом Яковом она
Дотуда от земли взнеслась когда-то,
Когда предстала, ангелов полна.

⁷³ Теперь к ее ступеням не поднята
Ничья стопа, и для сынов земли
Писать устав мой – лишь бумаги трата.

⁷⁶ Те стены, где монастыри цвели, –
Теперь вертепы; превратились рясы
В дурной мукой набитые кули.

⁷⁹ Не так враждебна лихва без прикрасы
Всевышнему, как в нынешние дни
Столь милые монашеству запасы.

⁸² Всё, чем владеет церковь, – искони
Наследье нищих, страждущих сугубо,
А не родни иль якобы родни.

⁸⁵ Столь многое земному телу любо,
Что раньше минет чистых дум пора,
Чем первый желудь вырастет у дуба.

⁸⁸ Петр начинал без злата и серебра,
А я – молитвой и постом упорным;
Франциск смиреньем звал на путь добра.

⁹¹ И ты, сравнив с почином благотворным

Тот путь, каким преемники идут,
Увидишь сам, что белый цвет стал черным.

⁹⁴ Хотя в том, как Иордан был разомкнут
И вскрылось море, промысл объявился
Чудесней, чем была бы помощь тут».

⁹⁷ Так он сказал и вновь соединился
С собором, и собор слился тесней;
Затем, как вихорь, разом кверху взвился.

¹⁰⁰ Моя владычица вдоль ступеней
Меня взметнула легким мановеньем,
Всесильным над природою моей;

¹⁰³ Ни вверх, ни вниз естественным движеньем
Так быстро не спешат в земном краю,
Чтобы с моим сравниться окрыленьем.

¹⁰⁶ Читатель, верь, — как то, что я таю
Надежду вновь обречь усладу Рая,
Которой ради, каясь, перси бью, —

¹⁰⁹ Ты не быстрее обжег бы, вынимая,
Свой перст в огне, чем предо мной возник
Знак, первый вслед Тельцу, меня вбирая.

¹¹² О пламенные звезды, о родник
Высоких сил, который возлелеял
Мой гений, будь он мал или велик!

¹¹⁵ Выходил меж вас, меж вас к закату реял
Отец всего, в чем смертна жизнь, когда
Тосканский воздух на меня повеял;

¹¹⁸ И мне, чудесно взятому туда,
Где ходит свод небесный, вас кружащий,
Быть в вашем царстве выпала чреда.

¹²¹ К вам устремляю ныне вздох молящий,
Дабы мой дух окреп во много крат
И трудный шаг свершил, его манящий.

¹²⁴ «Так близок ты к последней из отрад, —
Сказала Беатриче мне, — что строгий
Быть должен у тебя и чистый взгляд.

¹²⁷ Пока ты не вступил в ее чертоги,
Вниз посмотри, — какой обширный мир
Я под твои уже повергла ноги;

¹³⁰ Чтоб уготовать в сердце светлый пир
Победным толпам, что сюда несутся
С веселием сквозь круговой эфир».

¹³³ Тогда я дал моим глазам вернуться
Сквозь семь небес — и видел этот шар
Столь жалким, что не мог не усмехнуться;

¹³⁶ И чем в душе он меньший будит жар,
Тем лучше; и к другому обращенный
Беспорнейшую мудрость принял в дар.

¹³⁹ Я дочь Латоны видел озаренной
Без тех теней, чье прежде естество
Искал в среде густой и разреженной.

¹⁴² Я вынес облик сына твоего,
О Гиперион; и постиг круженье,
О Майя и Диона, близ него.

¹⁴⁵ Я созерцал смягченное горенье
Юпитера меж сыном и отцом;
Мне уяснилось их перемещение.

¹⁴⁸ И быстроту свою, и свой объем
Все семеро представили мне сами,
И как у всех — уединенный дом.

¹⁵¹ С нетленными вращаясь Близнецами,
Ключок, родящий в нас такой раздор,
Я видел весь, с горами и реками.

¹⁵⁴ Потом опять взглянул в прекрасный взор.

Песнь двадцать третья

Как птица, посреди листвы любимой,
Ночь проведя в гнезде птенцов родных,
Когда весь мир от нас укрыт, незримый,

⁴ Чтобы увидеть милый облик их
И корм найти, которым сыты детки, –
А ей отраден тяжкий труд для них, –

⁷ Час упреждая на открытой ветке,
Ждет, чтобы солнцем озарилась мгла,
И смотрит вдаль, чуть свет забрезжит редкий, –

¹⁰ Так Беатриче, выпрямясь, ждала
И к выси, под которой утомленный
Шаг солнца медлит, очи возвела.

¹³ Ее увидя страстно поглощенной,
Я уподобился тому, кто ждет,
До времени надеждой утоленный.

¹⁶ Но только был недолог переход
От ожидания до того мгновенья,
Как просветляться начал небосвод.

¹⁹ И Беатриче мне: «Вот ополченья
Христовой славы, вот где собран он,
Весь плод небесного круговращения!»

²² Казался лик ее воспламенен,
И так сиял восторг очей прекрасных,
Что я пройти в безмолвье принужден.

²⁵ Как Тривия в час полнолуний ясных
Красуется улыбкою своей
Средь вечных нимф, на небе неугасных,

²⁸ Так, видел я, над тысячей огней
Одно царило Солнце, в них сияя,
Как наше – в горних светочах ночей.

³¹ В живом свеченье Сущность световая,
Сквозя, струила огнезарный дождь
Таких лучей, что я не снес, взирая.

³⁴ О Беатриче, милый, нежный вождь!
Она сказала мне: «Тебя сразила
Ничем неотражаемая мощь»;

³⁷ Затем что здесь – та Мудрость, здесь – та Сила,
Которая, вослед векам тоски,
Пути меж небом и землей открывала.

⁴⁰ Как пламень, ширясь, тучу рвет в куски,
Когда ему в ее пределах тесно,
И падает, природе вопреки,

⁴³ Так, этим пиршеством взращен чудесно,
Мой дух прорвался из своей брони,
И что с ним было, памяти неизвестно.

⁴⁶ «Открой глаза и на меня взгляни!
Им было столько явлено, что властны
Мою улыбку выдержать они».

⁴⁹ Я был как тот, кто, пробудясь, неясный
Припоминает образ, но, забыв,
На память возлагает труд напрасный, –

⁵² Когда я услышал ее призыв,
Такой пленительный, что на скрижали
Минувшего он будет вечно жив.

⁵⁵ Хотя б мне в помощь все уста звучали,
Которым млека сладкого родник
Полимния и сестры изливали,

⁵⁸ Я тысячной бы доли не достиг,
Священную улыбку воспевая,

Которой воссиял священный лик;

⁶¹ И потому в изображенье Рая
Святая повесть скачет иногда,
Как бы разрывы на пути встречая.

⁶⁴ Но столь велики тягости труда,
И так для смертных плеч тяжка натуга,
Что им подчас и дрогнуть – нет стыда.

⁶⁷ Морской простор не для худого струга –
Тот, что отважным кораблем вспенен,
Не для пловца, чья мысль полна испуга.

⁷⁰ «Зачем ты так в мое лицо влюблен,
Что красотою сада неземного,
В лучах Христа расцветшей, не прельщен?

⁷³ Там – роза, где божественное Слово
Прияло плоть; там веянье лилей,
Чей запах звал искать пути благого».

⁷⁶ Так Беатриче; повинуюсь ей,
Я обратился сызнова к сраженью,
Нелегкому для немощных очей.

⁷⁹ Как под лучом, который явлен зренью
В разрыве туч, порой цветочный луг
Сиял моим глазам, укрытым тенью,

⁸² Так толпы светов я увидел вдруг,
Залитые лучами огневыми,
Не видя, чем так озарен их круг.

⁸⁵ О благостная мощь, светя над ними,
Ты вознеслась, свой облик затеня,
Чтоб я очами мог владеть моими.

⁸⁸ Весть о цветке, чье имя у меня
И днем и ночью на устах, стремил
Мой дух к лучам крупнейшего огня.

⁹¹ Когда мое мне зренье отразило

И яркость и объем звезды живой,
Вверху царящей, как внизу царила,

⁹⁴ Спустился в небо светоч огневой
И, обвиваясь как венок текучий,
Замкнул ее в свой вихорь круговой.

⁹⁷ Сладчайшие из всех земных созвучий,
Чья прелесть больше всех душе мила,
Казались бы как треск раздранной тучи,

¹⁰⁰ В сравненье с этой лирой, чья хвала
Венчала блеск прекрасного сапфира,
Которым твердь светлейшая светла.

¹⁰³ «Я व्यуюсь, любовью чистых сил эфира,
Вкруг радости, которую нам шлет
Утроба, несшая надежду мира;

¹⁰⁶ И буду виться, госпожа высот,
Пока не взыдешь к сыну и святые
Не освятит просторы твой приход».

¹⁰⁹ Такой печатью звоны кольцевые
Запечатлелись; и согласный зов
Взлетел от всех огней, воззвав к Марии.

¹¹² Всех свитков мира царственный покров,
Дыханьем божьим жарче оживляем
И к богу ближе остальных кругов,

¹¹⁵ Нас осенял своим исподним краем
Так высоко, что был еще незрим
И там, где я стоял, неразличаю;

¹¹⁸ Я был бессилен зрением моим
Последовать за пламенем венчанным,
Вознесшимся за семенем своим.

¹²¹ Как, утоленный молоком желанным,
Младенец руки к матери стремится,
С горячим чувством, внешне изливающим,

¹²⁴ Так каждый из огней был кверху взвит
Вершиной, изъясняя ту отраду,
Которую Мария им дарит.

¹²⁷ Они недвижно представляли взгляду,
«Regina coeli» воспевая так,
Что я доныне чувствую усладу.

¹³⁰ О, до чего прекрасный собран знак
Ларями этими, и как богато,
И как посев их на земле был благ!

¹³³ Здесь радуется сокровище, когда-то
Стяжанное у Вавилонских вод
В изгнание слезном, где отверглось золото.

¹³⁶ Здесь древний сонм и новый сонм цветет,
И празднует свой подвиг величавый,
Под сыном бога и Марии, тот,

¹³⁹ Кто наделен ключами этой славы.

Песнь двадцать четвертая

О сонм избранных к вечере великой
Святого агнца, где утолено
Алканье всех! Раз всеблагим владыкой

⁴ Вот этому вкусить уже дано
То, что с трапезы вашей упадет,
Хоть время жизни им не свершено, —

⁷ Помыслив, как безмерно он желает,
Ему росы пролейте! Вас поит
Родник, дарящий то, чего он чает».

¹⁰ Так Беатриче; радостный синклит
Стал выющимися на осях кругами
И, как кометы, пламенем повит.

¹³ И как в часах колеса ходят сами,
Но в первом — ход неразличим извне,
А крайнее летит перед глазами,

¹⁶ Так эти хороводы, движась не—
однообразно, медленно и скоро,
Различность их богатств являли мне.

¹⁹ И вот из драгоценнейшего хора
Такой блаженный пламень воспарил,
Что не осталось ярче в нем для взора;

²² Вкруг Беатриче трижды он проплыл,
И вспомнить о напеве, им пропетом,
Воображенье не находит сил;

²⁵ Скакнув пером, я не пишу об этом;
Для этих складок самые мечты,
Не только речь, чрезмерно резки цветом.

²⁸ «Сестра моя святая, так чисты
Твои мольбы, что с чередой блаженной
Меня любовью разлучила ты».

³¹ Остановясь, огонь благословенный,
Направля к госпоже моей полет
Дыханья, дал ответ вышереченный.

³⁴ И та: «О свет, в котором вечен тот,
Кому господь от этого чертога
Вручил ключи, принеся их с высот,

³⁷ Из уст твоих, насколько хочешь строго,
Да будет он о вере вопрошен,
Тебя по морю ведшей, волей бога.

⁴⁰ В любви, в надежде, в вере – прям ли он,
Ты видишь сам, взирая величаво
Туда, где всякий помысл отражен.

⁴³ Но так как граждан горняя держава
Снискала верой, пусть он говорит,
Чтобы, как должно, воздалась ей слава».

⁴⁶ Как бакалавр, вооружась, молчит
И ждет вопроса по тому предмету,
Где он изложит, но не заключит,

⁴⁹ Так точно я, услыша просьбу эту,
Вооружал всем знаньем разум мой
Перед таким учителем к ответу.

⁵² «Скажи, христианин, свой лик открой:
В чем сущность веры?» Я возвел зеницы
К огню, который веял предо мной;

⁵⁵ Потом, взглянув, увидел проводницы
Поспешный знак – словесному ручью
Излиться дать из мысленной криницы.

⁵⁸ «Раз мне дано, чтоб веру я мою
Пред мощным первоборцем исповедал,
Пусть мысль мою я внятно разовью! –

⁶¹ Сказал я. – Как о вере нам поведал
Твой брат, который с помощью твоей
Идти путем неверным Риму не дал,

⁶⁴ Она – основа чаемых вещей
И довод для того, что нам незримо;
Такую сущность полагаю в ней».

⁶⁷ И он: «Ты мыслишь неопровержимо,
Коль верно понял смысл, в каком она
Им как основа и как довод мнима».

⁷⁰ И я на это молвил: «Глубина
Вещей, мне явленных в небесной сфере,
Для низменного мира столь темна,

⁷³ Что там их бытие – в единой вере,
Дающей упованью прочно стать;
Чрез то она – основа в полной мере.

⁷⁶ Нам подобает умозаключать
Из веры там, где знание невластно;
И доводом ее нельзя не звать».

⁷⁹ И я услышал: «Если б все так ясно
Усваивали истину, познав, –
Софисты ухищрялись бы напрасно».

⁸² Горящая любовь, так продышав,
Добавила: «Неуличим в изъяне
Испытанной монеты вес и сплав;

⁸⁵ Но есть ли у тебя она в кармане?»
И я: «Да, есть, блестяща и кругла.
И я не усомнюсь в ее чекане».

⁸⁸ Опять, вещая, голос издала
Глубь света: «Этот бисер, всех дороже,
Рождающий все добрые дела,

⁹¹ Где ты обрел?» Я молвил: «Дождь погожий
Святого духа, щедро пролитой
Равно по ветхой и по новой коже,

⁹⁴ Есть силлогизм, с такою остротой
Меня приведший к правильным основам,
Что мнится мне тупым любой иной».

⁹⁷ И я услышал: «В ветхом или в новом
Суждение – для рассудка твоего
Что ты нашел, чтоб счесть их божьим словом?»

¹⁰⁰ Я молвил: «Доказательство того –
Дела; для них железа не калило
И молотом не било естество».

¹⁰³ Ответ гласил: «А в том, что это было,
Порука где? Что доказательств ждет,
То самое свидетельством служило».

¹⁰⁶ «Вселенной к христианству переход, –
Сказал я, – без чудес, один, бесспорно,
Все чудеса стократно превзойдет;

¹⁰⁹ Ты, нищ и худ, принес святыя зерна,
Чтобы взошли ростки благие там,
Где вместо лоз теперь колючки терна».

¹¹² Когда я смолк, по огненным кругам
Песнь «Бога хвалим» раздалась святая,
И горний тот напев неведом нам.

¹¹⁵ И этот князь, который, увлекая
От ветви к ветви, чтобы испытать
Меня в листе довел уже до края,

¹¹⁸ Так речь свою продолжил: «Благодать,
Любя твой ум, доныне отверзала
Твои уста, как должно отверзать,

¹²¹ И я одобрил то, что вверх всплывало.
Но самой этой веры в чем предмет,
И в чем она берет свое начало?»

¹²⁴ «Святой отец и дух, узревший свет,
В который верил так, что в гроб спустился,

Юнейших ног опережая след, —

¹²⁷ Я начал, — ты велишь, чтоб я открылся,
В чем эта вера твердая моя
И почему я в вере утвердился.

¹³⁰ Я отвечаю: в бога верю я,
Что движет небеса, единый, вечный,
Любовь и волю, недвижим, дая.

¹³³ И в физике к той правде безупречной,
И в метафизике приходим мы,
И мне ее же с выси бесконечной

¹³⁶ Льют Моисей, пророки и псалмы,
Евангелие и то, что вы сложили,
Когда вам дух воспламенил умы.

¹³⁹ И верю в три лица, что вечно были,
Чья сущность столь едина и тройна,
Что «суть» и «есть» они равно вместили.

¹⁴² Глубь тайны божьей, как она дана
В моих словах, в мой разум пролитая,
Евангельской печатью скреплена.

¹⁴⁵ И здесь — начало, искра здесь живая,
Чье пламя разрослось, пыланьем став
И, как звезда небес, во мне сверкая».

¹⁴⁸ Как господин, отрадной вести вняв,
Слугу, когда тот смолк, за извещение
Душой благодарит, его обняв,

¹⁵¹ Так, смолкшему воспев благословенье,
Меня кругом до трех обвеял крат
Апостольский огонь, чье вняв веленье

¹⁵⁴ Я говорил; так был он речи рад.

Песнь двадцать пятая

Коль в некий день поэмою священной,
Отмеченной и небом и землей,
Так что я долго чах, в трудах согбенный,

⁴ Смирится гнев, пресекавший доступ мой
К родной овчарне, где я спал ягненком,
Немил волкам, смутившим в ней покой, –

⁷ В ином руне, в ином величьи звонком
Вернусь, поэт, и осенюсь венцом
Там, где крещение принимал ребенком;

¹⁰ Затем что в веру, души пред Творцом
Являющую, там я облачился
И за нее благословлен Петром.

¹³ И вот огонь, к нам движась, отделился
От тех огней, откуда старшина
Наместников Христовых появился;

¹⁶ И Беатриче, радости полна:
«Смотри! Смотри! Вот витязь, чьим заслугам
Такая честь в Галисьи воздана!»

¹⁹ Как если голубь сядет рядом с другом,
И, нежностью взаимною делясь,
Они воркуют и порхают кругом,

²² Так, видел я, один высокий князь
Встречал другого ласковым приветом
И брашна горние хвалил, дивясь.

²⁵ Приветствия закончились на этом,
И каждый согат те, недвижим, нем,
Так пламенел, что взгляд сражен был светом.

²⁸ И Беатриче молвила затем
С улыбкой: «Славный дух и возвеститель
Того, как щедр небесный храм ко всем,

³¹ Надеждой эту огласи обитель.
Ведь ею ты бывал в людских глазах,
Когда троих из вас почтил спаситель».

³⁴ «Вздыми чело, превозмоги свой страх;
Из смертного предела вознесенный
Здесь должен в наших созреть лучах».

³⁷ Так говорил душе моей смущенной
Второй огонь; и я возвел к горам
Взгляд, гнетом их чрезмерным преклоненный.

⁴⁰ «Раз наш властитель изволяет сам,
Чтоб ты среди чертога потайного,
Еще живой, предстал его князьям

⁴³ И, видев правду царства неземного,
Надежду, что к благой любви ведет,
В себе и в остальных упрочил снова,

⁴⁶ Поведай, что — она, и как цветет
В твоей душе, и как в нее вступила». —
Так молвил снова тот огонь высот.

⁴⁹ И та, что перья крыл моих стремил
В их воспаренье до таких вершин,
Меня в ответе так предупредила:

⁵² «В воинствующей церкви ни один
Надеждой не богаче, — как то зримо
В пресветлом Солнце неземных дружин;

⁵⁵ За то увидеть свет Ерусалима
Он из Египта этот путь свершил,
Еще воинствуя неутомимо.

⁵⁸ Другие два вопроса (ты спросил
Не чтоб узнать, а с тем, что он изложит,

Как эту добродетель ты почтил)

⁶¹ Ему оставлю я; на оба может
Легко и не хвалясь ответить он;
И божья милость пусть ему поможет».

⁶⁴ Как школьник, на уроке вопрошен,
Свое желая обнаружить знание,
Рад отвечать про то, в чем искушен:

⁶⁷ «Надежда, — я сказал, — есть ожиданье
Грядущей славы; ценность прежних дел
И благодать — его обоснованье.

⁷⁰ От многих звезд я этот свет узрел;
Но первый мне его пролил волною
Тот, кто всех выше высшего воспел.

⁷³ «Да уповают на тебя душою, —
Он пел, — кто имя ведает твое!»
И как не ведать, веруя со мною?

⁷⁶ Ты ею сердце оросил мое
В твоём посланьи; полн росы блаженной,
Я и других кроплю дождем ее».

⁷⁹ Пока я говорил, в груди нетленной
Того пожара — колебался свет,
Как вспышки молний, частый и мгновенный.

⁸² «Любовь, которой я досель согрет, —
Дохнул он, — к добродетели, до края
Борьбы за пальму шедшей мне вослед,

⁸⁵ Велит мне вновь дохнуть тебе, взирая,
Как ты ей рад, дабы ты мне сказал,
Чего ты ожидаешь, уповая».

⁸⁸ «Я это понял, — так я отвечал, —
Из Нового и Ветхого завета,
Цель душ познав, тех, что господь избрал.

⁹¹ В две ризы будет каждая одета

В земле своей, – Исая возвестил.
А их земля – жизнь сладостная эта.

⁹⁴ Еще ясней, по мере наших сил,
Твой брат, сказав про белые уборы,
Нам откровенье это изложил»,

⁹⁷ Когда я кончил, – огласив просторы,
«Sperent in te» раздалось в вышине;
На что, кружа, откликнулись все хоры.

¹⁰⁰ И так разросся свет в одном огне,
Что, будь у Рака сходный перл, зимою
Бывал бы месяц о едином дне.

¹⁰³ Как девушка встает, идет и, к рою
Плясуний примыкая, воздаст
Честь новобрачной, не кичась собою,

¹⁰⁶ Так, видел я, всплывший пламень тот
Примкнул к двоим, которых, с нами рядом,
Любви горящей мчал круговорот.

¹⁰⁹ Он слился с песнопением и ладом;
Недвижна и безмолвна, госпожа
Их, как невеста, озидала взглядом.

¹¹² «Он, с Пеликаном нашим возлежа,
К его груди приник; и с выси крестной
Приял великий долг, ему служа».

¹¹⁵ Так Беатриче; взор ее чудесный
Ее словами не был отвлечен
От созерцанья красоты небесной.

¹¹⁸ Как тот, чей взгляд с усилием устремлен,
Чтоб видеть солнце затемненным частно,
И он, взирая, зрения лишен,

¹²¹ Таков был я пред вспыхнувшим столь ясно
И услышал: «Зачем слепишь ты взор,
Чтоб видеть то, чего искать напрасно?

¹²⁴ Я телом – прах во прахе до тех пор,
Пока число не завершится наше,
Как требует предвечный приговор.

¹²⁷ В двух ризах здесь, и всех блаженных краше,
Лишь два сиянья, взнесшиеся вдруг;
И с этим ты вернешься в царство ваше».

¹³⁰ При этом слове огнезарный круг
Затих, и с ним – рождавшийся в пречистом
Смешенье трех дыханий нежный звук;

¹³³ Так, на шабаш иль в месте каменистом,
Строй весел, только что взрезавших вал,
Враз замирает, остановлен свистом.

¹³⁶ О, что за трепет душу мне объял,
Когда я обернулся к Беатриче
И ничего не видел, хоть стоял

¹³⁹ Вблизи нее и в мире всех величий!

Песнь двадцать шестая

Пока я был смущен угасшим взором,
Осиливший его костер лучей
Повеял дуновением, в котором

⁴ Послышалось: «Доколе свет очей,
Затменный мной, к тебе не возвратится,
Да возместит утрату звук речей.

⁷ Итак, начни; скажи, куда стремится
Твоя душа, и отстрани испуг:
Взор у тебя не умер, а мутится.

¹⁰ В очах у той, что ввысь из круга в круг
Тебя стезею дивной возносила,
Таится мощь Ананииных рук».

¹³ «С терпеньем жду, – моим ответом было, –
Целенья глаз, куда, как в недра врат,
Она с огнем сжигающим вступила.

¹⁶ Святое Благо неземных палат
Есть альфа и омега книг, чьи строки
Уста любви мне шепчут и гласят».

¹⁹ И голос тот, которым я, безокий,
Утешился в неожиданной слепоте,
Вновь налагая на меня уроки,

²² Сказал: «Тебя на частом решете
Проверю я. Какие побужденья
Твой лук направили к такой мете?»

²⁵ И я: «Чрез философские ученья
И через то, что свыше внушено,
Я той любви приял напечатленье;

²⁸ Затем что благо, чуть оценено,
Дает вспылать любви, тем боле властной,
Чем больше в нем добра заключено.

³¹ Поэтому к Прасути, столь прекрасной,
Что все блага, которые не в ней, —
Ее луча всего лишь свет неясный,

³⁴ Должна с любовью лхнуть всего сильнее
Душа того, кто правду постигает,
Проникшую мой довод до корней.

³⁷ Ту правду предо мною расстилает
Мне показавший первую Любовь
Всего, что вековечно пребывает;

⁴⁰ Правдивый голос расстилает вновь,
Сам о себе сказавший Моисею:
«Узреть всю славу дух твой приготовь»;

⁴³ И расстилаешь ты, когда твоею
Высокой речью миру оглашен
Смысл вышних тайн так громко, как ничьею».

⁴⁶ «Земным рассудком, — вновь повеял он, —
И подтверждающими голосами
Жарчайший пыл твой к богу обращен.

⁴⁹ Но и другими, может быть, ремнями
К нему влеком ты. Сколькими, открой,
Твоя любовь язвит тебя зубами?»

⁵² Не утаился умысел святой
Орла Христова, так что я заметил,
Куда ответ он направляет мой.

⁵⁵ «Все те укусы, — я ему ответил, —
Что нас стремят к владыке бытия,
Крепят любовь, которой дух мой светел.

⁵⁸ Жизнь мироздания, как и жизнь моя,
Смерть, что он принял, жить мне завещая,

Всё, в чем надежда верящих, как я,

⁶¹ И сказанная истина живая –
Меня из волн дурной любви спасли,
На берегу неложной утверждая.

⁶⁴ И все те листья, что в саду выросли
У вечного садовника, люблю я,
Поскольку к ним его дары сошли».

⁶⁷ Едва я смолк, раздался, торжествуя,
Напев сладчайший в небе: «Свят, свят, свят!»
И Беатриче вторила, ликуя.

⁷⁰ Как при колющем свете сон разъят
Тем, что стремится зрительная сила
На луч, пронзающий за платом плат,

⁷³ И зренье пробужденному немило,
Настолько смутен он, вернувшись в быть,
Пока сознание ум не укрепило, –

⁷⁶ Так Беатриче с глаз моих всю пыль
Прочь согнала очей своих лучами,
Сиявшими на много тысяч миль;

⁷⁹ Я даже стал еще острей глазами;
И спросил, смущенный, про того,
Кто как четвертый свет возник пред нами.

⁸² И Беатриче мне: «В лучах его
Душа, всех прежде созданная, славит
Создателя и бога своего».

⁸⁵ Как сень ветвей, когда ее придавит
Идущий ветер, никнет, тяжела,
Потом, вознесшись, вновь листву расправит, –

⁸⁸ Таков был я, пока та речь текла,
Дивясь; потом, отвагу вновь обретши
В той жажде молвить, что мне душу жгла,

⁹¹ Я начал: «Плод, единый, что, не цветши,

Был создан зрелым, праотец людей,
Дочь и сноху в любой жене нашедший,

⁹⁴ Внемли мольбе усерднейшей моей,
Ответь! Вопрос ты ведаешь заране,
И я молчу, чтоб внять тебе скорей».

⁹⁷ Когда зверек накрыт обрывком ткани,
То, оболочку эту полоша,
Он выдает всю явь своих желаний;

¹⁰⁰ И точно так же первая душа
Свою мне радость сквозь лучи покрова
Изобличала, благостью дыша.

¹⁰³ Потомдохнула: «В нем я и без слова
Уверенней, чем ты уверен в том,
Что несомненное всего иного.

¹⁰⁶ Его я вижу в Зеркале святом,
Которое, всё отражая строго,
Само не отражается ни в чем.

¹⁰⁹ Ты хочешь знать, давно ль я, волей бога,
Вступил в высокий сад, где в должный миг
Тебе открылась горняя дорога,

¹¹² Надолго ль он в глазах моих возник,
И настоящую причину гнева,
И мною изобретенный язык.

¹¹⁵ Знай, сын мой: не вкушение от древа,
А нарушение воли божества
Я искупал, и искупала Ева.

¹¹⁸ Четыре тысячи и триста два
Возврата солнца твердь меня манила
Там, где Вергилий свыше внял слова;

¹²¹ Оно же все попутные светила
Повторно девятьсот и тридцать раз,
Пока я жил на свете, посетило.

¹²⁴ Язык, который создал я, угас
Задолго до немыслимого дела
Тех, кто Немвродов исполнял приказ;

¹²⁷ Плоды ума зависимы всецело
От склонностей, а эти – от светил,
И потому не делятся без предела.

¹³⁰ Естественно, чтоб смертный говорил;
Но – так иль по-другому, это надо,
Чтоб не природа, а он сам решил.

¹³³ Пока я не сошел к томленью Ада,
«И» в дольном мире звался Всеблагой,
В котором вечная моя отрада;

¹³⁶ Потом он звался «Эль»; и так любой
Обычай смертных сам себя сменяет,
Как и листва сменяется листвою.

¹³⁹ На той горе, что выше всех всплывает,
Я пробыл и святым, и несвятым
От утра и до часа, что вступает,

¹⁴² Чуть солнце сменит четверть, за шестым».

Песнь двадцать седьмая

«Отцу, и сыну, и святому духу» –
Повсюду – «слава!» – раздалось в Раю,
И тот напев был упоением слуху.

⁴ Взирая, я, казалось, взором пью
Улыбку мироздания, так что зримый
И звучный хмель вливался в грудь мою.

⁷ О, радость! О, восторг невыразимый!
О, жизнь, где всё – любовь и всё – покой!
О, верный клад, без алчности хранимый!

¹⁰ Четыре светоча передо мной
Пылали, и, мгновенье за мгновеньем,
Представший первым силил пламень свой;

¹³ И стал таким, каким пред нашим зреньем
Юпитер был бы, если б Марс и он,
Став птицами, сменились опереньем.

¹⁶ Та власть, которой там распределен
Черед и чин, благословенным светам
Велела смолкнуть, и угас их звон,

¹⁹ Когда я внял: «Что я меняюсь цветом,
Не удивляйся; внемля мой глагол,
Все переменяет цвет в соборе этом.

²² Тот, кто, как вор, воссел на мой престол,
На мой престол, на мой престол, который
Пуст перед сыном Божиим, возвел

²⁵ На кладбище моем сплошные горы
Кровавой грязи; сверженный с высот,
Любуясь этим, утешает взоры».

²⁸ Тот цвет, которым солнечный восход
Иль час заката облака объемлет,
Внезапно охватил весь небосвод.

³¹ И словно женщина, чья честь не дремлет
И сердце стойко, чувствует испуг,
Когда о чьем-либо проступке внемлет,

³⁴ Так Беатриче изменилась вдруг;
Я думаю, что небо так затмилось,
Когда Всесильный поникал средь мук.

³⁷ Меж тем все дальше речь его стремилась,
И перемена в голосе была
Не меньшая, чем в облике явилась.

⁴⁰ «Невеста божья не затем выросла
Моею кровью, кровью Лина, Клета,
Чтоб золото стяжалось без числа;

⁴³ И только чтоб стяжать блаженство это,
Сикст, Пий, Каликст и праведный Урбан,
Стеня, пролили кровь в былые лета.

⁴⁶ Не мы хотели, чтобы христиан
Преемник наш пристрастною рукою
Делил на правый и на левый стан;

⁴⁹ Ни чтоб ключи, полученные мною,
Могли гербом на ратном стяге стать,
Который на крещеных поднят к бою;

⁵² Ни чтобы образ мой скреплял печать
Для льготных грамот, покупных и лживых,
Меня краснеть неволя и пылать!

⁵⁵ В одежде пастырей-волков грызливых
На всех лугах мы видим средь ягнят.
О божий суд, восстань на нечестивых!

⁵⁸ Гасконцы с каорсинцами хотят
Пить нашу кровь; о доброе начало,

В какой конечный впало ты разврат!

⁶¹ Но промысел, чья помощь Рим спасала
В великой Сципионовой борьбе,
Спасет, я знаю, – и пора настала.

⁶⁴ И ты, мой сын, сойдя к земной судьбе
Под смертным грузом, смелыми устами
Скажи о том, что я сказал тебе!»

⁶⁷ Как дельный воздух мерзлыми парами
Снежит к земле, едва лишь Козерог
К светилу дня притронется рогами,

⁷⁰ Так здесь эфир себя в красу облек,
Победные взвевая испаренья,
Помедлившие с нами долгий срок.

⁷³ Мой взгляд следил всё выше их движенья,
Пока среда чрезмерной высоты
Ему не преградила восхожденья.

⁷⁶ И госпожа, когда от той меты
Я взор отвел, сказала: «Опуская
Глаза, взгляни, куда пронесся ты!»

⁷⁹ И я увидел, что с тех пор, когда я
Вниз посмотрел, над первой полосой
Я от середины сдвинулся до края.

⁸² Я видел там, за Гадесом, шальной
Улиссов путь; здесь – берег, на котором
Европа стала ношей дорогой.

⁸⁵ Я тот клочок обвел бы шире взором,
Но солнце в бездне упреждало нас
На целый знак и больше, в беге скором.

⁸⁸ Влюбленный дух, который всякий час
Стремился пламенно к своей богине,
Как никогда ждал взора милых глаз;

⁹¹ Все, чем природа или кисть доныне

Пленили взор, чтоб уловлять сердца,
Иль в смертном теле, или на картине,

⁹⁴ Казалось бы ничтожным до конца
Пред дивной радостью, что мне блеснула,
Чуть я увидел свет ее лица;

⁹⁷ И мощь, которой мне в глаза пахнуло,
Меня, рванув из Ледина гнезда,
В быстрое из всех небес метнула.

¹⁰⁰ Так однородна вся его среда,
Что я не ведал, где я оказался,
Моей вожатой вознесен туда.

¹⁰³ И мне, чтоб я в догадках не терялся,
Так радостно сказала госпожа,
Как будто бог в ее лице смеялся:

¹⁰⁶ «Природа мира, все, что есть, кружа
Вокруг ядра, которое почило,
Идет отсюда, как от рубежа.

¹⁰⁹ И небо это божья мысль вместила,
Где и любовь, чья власть его влечет,
Берет свой пыл, и скрытая в нем сила.

¹¹² Свет и любовь объемлют этот свод,
Как всякий низший кружит, им объятый;
И те высоты их творец блюдет.

¹¹⁵ Движенье здесь не мерят мерой взятой,
Но все движенья меру в нем берут,
Как десять – в половине или в пятой.

¹¹⁸ Как время, в этот погружаясь сосуд
Корнями, в остальных живет вершиной,
Теперь понять тебе уже не в труд.

¹²¹ О жадность! Не способен ни единый
Из тех, кого ты держишь, поглотив,
Поднять зеницы над твоей пучиной!

¹²⁴ Цвет доброй воли в смертном сердце жив;
Но ливней беспрестанные потоки
Родят уродцев из хороших слив.

¹²⁷ Одни младенцы слушают уроки
Добра и веры, чтоб забыть вполне
Их смысл скорей, чем опустятся щеки.

¹³⁰ Кто, лепеча, о постном помнил дне,
Вкушает языком, возросшим в силе,
Любую пищу при любой луне.

¹³³ Иной из тех, что, лепеча, любили
И чтили мать, — владея речью, рад
Ее увидеть поскорей в могиле.

¹³⁶ И так вот кожу белую чернят,
Вняв обольщеньям дочери прекрасной
Дарующего утро и закат.

¹³⁹ Размысли, и причина станет ясной:
Ведь над землею власть упразднена,
И род людской идет стезей опасной.

¹⁴² Но раньше, чем январь возьмет весна
Посредством сотой, вами небреженной,
Так хлынет светом горняя страна,

¹⁴⁵ Что вихрь, уже давно предвозвещенный,
Носы туда, где кормы, повернет,
Помчав суда дорогой неуклонной;

¹⁴⁸ И за цветком поспеет добрый плод».

Песнь двадцать восьмая

Когда, скорбя о жизни современной
Несчастных смертных, правду вскрыла мне
Та, что мой дух возносит в рай блаженный, —

⁴ То как, узрев в зеркальной глубине
Огонь свечи, зажженной где-то рядом,
Для глаз и дум негаданный вполне,

⁷ И обратясь, чтобы проверить взглядом
Согласование правды и стекла,
Мы видим слитность их, как песни с ладом, —

¹⁰ Так и моя мне память сберегла,
Что я так сделал, взоры погружая
В глаза, где пути мне любовь сплела.

¹³ И я, — невольно зренье обращая
К тому, что можно видеть в сфере той,
Ее от края оглянув до края, —

¹⁶ Увидел Точку, лившую такой
Острейший свет, что вынести нет мочи
Глазам, ожженным этой остротой.

¹⁹ Звезда, чью малость еле видят очи,
Казалась бы луной, соседя с ней,
Как со звездой звезда в просторах ночи.

²² Как невдали обвит кольцом лучей
Небесный свет, его изобразивший,
Когда несущий пар всего плотней,

²⁵ Так Точку обнял круг огня, круживший
Столь быстро, что одолевался им
Быстрейший бег, вселенную обвивший.

²⁸ А этот опоясан был другим,
Тот – третьим, третий в свой черед – четвертым,
Четвертый – пятым, пятый, вновь, – шестым.

³¹ Седьмой был вширь уже настоль простертым,
Что никогда б его не охватил
Гонец Юноны круговым развертом.

³⁴ Восьмой кружил в девятом; каждый плыл
Тем более замедленно, чем дале
По счету он от единицы был.

³⁷ Чем ближе к чистой Искре, тем пылали
Они ясней, должно быть оттого,
Что истину ее полней вбирали.

⁴⁰ При виде колебания моего:
«От этой Точки, – молвил мой вожатый, –
Зависят небеса и естество.

⁴³ Всмотрись в тот круг, всех ближе к ней прижатый:
Он потому так быстро устремлен,
Что кружит, страстью пламенной объятый».

⁴⁶ И я в ответ: «Будь мир расположен,
Как эти круговратные обводы,
Предложенным я был бы утолен.

⁴⁹ Но в мире ощущаемой природы
Чем выше над серединой взор воздет,
Тем все божественнее небосводы.

⁵² Поэтому мне надобен ответ
Об этом дивном ангельском чертоге,
Которому предел – любовь и свет:

⁵⁵ Зачем идут не по одной дороге
Подобье и прообраз? Мысль вокруг
Витают и нуждается в подмоге».

⁵⁸ «Что этот узел напряженью рук
Не поддается, – ты не удивляйся:

Он стал, никем не тронут, слишком туг».

⁶¹ Так госпожа; и дальше: «Насыщайся
Тем, что воспримешь из моих речей,
И мыслию над этим изощрайся.

⁶⁴ Плотские своды – шире иль тесней,
Смотря по большей или меньшей силе,
Разлитой на пространстве их частей.

⁶⁷ По мере силы – мера изобилий;
Обилье больше, где большой объем
И нет частей, что б целому вредили.

⁷⁰ Наш свод, влекущий в вихре круговом
Все мирозданье, согласован дружно
С превышим в знанье и в любви кольцом.

⁷³ И ты увидишь, – ибо мерить нужно
Лишь силу, а не видимость того,
Что здесь перед тобой стремится кружно, –

⁷⁶ Как в каждом небе дивное сродство
Большого – с многим, с малым – небольшого
Его связует с Разумом его».

⁷⁹ Как полушарье воздуха земного
Яснеет вдруг, когда Борей дохнет
Щекой, которая не так сурова,

⁸² И, тая, растворяется налет
Окрестной мглы, чтоб небо озарилось
Неисчислимостью своих красот, –

⁸⁵ Таков был я, когда со мной делилась
Своим ответом ясным госпожа
И правда, как звезда в ночи, открылась.

⁸⁸ Чуть речь ее дошла до рубежа,
То так железо, плаваясь в мощном зное,
Искрит, как кольца брызнули, кружа.

⁹¹ И все те искры мчались в общем рое,

И множились несметней их огни,
Чем шахматное поле, множась вдвое.

⁹⁴ Я слышал, как хвалу поют они
Недвижной Точке, вокруг нее стремимы
Из века в век, как было искони.

⁹⁷ И видевшая разум мой томимый
Сказала: «В первых двух кругах кружат,
Объемля Серафимов, Херувимы.

¹⁰⁰ Покорны узам, бег они стремят,
Уподобляясь Точке, сколько властны;
А властны – сколько вознесен их взгляд.

¹⁰³ Ближайший к ним любви венец прекрасный
Сплели Престолы божьего лица;
На них закончен первый сонм трехчастный.

¹⁰⁶ Знай, что отрада каждого кольца –
В том, сколько зренье в Истину вникает,
Где разум утоляем до конца.

¹⁰⁹ Мы видим, что блаженство возникает
От зренья, не от любви; она
Лишь спутницей его сопровождает;

¹¹² А зренью мощь заслугами дана,
Чьи корни – в милости и в доброй воле;
Так лестница помалу пройдена.

¹¹⁵ Три смежных сонма, зеленея в доле
Вовеки нескончаемой весны,
Где и ночной Овен не властен боле,

¹¹⁸ «Осанною» всегда оглашены
На три напева, что в тройной святыне
Поют троеобразные чины.

¹²¹ В иерархии этой – три богини:
Сперва – Господства, дальше – Сил венец,
А вслед за ними – Власти, в третьем чине.

¹²⁴ В восторгах предпоследних двух колец
Начала и Архангелы витают;
И Ангельская радость наконец.

¹²⁷ Все эти сонмы к высоте взирают
И, книзу власть победную лия,
Влекомы к богу, сами увлекают.

¹³⁰ И Дионисий в тайну бытия
Их степеней так страстно погружался,
Что назвал их и различил, как я.

¹³³ Григорий с ним потом не соглашался;
Зато, чуть в небе он глаза раскрыл,
Он сам же над собою посмеялся.

¹³⁶ И если столько тайных правд явил
Пред миром смертный, чуда в том не много:
Здесь их узревший – их ему внушил

¹³⁹ Средь прочих истин этого чертога».

Песнь двадцать девятая

Когда чету, рожденную Латоной,
Здесь – знак Овна, там – знак Весов хранит,
А горизонт связует общей зоной,

⁴ То миг, когда их выровнял зенит,
И миг, в который связь меж ними пала
И каждый в новый небосвод спешит,

⁷ Разлучены не дольше, чем молчала
С улыбкой Беатриче, всё туда
Смотря, где Точка взор мой побеждала.

¹⁰ Она промолвила: «Мне нет труда
Тебе ответить, твой вопрос читая
Там, где слились все «где» и все «когда».

¹³ Не чтобы стать блаженной, – цель такая
Немыслима, – но чтобы блеск лучей,
Струимых ею, молвил «Есмь», блистая, –

¹⁶ Вне времени, в предвечности своей,
Предвечная любовь сама раскрылась,
Безгранная, несчетностью любвей.

¹⁹ Она и перед этим находилась
Не в косном сне, затем что божество
Ни «до», ни «после» над водой носилось.

²² Врозь и совместно, суть и вещество
В мир совершенства свой полет помчали, –
С тройного лука три стрелы его.

²⁵ Как в янтаре, стекле или кристалле
Сияет луч, причем его приход
И заполнение целого совпали,

²⁸ Так и Творца троеобразный плод
Излился, как внезапное сиянье,
Где никакой неразличим черед.

³¹ Одновременны были и созданье,
И строй существ; над миром быть дано
Вершиной тем, в ком – чистое деянье,

³⁴ А чистую возможность держит дно;
В середине – связью навсегда нетленной
С возможностью деянье сплетено.

³⁷ Хоть вам писал Иероним блаженный,
Что ангелы за долгий ряд веков
Сотворены до остальной вселенной,

⁴⁰ Но истину на множестве листов
Писцы святого духа возвестили,
Как ты поймешь, вникая в смысл их слов,

⁴³ И разум видит сам, поскольку в силе,
Что движители вряд ли долго так
Без подлинного совершенства были.

⁴⁶ Теперь ты знаешь, где, когда и как
Сотворены любви их собора,
И трех желаний жар в тебе иссяк.

⁴⁹ До двадцати не сосчитать так скоро,
Как часть бесплотных духов привела
В смятенье то, в чем для стихий опора.

⁵² Другая часть, оставшись, начала
Так страстно здесь кружиться, что начатый
Круговорот прервать бы не могла.

⁵⁵ Причиною паденья был в проклятой
Гордыне тот, кто пред тобой предстал,
Всем гнетом мира отовсюду сжатый.

⁵⁸ Сонм, зримый здесь, смиренно признавал
Себя возникшим в Благодати бездонной,

Чей свет ему познание даровал.

⁶¹ За это, по заслугам вознесенный
Чрез озаряющую благодать,
Он преисполнен воли непреклонной.

⁶⁴ И ты, не сомневаясь, должен знать,
Что благодать нисходит по заслуге
К любви, раскрытой, чтоб ее принять.

⁶⁷ Теперь ты сам об этом мудром круге,
Раз мой урок тобою восприят,
Немалое домыслишь на досуге.

⁷⁰ Но так как вам ученые твердят,
Природу ангелов изображая,
Что те, мол, мыслят, помнят и хотят,

⁷³ Скажу еще, чтобы тебе прямая
Открылась правда, на земле у вас
Двусмысленным ученьем повитая.

⁷⁶ Бесплотные, возрадовавшись раз
Лицу Творца, пред кем без утаенья
Раскрыто всё, с него не сводят глаз;

⁷⁹ И так как им не пресекает зренья
Ничто извне, они и не должны
Припоминать отъятые виденья.

⁸² У вас же и не спят, а видят сны,
Кто веря, а кто нет – своим рассказам;
В одном – и срама больше, и вины.

⁸⁵ Там, на земле, не направляют разум
Одной тропой: настолько вас влекут
Страсть к внешности и жажда жить показом.

⁸⁸ Все ж, это с меньшим гневом терпят тут,
Чем если слово божье суесловью
Приносят в жертву или вкривь берут.

⁹¹ Не думают, какою куплен кровью

Его посев и как тому, кто чтит
Его смиренно, воздают любовью.

⁹⁴ Для славы, каждый что-то норовит
Измыслить, чтобы выдумка блеснула
С амвона, а Евангелье молчит.

⁹⁷ Иной гласит, что вспять луна шагнула
В час мук Христовых и сплошную сень
Меж солнцем и землею протянула, —

¹⁰⁰ И лжет, затем что сам затмился день:
Как лег на иудеев сумрак чудный,
Так индов и испанцев скрыла тень.

¹⁰³ Нет стольких Лапо во Фьоренце людной
И стольких Биндо, сколько басен в год
Иной наскажет пастырь безрассудный;

¹⁰⁶ И стадо глупых с пастбища бредет,
Насытись ветром; ни один не ведал,
Какой тут вред, но это не спасет.

¹⁰⁹ Христос наказа первым верным не дал:
«Идите, суесловьте!», но свое
Ученье правды им он заповедал,

¹¹² И те, провозглашая лишь ее,
Во имя веры подымали в схватке
Евангелье, как щит и как копье.

¹¹⁵ Теперь в церквах лишь на остроты падки
Да на ужимки; если громок смех,
То куколь пыжится, и все в порядке.

¹¹⁸ А в нем сидит птенец, тайком от всех,
Такой, что чернь, увидев, поняла бы,
Какая власть ей отпускает грех;

¹²¹ Все до того рассудком стали слабы,
Что люди верят всякому вранью,
И на любой посул толпа пришла бы.

¹²⁴ Так кормит плут Антоньеву свинью
И разных прочих, кто грязней намного,
Платя деньгу поддельную свою.

¹²⁷ Но это всё – окольная дорога,
И нам пора на прежний путь опять,
Со временем сообразуясь строго.

¹³⁰ Так далеко восходит эта рать
Своим числом, что смертной речи сила
И смертный ум не могут не отстать.

¹³³ И в самом откровенье Даниила
Число не обозначено точней:
В его тьмах тем оно себя укрыло.

¹³⁶ Первоначальный Свет, разлитый в ней,
Воспринят ею столь же разнородно,
Сколь много сочетанных с ним огней.

¹³⁹ А так как от познания производно
Влечение, то искони времен
Любовь горит и тлеет в ней несходно.

¹⁴² Суди же, сколь пространно вознесен
Предвечный, если столькие зеркала
Себе он создал, где дробится он,

¹⁴⁵ Единый сам в себе, как изначала».

Песнь тридцатая

Примерно за шесть тысяч миль пылает
От нас далекий час шестой, и тень
Почти что к плоскости земля склоняет,

⁴ Когда небес, для нас глубинных, сень
Становится такой, что луч напрасный
Часть горних звезд на эту льет ступень;

⁷ По мере приближения прекрасной
Служанки солнца, меркнет глубина
От славы к славе, вплоть до самой ясной.

¹⁰ Так празднество, чьи выются пламена,
Объемля Точку, что меня сразила,
Вмещаемым как будто вмещена,

¹³ За мигом миг свой яркий свет гасило;
Тогда любовь, как только он погас,
Вновь к Беатриче взор мой обратила.

¹⁶ Когда б весь прежний мой о ней рассказ
Одна хвала, включив, запечатлела,
Ее бы мало было в этот раз.

¹⁹ Я красоту увидел, вне предела
Не только смертных; лишь ее творец,
Я думаю, постиг ее всецело.

²² Здесь признаю, что я сражен вконец,
Как не бывал сражен своей задачей,
Трагед иль комик, ни один певец;

²⁵ Как слабый глаз от солнца, не иначе,
Мысль, вспоминая, что за свет сиял
В улыбке той, становится незрячей.

²⁸ С тех пор как я впервые увидел
Ее лицо здесь на земле, всечасно
За ней я в песнях следом попевал;

³¹ Но ныне я старался бы напрасно
Достигнуть пеньем до ее красот,
Как тот, чье мастерство уже не властно.

³⁴ Такая, что о ней да воспоем
Труба звучней моей, не столь чудесной,
Которая свой труд к концу ведет:

³⁷ «Из наибольшей области телесной, –
Как бодрый вождь, она сказала вновь, –
Мы вознеслись в чистейший свет небесный,

⁴⁰ Умопостижный свет, где всё – любовь,
Любовь к добру, дарящая отраду,
Отраду слаще всех, пьянящих кровь.

⁴³ Здесь райских войск увидишь ты громаду,
И ту, и эту рать; из них одна
Такой, как в день суда, предстанет взгляду».

⁴⁶ Как вспышкой молнии поражена
Способность зренья, так что и к предметам,
Чей блеск сильнее, бесчувственна она, –

⁴⁹ Так я был осиян ярчайшим светом,
И он столь плотно обволок меня,
Что все исчезло в озаренье этом.

⁵² «Любовь, от века эту твердь храня,
Вот так приветствует, в себя приемля,
И так свечу готовит для огня».

⁵⁵ Еще словам коротким этим внемля,
Я понял, что прилив каких-то сил
Меня возносит, надо мной подъямля;

⁵⁸ Он новым зреньем взор мой озарил,
Таким, что выдержать могло бы око,

Какой бы яркий пламень ни светил.

⁶¹ И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцвеченный широко.

⁶⁴ Живые искры, взвившись над рекой,
Садились на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой;

⁶⁷ И, словно хмель в их запахе впивая,
Вновь погружались в глубь чудесных вод;
И чуть одна нырнет, взлетит другая.

⁷⁰ «Порыв, который мысль твою влечет
Постигнуть то, что пред тобой предстало,
Мне тем милей, чем больше он растет.

⁷³ Но надо этих струй испить сначала,
Чтоб столь великой жажды зной утих».
Так солнце глаз моих, начав, сказало;

⁷⁶ И вновь: «Река, топазов огневых
Взлет и паденье, смех травы блаженный –
Лишь смутные предвестья правды их.

⁷⁹ Они не по себе несовершенны,
А это твой же собственный порок,
Затем что слабосилен взор твой бренный».

⁸² Так к молоку не рвется сосунок
Лицом, когда ему порой случится
Проспать намного свой обычный срок,

⁸⁵ Как устремился я, спеша склониться,
Чтоб глаз моих улучшить зеркала,
К воде, дающей в лучшем утвердиться.

⁸⁸ Как только влаги этой испила
Каемка век, река, – мне показалось, –
Из протяженной сделалась кругла;

⁹¹ И как лицо, которое скрывалось

Личиною, – чуть ложный вид исчез,
Становится иным, чем представлялось,

⁹⁴ Так превратились в большой пир чудес
Цветы и огоньки, и я увидел
Воочью оба воинства небес.

⁹⁷ О божий блеск, в чьей славе я увидел
Всеистинной державы торжество, –
Дай мне сказать, как я его увидел!

¹⁰⁰ Есть горный свет, в котором божество
Является очам того творенья,
Чей мир единый – созерцать его;

¹⁰³ Он образует круг, чьи измерения
Настоль огромны, что его обвод
Обвода солнца шире без сравненья.

¹⁰⁶ Его обличье луч ему дает,
Верх озаряя тверди первобежной,
Чья жизнь и мощь начало в нем берет.

¹⁰⁹ И как глядится в воду холм прибрежный,
Как будто чтоб увидеть свой наряд,
Цветами убран и травой нежной,

¹¹² Так, окружая свет, над рядом ряд, –
А их сверх тысячи, – в нем отразилось
Все, к высотам обретшее возврат.

¹¹⁵ Раз в нижний круг такое бы вместилось
Светило, какова же ширина
Всей этой розы, как она раскрылась?

¹¹⁸ Взор не смущали глубь и вышина,
И он вбирал весь этот праздник ясный
В количестве и в качестве сполна.

¹²¹ Там близь и даль давать и брать не властны:
К тому, где бог сам и один царит,
Природные законы непричастны.

¹²⁴ В желть вечной розы, чей цветок раскрыт
И вширь, и ввысь и негой благовонной
Песнь Солнцу вечно вешнему творит,

¹²⁷ Я был введен, — как тот, кто смолк, смущенный, —
Моей владычицей, сказавшей: «Вот
Сонм, в белые одежды облеченный!

¹³⁰ Взгляни, как мощно град наш вокруг идет!
Взгляни, как переполнены ступени
И сколь немногих он отныне ждет!

¹³³ А где, в отличие от других сидений,
Лежит венец, твой привлекая глаз,
Там, раньше, чем ты вступишь в эти сени,

¹³⁶ Воссядет дух державного среди вас
Арриго, что, Италию спасая,
Придет на помощь в слишком ранний час.

¹³⁹ Так одуряет вас корысть слепая,
Что вы — как новорожденный в беде,
Который чахнет, мамку прочь толкая.

¹⁴² В те дни увидят в божием суде
Того, кто явный путь и сокровенный
С ним поведет по-разному везде.

¹⁴⁵ Но не потерпит бог, чтоб сан священный
Носил он долго; так что канет он
Туда, где Симон волхв казнится, пленный;

¹⁴⁸ И будет вглубь Аланец оттеснен».

Песнь тридцать первая

Как белой розой, чей венец раскрылся,
Являлась мне святая рать высот,
С которой агнец кровью обручился;

⁴ А та, что, рея, видит и поет
Лучи того, кто дух ее влюбляет
И ей такую мощной быть дает,

⁷ Как войско пчел, которое слетает
К цветам и возвращается потом
Туда, где труд их сладость обретает,

¹⁰ Витала низко над большим цветком,
Столь многолистным, и взлетала снова
Туда, где их Любви всевечный дом.

¹³ Их лица были из огня живого,
Их крылья – золотые, а наряд
Так бел, что снега не найти такого.

¹⁶ Внутри цветка они за рядом ряд
Дарили миром и отрадой пыла,
Которые они на крыльях мчат.

¹⁹ То, что меж высью и цветком парила
Посреди такая густота,
Ни зрению, ни блеску не вредило;

²² Господня слава всюду разлита
По степени достоинства вселенной,
И от нее не может быть счита.

²⁵ Весь этот град, спокойный и блаженный,
Полн древнею и новою толпой,
Взирал, любя, к одной мете священной.

²⁸ Трехликий свет, ты, что одной звездой
Им в очи блещешь, умиrotворяя,
Склони свой взор над нашею грозой!

³¹ Раз варвары, пришедшие из края,
Где с милым сыном в высях горних стран
Кружит Гелика, день за днем сверкая,

³⁴ Увидев Рим и как он в блеск убран,
Дивились, созерцая величавый
Над миром вознесенный Латеран, –

³⁷ То я, из тлена в свет небесной славы,
В мир вечности из времени вступив,
Из стен Фьоренцы в мудрый град и здравый,

⁴⁰ Какой смущенья испытал прилив!
Душой меж ним и радостью раздвоен,
Я был охотно глух и молчалив.

⁴³ И как паломник, сердцем успокоен,
Осматривает свой обетный храм,
Надеясь рассказать, как он устроен, –

⁴⁶ Так, в ярком свете дав блуждать очам,
Я озирал ряды ступеней стройных,
То в высоту, то вниз, то по кругам.

⁴⁹ Я видел много лиц, любви достойных,
Украшенных улыбкой и лучом,
И обликов почтенных и спокойных.

⁵² Когда мой взор, всё обошед кругом,
Воспринял общее строенье Рая,
Внимательней не медля ни на чем,

⁵⁵ Я обернулся, волей вновь пылая,
И госпожу мою спросить желал
О том, чего не постигал, взирая.

⁵⁸ Мне встретилось не то, что я искал;
И некий старец в ризе белоснежной

На месте Беатриче мне предстал.

⁶¹ Дышали добротою безмятежной
Взор и лицо, и он так ласков был,
Как только может быть родитель нежный.

⁶⁴ Я тотчас: «Где она?» – его спросил;
И он: «К тебе твоим я послан другом,
Чтоб ты свое желанье завершил.

⁶⁷ Взглянув на третий ряд под верхним кругом,
Ее увидишь ты, еще светлей,
На троне, ей сужденном по заслугам».

⁷⁰ Я, не ответив, поднял взоры к ней,
И мне она явилась осененной
Венцом из отражаемых лучей.

⁷³ От области, громами оглашенной,
Так отдален не будет смертный глаз,
На дно морской пучины погруженный,

⁷⁶ Как я от Беатриче был в тот час;
Но это мне не затмевало взгляда,
И лик ее в сквозной среде не гас.

⁷⁹ «О госпожа, надежд моих ограда,
Ты, чтобы помощь свыше мне подать,
Оставившая след свой в глубях Ада,

⁸² Во всем, что я был призван созерцать,
Твоих щедрот и воли благородной
Я признаю и мощь и благодать.

⁸⁵ Меня из рабства на простор свободный
Они по всем дорогам провели,
Где власть твоя могла быть путеводной.

⁸⁸ Хранить меня и впредь благоволи,
Дабы мой дух, отныне без порока,
Тебе угодным сбросил тлен земли!»

⁹¹ Так я воззвал; с улыбкой, издалека,
Она ко мне свой обратила взгляд;
И вновь – к сиянию Вечного Истока.

⁹⁴ И старец: «Чтоб свершился без преград
Твой путь, – на то и стал с тобой я рядом,
Как мне и просьба и любовь велят, –

⁹⁷ Паря глазами, свыкнись с этим садом;
Тогда и луч божественный смелей
Воспримешь ты, к нему взлетая взглядом.

¹⁰⁰ Владычица небес, по ком я всей
Горю душой, нам всячески поможет,
Вняв мне, Бернарду, преданному ей».

¹⁰³ Как тот, кто из Кроации, быть может,
Придя узреть нерукотворный лик,
Старинной жаждой умиление множит

¹⁰⁶ И думает, чуть он пред ним возник:
«Так вот твое подобие какое,
Христе Исусе, господи владык!» –

¹⁰⁹ Так я взирал на рвение святое
Того, кто, окруженный миром зла,
Жил, созерцая, в неземном покое.

¹¹² «Сын милости, как эта жизнь светла,
Ты не постигнешь, если к горней сени, –
Так начал он, – не вознесешь чела.

¹¹⁵ Но если взор твой минет все ступени,
Он в высоте, на троне, обретет
Царицу этих верных ей владений».

¹¹⁸ Я поднял взгляд; как утром небосвод
В восточной части, озаренной ало,
Светлей, чем в той, где солнце западет,

¹²¹ Так, словно в гору движа из провала
Глаза, я увидел, что часть каймы
Все остальное светом побеждала.

¹²⁴ И как сильнее пламень там, где мы
Ждем дышло, Фаэтону роковое,
А в обе стороны – всё больше тьмы,

¹²⁷ Так посредине пламя заревое
Та орифламма мирная лила,
А по краям уже не столь живое.

¹³⁰ И в той середине, распластав крыла, –
Я видел, – сонмы ангелов сияли,
И слава их различною была.

¹³³ Пока они так пели и играли,
Им улыбалась Красота, дая
Отраду всем, чьи очи к ней взирали.

¹³⁶ Будь даже равномошна речь моя
Воображенью, – как она прекрасна,
И смутно молвить не дерзнул бы я.

¹³⁹ Бернард, когда он увидал, как властно
Сковал мне взор его палящий пыл,
Свои глаза к ней устремил так страстно,

¹⁴² Что и мои сильней воспламенил.

Песнь тридцать вторая

В свою отраду вникший созерцатель
Повел святую речь, чтоб все сполна
Мне пояснить, как мудрый толкователь:

⁴ «Ту рану, что Марией сращена,
И нанесла, и растравила ядом
Прекрасная у ног ее жена.

⁷ Под ней Рахиль ты обнаружишь взглядом,
Глаза ступенью ниже опустив,
И с ней, как видишь, Беатриче рядом.

¹⁰ Вот Сарра, вот Ревекка, вот Юдифь,
Вот та, чей правнук, обращаясь к богу,
Пел «Miserere», скорбь греха вкусив.

¹³ Так, от порога нисходя к порогу,
Они идут, как я по лепесткам
Цветок перебираю понемногу.

¹⁶ И ниже, от седьмого круга к нам,
Еврейки занимают цепь сидений,
Расчесывая розу пополам.

¹⁹ Согласно с тем, как вера поколений
Взирала ко Христу, они – как вал,
Разземлющий священные ступени.

²² Там, где цветок созрел и распластал
Все листья, восседает сонм, который
Пришествия Христова ожидал.

²⁵ Там, где пустые врублены просторы
В строй полукружий, восседают те,
Чьи на Христе пришедшем были взоры.

²⁸ Престол царицы в дивной высоте
И все под ним престолы, как преграда,
Их разделяют по прямой черте.

³¹ Напротив – Иоанн, вершина ряда,
Всегда святой, пустынный, после мук
Два года пребывавший в недрах Ада;

³⁴ Раздел здесь вверен цепи божьих слуг,
Франциску, Бенедикту, Августину
И прочим, донизу, из круга в круг.

³⁷ Измерь же провидения пучину:
Два взора веры обнимает сад,
И каждый в нем заполнит половину.

⁴⁰ И знай, что ниже, чем проходит ряд,
Весь склон по высоте делящий ровно,
Не ради собственных заслуг сидят,

⁴³ А по чужим, хотя не безусловно;
Здесь – души тех, кто взнесся к небесам,
Не зная, что – похвально, что – греховно.

⁴⁶ Ты в этом убедиться можешь сам,
К ним обратив прилежней слух и зреньё,
По лицам их и детским голосам.

⁴⁹ Но ты молчишь, тая недоуменье;
Однако я расторгну узел пут,
Которыми тебя теснит сомненье.

⁵² Простор державы этой – не приют
Случайному, как ни скорбей, ни жажды,
Ни голода ты не увидишь тут;

⁵⁵ Затем что всё, здесь зримое, однажды
Установил незыблемый закон,
И точно пригнан к пальцу перстень каждый.

⁵⁸ И всякий в этом множестве племен,
Так рано поспешивших в мир нетленный,
Не sine causa разнo наделен.

⁶¹ Царь, чья страна полна такой блаженной
И сладостной любви, какой никак
Не мог желать и самый дерзновенный, –

⁶⁴ Творя сознанья, радостен и благ,
Распределяет милость самовластно;
Мы можем только знать, что это так.

⁶⁷ И вам из книг священных это ясно,
Где как пример даны два близнеца,
Еще в утробе живших несогласно.

⁷⁰ Раз цвет волос у милости Творца
Многообразен, с ним в соотношенье
Должно быть и сияние венца.

⁷³ Поэтому на разном возвышеньи
Не за дела награда им дана:
Все их различье – в первом озареньи.

⁷⁶ В первоначальнейшие времена
Душа, еще невинная, бывала
Родительскою верой спасена.

⁷⁹ Когда времен исполнилось начало,
То мальчиков невинные крыла
Обрезание силой наделяло.

⁸² Когда же милость миру снизошла,
То, не крестясь крещением Христовым,
Невинность вверх подняться не могла.

⁸⁵ Теперь взгляни на ту, чей лик с Христовым
Всего сходней; в ее заре твой взгляд
Мощь обретет воззреть к лучам Христовым».

⁸⁸ И я увидел: дождь таких отрад
Над нею изливала рать святая,
Чьи сонмы в этой высоте парят,

⁹¹ Что ни одно из откровений Рая
Так дивно мне не восхищало взор,

Подобье бога так полно являя.

⁹⁴ И дух любви, низведший этот хор,
Воспев: «Ave, Maria, gratia plena!», –
Свои крыла пред нею распростер.

⁹⁷ Всё, что гласит святая кантилена,
За ним воспев, еще светлей процвел
Блаженный град, не ведающий тлена.

¹⁰⁰ «Святой отец, о ты, что снизошел
Побыть со мной, покинув присужденный
Тебе от века сладостный престол,

¹⁰³ Кто этот ангел, взором погруженный
В глаза царицы, что слетел сюда,
Любовью, как огнем, воспламененный?»

¹⁰⁶ Так, чтоб узнать, я спросил тогда
Того, чей лик Марией украшаем,
Как солнцем предрасветная звезда.

¹⁰⁹ «Насколько дух иль ангел наделяем
Красой и смелостью, он их вместил, –
Мне был ответ. – Того и мы желаем;

¹¹² Ведь он был тот, кто с пальмой поспешил
К владычице, когда наш груз телесный
Господень сын понести благоволил.

¹¹⁵ Но предприми глазами путь, совместный
С моею речью, обходя со мной
Патрициев империи небесной.

¹¹⁸ Те два, счастливей, чем любой иной,
К Августе приближенные соседи, –
Как бы два корня розы неземной.

¹²¹ Левей – источник всех земных наследий,
Тот праотец, чей дерзновенный вкус
Оставил людям привкус горькой снеди;

¹²⁴ Правее – тот, кем утвержден союз

Христовой церкви, старец, чьей охране
Ключи от розы вверил Иисус.

¹²⁷ Тот, кто при жизни созерцал заране
Дни тяжкие невесты, чей приход
Гвоздями куплен и копьём страданий, –

¹³⁰ Сел рядом с ним; а рядом с первым – тот,
Под чьим вожденьем жил, вкушая манну,
Строптивый, черствый и пустой народ.

¹³³ Насупротив Петра ты видишь Анну,
Которая глядит в дочерний лик,
Глаз не сводя, хоть и поет «Осанну»;

¹³⁶ А против старшины домовладык
Сидит Лючия, что тебя спасала,
Когда, свергаясь, ты челом поник.

¹³⁹ Но мчится время сна, и здесь пристало
Поставить точку, как хороший швей,
Кроящий скупое, если ткани мало;

¹⁴² И к Пралюбви возденем взор очей,
Дабы, взирая к ней, ты мог вонзиться,
Насколько можно, в блеск ее лучей.

¹⁴⁵ Но чтобы ты, в надежде углубиться,
Стремя крыла, не отдалился вспять,
Нам надлежит о милости молиться,

¹⁴⁸ Взывая к той, кто милость может дать;
А ты сопутствуй мне своей любовью,
Чтоб от глагола сердцем не отстать».

¹⁵¹ И, молвив, приступил к молитвословью.

Песнь тридцать третья

Я дева мать, дочь своего же сына,
Смиренней и возвышенной всего,
Предызбранная промыслом вершина,

⁴ В тебе явилось наше естество
Столь благородным, что его творящий
Не пренебрег твореньем стать его.

⁷ В твоей утробе стала вновь горящей
Любовь, чьим жаром райский цвет возник,
Раскрывшийся в тиши непреходящей.

¹⁰ Здесь ты для нас – любви полдневный миг;
А в дельном мире, смертных напоая,
Ты – упования живой родник.

¹³ Ты так властна, и мощь твоя такая,
Что было бы стремить без крыл полет –
Ждать милости, к тебе не прибегая.

¹⁶ Не только тем, кто просит, подает
Твоя забота помощь и спасенье,
Но просьбы исполняет наперед.

¹⁹ Ты – состраданье, ты – благоволенье,
Ты – всяческая щедрость, ты одна –
Всех совершенств душевных совмещение!

²² Он, человек, который ото дна
Вселенной вплоть досюда, часть за частью,
Селенья духов обзрел сполна,

²⁵ К тебе зовет о наделенье властью
Столь мощною очей его земных,
Чтоб их вознестъ к Верховнейшему Счастью.

²⁸ И я, который ради глаз моих
Так не молил о вспоможенъе взгляду,
Взношу мольбы, моля услышать их:

³¹ Развей пред ним последнюю преграду
Телесной мглы своей мольбой о нем
И высшую раскрой ему Отраду.

³⁴ Еще, царица, властная во всем,
Молю, чтоб он с пути благих исканий,
Узрев столь много, не сошел потом.

³⁷ Смири в нем силу смертных порываний!
Взгляни: вслед Беатриче весь собор,
Со мной прося, сложил в молитве длани!»

⁴⁰ Возлюбленный и чтимый богом взор
Нам показал, к молящему склоненный,
Что милостивым будет приговор;

⁴³ Затем вознеся в Свет Неомраченный,
Куда нельзя и думать, чтоб летел
Вовеки взор чей-либо сотворенный.

⁴⁶ И я, уже предчувствуя предел
Всех вожделений, поневоле, страстно
Предельным ожиданьем пламенел.

⁴⁹ Бернард с улыбкой показал безгласно,
Что он меня взглянуть наверх зовет;
Но я уже так сделал самовластно.

⁵² Мои глаза, с которых спал налет,
Всё глубже и всё глубже уходили
В высокий свет, который правда льет.

⁵⁵ И здесь мои прозренья упредили
Глагол людей; здесь отступает он,
А памяти не снести таких обилий.

⁵⁸ Как человек, который видит сон
И после сна хранит его волнение,
А остального самый след сметен,

⁶¹ Таков и я, во мне мое виденье
Чуть теплится, но неги всё жива
И сердцу источает наслажденье;

⁶⁴ Так топит снег лучами синева;
Так легкий ветер, листья взвив гурьбою,
Рассеивал Сибиллины слова.

⁶⁷ О Вышний Свет, над мыслию земною
Столь вознесенный, памяти моей.
Верни хоть малость виденного мною

⁷⁰ И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!

⁷³ В моем уме ожив, как отсвет бледный,
И сколько-то в стихах моих звуча,
Понятней будет им твой блеск победный.

⁷⁶ Свет был так резок, зренья не мрача,
Что, думаю, меня бы ослепило,
Когда я взор отвел бы от луча.

⁷⁹ Меня, я помню, это окрылило,
И я глядел, доколе в вышине
Не вскрылась Нескончаемая Сила.

⁸² О щедрый дар, подавший смелость мне
Вонзиться взором в Свет Неизреченный
И созерцанье утолить вполне!

⁸⁵ Я видел – в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей вселенной:

⁸⁸ Суть и случайность, связь их и дела,
Всё – слитое столь дивно для сознанья,
Что речь моя как сумерки тускла.

⁹¹ Я самое начало их слиянья,
Должно быть, видел, ибо вновь познал,

Так говоря, огромность ликованья.

⁹⁴ Единый миг мне большей бездной стал,
Чем двадцать пять веков – затее смелой,
Когда Нептун тень Арго увидал.

⁹⁷ Как разум мой взирал, оцепенелый,
Восхищен, пристален и недвижим
И созерцанием опламенелый.

¹⁰⁰ В том Свете дух становится таким,
Что лишь к нему стремится неизменно,
Не отвращаясь к зрелищам иным;

¹⁰³ Затем что всё, что сердцу вожделенно,
Всё благо – в нем, и вне его лучей
Порочно то, что в нем всесовершенно.

¹⁰⁶ Отныне будет речь моя скудней, –
Хоть и немного помню я, – чем слово
Младенца, льнущего к сосцам груди,

¹⁰⁹ Не то, чтоб свыше одного простого
Обличия тот Свет живой вмещал:
Он все такой, как в каждый миг былого;

¹¹² Но потому, что взор во мне крепчал,
Единый облик, так как я при этом
Менялся сам, себя во мне менял.

¹¹⁵ Я увидал, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружен,
Три равноемких круга, разных цветом.

¹¹⁸ Один другим, казалось, отражен,
Как бы Ирида от Ириды встала;
А третий – пламень, и от них рожден.

¹²¹ О, если б слово мысль мою вмещало, –
Хоть перед тем, что взор увидел мой,
Мысль такова, что мало молвить: «Мало»!

¹²⁴ О Вечный Свет, который лишь собой

Излит и постижим и, постигая,
Постигнутый, лелеет образ свой!

¹²⁷ Круговорот, который, возникая,
В тебе сиял, как отраженный свет, –
Когда его я обозрел вдоль края,

¹³⁰ Внутри, окрашенные в тот же цвет,
Явил мне как бы наши очертанья;
И взор мой жадно был к нему воздет.

¹³³ Как геометр, напрягший все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомое не может основанья,

¹³⁶ Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочетаны были
Лицо и круг в слиянии своем;

¹³⁹ Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенье всех его усилий.

¹⁴² Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремилла,
Как если колесу дан ровный ход,

¹⁴⁵ Любовь, что движет солнце и светила.

Примечания

Сокращения:

А. – «Ад». Ч. – «Чистилище». Р. – «Рай».

Эн. – Вергилий, «Энеида». Метам. – Овидий, «Метаморфозы».

Рай

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вознесение сквозь сферу огня

4. *Я в тверди был* – то есть в Эмпирее. Над девятью небесами Птолемеевой системы Данте, согласно с церковным учением, помещает десятое, недвижимый Эмпирей (*греч.* – пламенный), обитель божества.

15. *Любимый лавр.* – В лавр была превращена нимфа Дафна, убежавшая от влюбленного Аполлона (Метам., I, 452-567).

16-18. *Мне из зубов Парнаса нужен был пока один...* – До сих пор поэт нуждался в покровительстве только той из двух вершин Парнаса, на которой обитают музы. Теперь ему требуется содействие второй вершины, Кирры (ст. 36), обители Аполлона.

20. *Марсий* – сатир, состязавшийся в музыкальном искусстве с Аполлоном, который победил его и содрал с него кожу (Метам., VI, 382-400).

31. *Богу Дельф* – Аполлону.

32. *К пенейским листьям* – то есть к лавровым. Дафна, превращенная в лавр (см. прим. 15), была дочерью бога реки Пеней.

37-42. В зависимости от времени года, солнце (*лампада мира*) восходит в разных точках горизонта (*разными воротами*). В весеннее равноденствие, восходя в той точке, где пересечение *четырех кругов* (горизонта, экватора, зодиака и равноденственного колюра) образует *три креста*, оно движется в небе по лучшему пути, потому что это – наилучшее время года, *и с лучшей звездой*, то есть в созвездии Овна (ср. А., I, 37-40), что позволяет ему благотворно влиять на земную жизнь (*мирской воск*).

43-47. *Почти из этих врат* (см. прим. 37-42) – потому что весеннее равноденствие уже миновало, – *утро всплыло там*, то есть в южном полушарии, в то время как *здесь*, в северном полушарии, *нал вечер*. Этими словами Данте указывает, в какое благоприятное время года и в какой благоприятной точке горизонта взошло солнце того дня, когда он вступил в Земной Рай.

Далее он говорит о том, что случилось в полдень этого же дня (ср. Ч., XXXIII, 103-105), после того как, испив от струй Эвной, он возвратился к Беатриче (Ч., XXXIII, 142-145): *И в полушарье том*, то есть в южном, *всё стало белым*, то есть все озарилось светом полдня (в силу чего *здесь*, в северном полушарии, *всё черным было*), *когда Беатриче, обратясь лицом налево* (потому что перед этим она стояла лицом к

востоку и полуденное солнце было слева от нее), *вонзилась в солнце взором*; Данте последовал ее примеру (стр. 52-54), но, не выдержав блеска, *устремил глаза к ее глазам* (ст. 66) и начал, незаметно для себя, возноситься вместе с нею в небесные сферы (ст. 91).

49-51. Смысл: «Как световой луч дает начало отраженному лучу, напоминающему *скитальца*, прошедшего полпути и стремящегося вернуться домой...»

57. *По его мерилу* – то есть применительно к высшей мере его способностей.

68. *Главк* – рыбак, отдававший чудесной травы и превратившийся в морского бога (Метам., XIII, 898-968).

70-72. *Пречеловеченье* (Trasumanar) – превращение в нечто большее, чем человек.

71. *Пример мой* – пример Главка.

73-74. *Только тем, что в теле этом всего новей* – то есть только душой, которая создается позже всего (Ч., XXV, 67-75).

76-77. *Круги, которых вечный ход стремишь, желанный, ты* – то есть небесные сферы, вращаемые девятым, кристальным небом, или Перводвигателем, который, в свою очередь, вращается с непостижимой быстротой, потому что, как Данте поясняет в «Пире» (II, 3[4]), каждая его частица жаждет соединиться с каждой из частиц объемлющего его неподвижного Эмпирея.

77-78. *Мой дух призвали гармонией* – то есть привлекли мое внимание гармоническими созвучиями, производимыми, как учил Платон, вращением небес (Ч., XXX, 93).

79-81. *Солнцем загорелись дали...* – То, что Данте принял за солнечное сияние, было, очевидно, сферой огня (Ч., IX, 30 и прим.).

92-93. Смысл: «*Молния, покинув свой предел*, то есть сферу огня (см. прим. 133-134), мчится вниз с меньшей быстротой, чем мчишься ты обратно к нему, то есть к твоему пределу, к небу».

116. *В смертном сердце* животных.

118. *Лук этот* – то есть этот позыв (ст. 114), этот инстинкт.

133-134. *И как огонь, из тучи упадая...* – В средние века полагали, что молния, то есть огненный пар, зажатый в водяных парах тучи, расширяясь, прорывает их в наиболее слабой их стороне, а именно в той, которая обращена к земле, и потому устремляется *вниз*, хотя огню свойственно стремиться *ввысь*, к сфере огня (ср. ст. 115).

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Первое небо. – Луна

16-18. Смысл: «Читателей «Рая» ждет еще большее удивление, чем приплывших в Колхиду аргонатов, когда они увидели, как их вождь *Ясон* вспахивает на огнедышащих быках заветное поле, сеет на нем драконьи зубы и одолевает вышедших из-под земли воинов» (Метам., VII, 100-143).

30. *Слиться с первою звездой*. – Данте и Беатриче достигли Луны, ближайшего к земле светила, и погружаются в ее недра, как это с ними будет и на остальных планетах.

51. *О Каине...* – Народная фантазия видела в лунных пятнах фигуру Каина с вязанкой хвороста (А., XX, 126).

59-60. *Я вижу этой разности причину...* – «Эту разность», то есть чередование светлых и темных пространств на поверхности Луны, Данте в своем «Пире» (II, 13

[14]), следуя Аверроэсу, объяснял разную степень плотности отдельных частей лунного шара. Более *плотные* части якобы лучше отражают солнечный свет, чем более *скважные*. В дальнейших стихах устами Беатриче он опровергает это мнение как ошибочное (ср. Р., XXII, 139-141).

64. *Восьмая твердь* – небо звезд.

65-66. *Многолики... количеством и качеством* – то есть различны по количеству и качеству излучаемого света.

68. *Свойство* – влиять на землю.

71. *Существенное начало* (principium formale) – термин схоластической философии, означающий то образующее начало, которое придает телам их отличительные особенности и свойства.

78. *Листы* – то есть плотные и скавные слои вещества, подобные страницам в книге.

79. *О первом* – то есть о скажности, проходящей местами насквозь через лунный шар.

83. *Второе* – то есть то предположение, что в лунном шаре перемежаются плотные и скавные слои.

112-114. *Под небом, где божественный покой*, то есть внутри неподвижного Эмпирея, *кружится тело некое*, то есть девятое небо, или Перводвигатель (см. прим. Р., I, 76-77).

115. *Твердь вслед за ним* – восьмое небо, небо звезд.

116. *Естеством* – то есть звездам и ниже лежащим небесам.

120. *Приспосаблиют к целям и корням*. – Смысл: «Каждое небо (*круг*) приспособляет свойства, полученные им от выше лежащих небес, к своим *целям* и воздействует на причины (*корни*) явлений».

129. *От движителей неких блаженных*. – Согласно объяснению Беатриче, небеса вращаются не сами, а приводятся в движение ангелами, которые наделяют их силой влияния. Этих «движителей» Данте обозначает словами: «глубокая мудрость» (mente profonda), ст. 131; «разум» (intelligenza), ст. 136; «умы» (intelletti). Р., VII, 110. (Ср. А., VII, 73-76; Р., VIII, 34-37; 106-111; XXVIII, 78; XXIX, 43-45.)

136. *Этот разум* – то есть «движитель» звездного неба.

139. *Каждая из разных сил* – которые «разум» восьмого неба сообщает звездам.

140. *С драгоценным телом* – то есть с небесным светилом.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Первое небо. – Луна (продолжение). – Нарушители обета

18. *Иначе, чем влюбившийся в ручей*. – Нарцисс пленился своим отражением в воде, приняв его за живого юношу (Метам., III, 346-510), а Данте, наоборот, подлинные лица принял за отражения.

44-45. *Уподобляясь той* – то есть уподобляясь божественной любви, которая хочет, чтобы все обитатели небесного царства были подобны ей.

49. *Пиккарда* Донати (Ч., XXIV, 10-15) – сестра Форезе (Ч., XXIII, 48) и Корсо Донати (Ч., XXIV, 82-90). Корсо насильно извлек ее из монастыря и выдал замуж.

69. *Как бы любовью первой пламенела*. – Может быть истолковано двояко: 1) словно пылала огнем первой любви; 2) была как бы охвачена наивысшим пламенем любви.

77. *Necesse* – необходимо (латинский термин схоластической философии).

79. *Esse* – бытие (латинский термин, как и предыдущий).

97. *Жену высокой жизни и деяний* – Клару Ассизскую, основательницу монашеского ордена, к которому принадлежала Пиккарда.

118-120. *То свет Костанцы...* – Констанция (1154-1198), последняя представительница норманнской династии в Южной Италии. Ее муж, германский император Генрих VI (с 1191 по 1197 г.), положил начало владчеству в Сицилии и Неаполе *свевского*, то есть швабского, дома Гогенштауфенов. От их брака родился Фридрих II (А., X, 119). Пиккарда называет Генриха VI *вторым вихрем* свевского дома (первым был его отец, Фридрих I Барбаросса), а *третьим* – Фридриха II, выражая этим бурную природу их власти и ее мимолетность. Существовала легенда, что Констанция приняла монашество, но была насильно выдана замуж.

121-122. *«Ave, Maria»* – начальные слова латинской молитвы: «Радуйся, Мария».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первое небо. – Луна (продолжение)

13-15. *Вроде Даниила...* – По библейской легенде, вавилонские мудрецы не могли истолковать царю Навуходоносору позабытый им сон, и он велел их казнить, но гнев его прошел, когда пророк Даниил напомнил ему этот сон и объяснил его значение. Так и Беатриче угадала сомнения поэта и разрешила их.

24. *Как учил Платон.* – По учению Платона, души, до своего воплощения, обитают на звездах, куда и возвращаются после смерти человека.

25. *Velle* – схоластический термин, означающий: воля.

28. *Всех глубже вбожествленный* (*colui che piu s'india*) – то есть всех более погруженный в созерцание божества.

30. *Иль Иоанн, – он может быть любим.* – То есть: «Как Иоанн Креститель, так и евангелист Иоанн».

31-32. *Твердью все равновысоки тем духам.* – То есть: «Все они пребывают в том же небе, что и души, являвшиеся тебе на Луне».

33. *И бытия их не иные сроки.* – То есть все души одинаково вечны.

34. *Первый круг* – Эмпирей.

48. *Кем исцелен Товит* – то есть архангел Рафаил, который, по библейской легенде, снял бельма у Товита.

49. *Тимей* – заглавие Платонова диалога, где идет речь о возвращении душ к звездам.

58-60. *Так, возвращая...* – Смысл: «Если Платон имеет в виду влияние звезд на человеческие души и видит в нем причину достойных и позорных поступков, то он отчасти прав».

63. *Юпитер, Марс, Меркурий стали зваться.* – То есть люди стали давать планетам имена богов, якобы на них обитающих.

64. *В другом твоём сомнении.* – См. ст. 19-21.

83. *Лаврентий* – римский диакон III в., сожженный на железной *решетке*.

84. *Муций Сцевола* – римский юноша, сжегший свою правую руку, когда ему не удалось убить этрусского царя Порсену.

103. *Алкмеон* – см. прим. Ч., XII, 49-51.

107. *Насилье слито с волей.* – То есть насилью способствовала уступчивая воля потерпевшего.

114. *О другой* – то есть о той воле, про которую говорится в ст. 109-111.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Первое небо. – Луна (окончание). – Второе небо. – Меркурий. – Честолюбивые деятели

29. *И этот клад* – то есть свободная воля.

35. *Разрешенья* – то есть освобождения от обета.

57. *Пока недвижны желтый ключ и белый.* – То есть пока замены обета не разрешит церковь. Белый и желтый, то есть серебряный и золотой, ключи – символ церковной власти (Ч., IX, 117-129).

60. *Как четыре в шесть.* – Новый обет должен быть строже предыдущего.

66. *Иеффай.* – По библейской легенде, Иеффай, судья израильский, обещал богу, если тот пошлет ему победу над аммонитянами, принести в жертву первое, что выйдет из ворот его дома навстречу ему. Навстречу Иеффаю вышла его единственная дочь, которую он и предал смерти.

69-72. *Вождь греков* – Агамемнон, принеший в жертву свою дочь *Ифигению*, чтобы получить от богов попутный ветер для похода против Трои.

79. *А если вами злая алчность правит* – как жажда победы управляла Иеффаем и Агамемноном.

86. *Где мир всего живей* – то есть в сторону солнца.

93. *Второе царство* – небо Меркурия, где поэту предстанут души честолюбивых деятелей добра.

95. *Тот светоч* – то есть планета Меркурий.

98. *Чье естество* – то есть человеческая природа.

117. *Пока не кончен труд войны.* – То есть: «Пока ты еще жив». Богословская терминология различает «воинствующую церковь», то есть верующих, живущих на земле, и «торжествующую церковь», то есть праведников, обитающих на небе.

129. *Чуждыми лучами* – то есть лучами Солнца, застилающими свет Меркурия.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Второе небо. – Меркурий (продолжение)

1-9. Смысл: «*Константин Великий* перенес (в 330 г.) столицу из Рима в Византию, причем *орел*, символ римской империи, совершил полет с запада на восток, *против* видимого движения звезд, тогда как *встарь* он летел *вслед* звездам, с востока на запад, когда, после падения Трои, сопровождал родоначальника римлян Энея, который, прибыв в Италию, *взял* в жены *Лавину* (А., IV, 125; Ч., XVII, 34-39), дочь латинского царя Латина. После этого римский орел (*господня птица*) *двести с лишним лет* пребывал на *рубеже Европы*, на берегу Босфора, *близ гор* Троады, с которых он впервые взлетел с Энеем, и здесь, в Византии, переходя от одного императора к другому, достался наконец Юстиниану».

10. *Юстиниан* – византийский император (с 527 по 565 г.), при котором была произведена знаменитая кодификация римского права (Ч., VI, 88-90) и отвоевана у остготов Италия.

11. *Первою Любовью* – то есть святым духом (А., III, 6).

16. *Асипит I* – римский папа (умер в 536 г.).

24. *Высокий труд* – то есть труд законодателя.

25. *Велисарий* – военачальник Юстиниана.

31. *Всю правоту* – сказано иронически.
32. *Священный стяг* – римский орел.
33. *Его присвоив* – как гибеллины, приспособляющие идею империи к своим партийным целям. *С ним враждуя* – как гвельфы.
36. *Паллант* – один из героев «Энеиды», союзник Энея.
37. *Альба*, или *Альба-Лонга* – город в Лации, основанный, по преданию, Асканием, сыном Энея.
39. *Три против трех...* – Когда три Горация, римляне, победили трех Куриациев, альбанцев, владычество над Лацием перешло от Альбы к Риму.
- 41-42. *От скорби жен сабинских* – то есть от похищения сабинянок при Ромуле до самоубийства обесчещенной *Лукреции* (А., IV, 127) при Тарквинии Гордом.
44. *Бренн* – предводитель галлов (IV в. до н. э.); *Пирр* – эпирский царь (IV-III вв. до н.э.).
46. *Косматый Квинций* – Цинциннат, римский консул и диктатор V в. до н. э., прославившийся строгостью нрава (Р., XV, 129). *Торкват* – римский полководец IV в. до н.э.
47. *Деции* – три римских полководца: Публий Деций Мус и его сын и внук, носившие те же имена. *Фаби* – род, прославленный в римской истории.
- 49-51. *Арабы* – так названы карфагеняне, которые в 218 г. до н. э. вторглись в Италию, перевалив через Альпы.
52. *Помпей Великий* (106-48 гг. до н. э.) и *Сципион Африканский* (ок. 235-183 гг. до н.э.).
53. *Повиты юной славой* – то есть прославились в молодых годах.
54. *Вершина, под которой ты рожден*, – город Фьезоле, расположенный над Флоренцией (см. прим. А., XV, 61-63).
- 55-56. *Пока то время близилось незримо* – то есть незадолго до эпохи Августа, когда свой облик твердь земле дала, установив на ней мир и единовластие.
58. *От Вара к Рейну* – то есть в Трансальпийской Галлии.
59. *Изара* – приток Роны. *Эра* – Луара. *Сенна* – Сена.
62. *Рубикон* – река, впадающая в Адриатическое море к югу от Равенны. Переходом через нее в 49 г. до н. э. Цезарь положил начало гражданской войне, приведшей его к полновластию.
- 64-66. *Испания* (Ч., XVIII, 101-102), *Дураццо* (Диррахий), *Фарсал* – места борьбы Цезаря с помпеянами. Разбитый при Фарсале (48 г. до н. э.), Помпей бежал в Египет и здесь был убит, на что и намекают слова: «*Исторгнув стон у жарких Нильских вод*».
- 67-68. По Лукану («Фарсалия», IX, 950-999), Цезарь после фарсальской победы посетил Троаду. *Антандр* – приморский город, откуда отплыл Эней (Эн., III, 6); *Симоэнт* – река близ Трои. Эти места – родина римского орла (см. прим. 1-9).
69. *На горе Птолемею*. – Цезарь низложил молодого египетского царя Птолемея XII и возвел на престол его сестру Клеопатру.
70. *Юба* – нумидийский царь, сторонник помпеянцев, побежденный Цезарем и покончивший с собой.
- 71-72. *На запад ваш* – то есть в Испанию, где Цезарь разбил при Мунде последние силы помпеянцев (45 г. до н. э.).
73. *В следующей длани* – то есть при Октавиане Августе, первом римском императоре (с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э.).

74. *Брут и Кассий*, убийцы Цезаря (А., XXXIV, 64-67), были разбиты Октавианом при Филиппах (42 г. до н. э.) и покончили с собой.

75. *Перузию* (Перуджа) Октавиан разорил в 40 г. до н. э. Около *Мутины* (Модена) он в 43 г. до н. э. победил Марка Антония.

77-78. *Клеопатра*, обратясь в бегство во время морского боя при Акции (31 г. до н. э.) и затем тщетно пытавшись обольстить Октавиана, покончила с собой, дав себя ужалить змее.

79. *Он долетел туда, где море красно* – на берег Красного моря

81. *Янов храм* – храм Януса в Риме, двери которого отпирались только во время войны.

87. *При третьем* (считая от Юлия Цезаря) *кесаре* – то есть при Тиберии (с 14 по 37 г.).

88-93. Смысл: «В царствование Тиберия бог (*Живая Правда*) возложил на римского орла, в лице римской власти в Иудее, *славный долг – исполнить мщение гнева своего*, искупить распятием Христа грех Адама. А затем, что может показаться удивительным, тот же римский орел, в руках у Тита (Ч., XXI, 82-84), опять-таки по божьей воле, *отомстил* иудеям за это *отомщение греха бывшего*, разрушив Иерусалим (в 70 г.)».

94-96. *Великий Карл*, франкский король (с 768 по 814 г.), впоследствии (с 800 г.) император, выступил на защиту папы Адриана I в его борьбе с *лангобардским* королем Дезидерием, которого победил и низложил (в 774 г.).

98. *Помянут мной*. – См. ст. 29-33.

101. *Для желтых лилий*. – Гвельфы борются с имперским орлом в интересах анжуйского дома (в гербе три золотых лилии).

Тот – себе присвоил. – Так поступают гибеллины (ср. ст. 33).

107. *С их новым Карлом* – то есть Карлом II Анжуйским.

127. *Внутри жемчужины* – то есть внутри Меркурия.

128-142. *Ромео* – Ромэ де Вильнёв (умер в 1250 г.), министр *Рамондо Берингьера* (ст. 133), или Раймунда-Беренгария IV, последнего графа Прованского. Сложилась легенда, будто бы Ромео пришел ко двору графа Прованского бедным паломником, привел в порядок его имущественные дела, выдал его дочерей за четырех королев, но завистливые придворные оговорили его. Граф потребовал от Ромео отчета в управлении, тот предъявил графу его приумноженные богатства и покинул графский двор таким же нищим странником, каким пришел. Граф казнил клеветников.

138. *Тот на десять представил пять и семь*. – Давая отчет в управлении делами, Ромео предъявил настолько больше богатств, чем требовалось, насколько двенадцать (пять и семь) больше десяти.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Второе небо. – Меркурий (окончание)

1-3. Гимн на латинском языке, со введением еврейских слов: «Славься, святой бог воинств, сверхозаряющий ясностью твоею счастливые огни этих царств!»

4. *Сущность* – то есть душа (Юстиниана).

13. *В БЕ и в ИЧЕ*. – Поэта повергают в благоговейный трепет уже одни лишь звуки БЕ и ИЧЕ, образующие первый и последние слоги имени Беатриче.

20-21. *Что праведная месть быть может отомщенной правосудно* – см. Р., VI, 88-93 и прим.

25. *Тот, кто не рождался* – то есть Адам.
 30. *Господне Слово* – то есть Христос.
 50. *Праведным судом* – то есть разрушением Иерусалима (Пл., VI, 92-93).
 67. *Все то, что прямо от нее струится.* – То есть все то, что бог создает непосредственно.
 72. *Новых сил* – то есть сотворенных сил.
 76. *И человек всем этим наделен.* – Смысл: «Человек наделен бессмертием (ст. 68), свободой (ст. 71) и подобием богу (ст. 73-75)».
 85. *Tota (лат.)* – вся.
 86. *В своем зерне* – то есть в лице Адама.
 105. *Будь то одним, будь то двумя путями* – либо путем милосердия, либо путем правосудия, или же обоими путями (ст. 91-93).
 114. *Ни на одном* – из указанных выше путей.
 122. *Добавлю пояснение* – к сказанному выше (ст. 67-69) о вечности всего, созданного непосредственно божеством.
 132. *В их совершенстве созданы сполна.* – То есть: «Созданы непосредственно божеством и поэтому обладают совершенством».
 136. *Сотворены* – то есть: «Созданы непосредственно божеством».

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Третье небо. – Венера. – Любвеобильные

1. *В погибшем мире* – то есть в языческом.
 3. *Киприда* – Венера. В третьем эпицикле. – Согласно учению Птолемея, планеты обращаются вокруг Земли не просто по круговой орбите, а вращаясь по некоему малому кругу, *эпициклу*, центр которого совершает круговое движение вокруг Земли, чем и объясняется их петлеобразный путь. Венера, как третья по удаленности от Земли планета, вращается в *третьем* эпицикле.
 9. *Что на руки его брала Дидона.* – Чтобы внушить Дидоне (А., V, 61-62) любовь к Энею, Купидон принял вид его маленького сына Аскания и сел к ней на колени (Эн., I, 657-722).
 12. *То вдогонку, то с чела* – сияя в небе то после захода солнца как вечерняя звезда, то перед его восходом как утренняя.
 19-21. *Так в этом свете...* – В глубине светящейся планеты Данте видит *кружение других светил*. Это – души любвеобильных. Они движутся с разной скоростью, и поэт высказывает предположение, что она зависит от степени *вечного их зренья*, то есть доступного им созерцания бога.
 27. *Где реют серафимы* – то есть в Эмпирее.
 35. *Начала* – ангельский чин, управляющий третьей сферой (небом Венеры).
 37. *«Вы, чьей заботой третья твердь кружится»* – начальный стих первой канцоны Дантова «Пира».
 49-50. *Я мало жил...* – Это Карл Мартелл (1271-1295), старший сын Карла II Анжуйского. В 1294 г. он посетил Флоренцию, и Данте завязал с ним знакомство.
 58-60. *Тот левый берег* – то есть Прованс, принадлежавший анжуйскому дому.
 61-63. *Рог авзонский* – юг Авзонии (Италии), то есть Неаполитанское королевство. Реки *Верде* и *Тронто* образуют его северную границу.
 65. *Венец земли, где льется ток Дуная.* – Карл Мартелл был коронован как венгерский король, но не царствовал.

67-70. *Тринакрия* (греч. – трехвершинная) – Сицилия. От мыса *Пахина* (Пассаро) до мыса *Пелора* (Фаро), вдоль берега, открытого *Эвру* (восточному ветру), она – *мгляная*, не потому, что из Этны дышит *Тифей* (А., XXXI, 124), а потому, что недра Этны изобилуют серой.

71-75. Сицилия *ждала бы* для себя *государей* в лице потомков Карла Мартелла (отцом которого был Карл II, а тестем – император *Рудольф I*), если бы *произвол* Карла I и его французов не вызвал в *Палермо* восстания (1282 г.), лишившего анжуйский дом власти над островом (см. прим. Ч., VII, 112-114).

76-78. *И если бы мой брат предвидеть мог...* – Если бы младший брат Карла Мартелла, Роберт (царствовавший в Неаполе, после смерти Карла II, с 1309 по 1343 г.), был предсудотерительнее, он не окружал бы себя нищими и жадными каталонцами, которые с его приходом к власти начнут притеснять население.

93. *Что сладкое зерно столь горьким всхоже* – то есть что от щедрого отца (Карла II) мог родиться жадный сын (Роберт).

103. *Этот лук* – то есть влияние светил («сила», упомянутая в ст. 99).

120. *Ваш мудрец* – Аристотель, доказывавший необходимость разделения труда для общественного благоустройства.

123. *Корни ваших содеяний* – то есть: «Ваши склонности и способности».

124-126. *Ксеркс* (персидский царь V в. до н. э.) – тип воителя. *Солон* (афинский законодатель VI в. до н. э.) – тип государственного деятеля. *Мельхиседек* (библейский священнослужитель) – тип церковника. *Родитель того* – мифический Дедал (см. прим. А. XVII, 109-111) тип ученого-изобретателя и художника.

127-129. Смысл: «Вращение светил, влияющее на человеческую природу, исполняет свое предназначение, не считаясь с происхождением человека».

130-131. *Еще в зерне* – то есть еще во чреве матери – библейский *Исав* был не похож на своего брата-близнеца *Якова*.

131-132. *Квири* – то есть Ромул, первый римский царь. Он был сын неизвестного отца, но молва считала его сыном *Марса*.

133-135. Смысл: «Потомки были бы во всем похожи на предков, если бы не вмешательство небесного промысла».

138. *Хочу, чтоб вывод был тебе плащом* – «завершая приобретенное тобою знание, как плащ завершает одежду».

146. *Кто родился меч нести.* – Намек на второго сына Карла II, Людовика, для которого отец избрал церковную карьеру.

147. *Казнодею* – то есть проповеднику. Намек на третьего сына Карла II, Роберта (см. прим. 76-78), любившего писать проповеди.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Третье небо. – Венера (окончание)

1. *Клеменца* – дочь Карла Мартелла.

3. *Его младенца* – Карла Роберта, чьи права на неаполитанский престол узурпировал его дядя Роберт.

8. *Вернулась к Солнцу* – то есть погрузилась в созерцание божества.

13. *Еще одно светило* – Куница да Романе (умерла ок. 1279 г.), сестра Эдзелино IV (см. прим. 29-30), прославившаяся своим распутством, а на старости лет обратившаяся к делам милосердия.

26-27. *Есть область...* – Это Тревизанская марка, расположенная между владениями Венеции, с ее главным островом *Риальто*, и горами с которых стекают реки *Брента* и *Пьява* (Пьяве).

28. *Невысокий холм* – холм и замок Романо.

29-30. *Факел* – Эдзелино IV да Романо, падуанский тиран (А., XII, 110). Рассказывали, что его матери приснилось, будто она родила горящий факел, сжегший всю Тревизанскую марку.

37. *Об этом драгоценном самоцвете* – то есть о Фолько Марсельском (см. ст. 67 и прим.).

40. *Уплетится этот сотый год.* – То есть: «Пять раз (в смысле: много раз) наступит, как теперь (в 1300 г.), последний год столетия».

42. *Вторая жизнь* – то есть бессмертие славы.

44. *Меж Адиче и Тальяменто* – то есть в Тревизанской марке.

46-48. Вероятный смысл: «За то, что *падуанцы* оказывали сопротивление Генриху VII, они вскоре наполнят своею кровью *болото* возле осажденной ими Виченцы, когда против них выступит Кангранде делла Скала (в 1314 г.)».

49-51. *Где в Силе впал Каньян* – то есть в Тревизо, беспечно властвует Риццардо да Камино, которого убит в 1312 г.

53-60. *Грех мерзостного пастыря.* – Алессандро Новелло, епископ города *Фельтро*, выдал гвельфам доверившихся ему феррарских эмигрантов, которые и были казнены (в 1314 г.).

54. *Мальта* – папская тюрьма на Больсенском озере.

61-63. *Престолы* – третий по старшинству ангельский чин. Куница поясняет, что эти ангелы, пребывающие в Эмпирее, отражают, как *зеркала*, мысли бога, верховного судьи, и, читая в них эти мысли, блаженные души могут предсказывать будущее.

67. *Другая радость* – то есть другая ликующая душа. Это Фолько (Фолькет) Марсельский, провансальский трубадур, который, став епископом тулузским, выступил яростным гонителем альбигойцев (жестоко подавленное еретическое движение народных масс Южной Франции). Умер в 1231 г.

70-71. *Вверху* – в Раю. *Здесь* – на земле. *Внизу* – в Аду.

77-78. *Среди святых огней* – то есть среди серафимов, закрывающих себя шестью крыльями.

82-87. *Крупнейший дол...* – Смысл: «Средиземное море так далеко уходит к востоку (*к солнцу*), что небесный круг, являвшийся в его западной части горизонтом (*краем неба*), становится в восточной его части меридианом (*кругом полдня*)». Средневековая география полагала, что Средиземное море простирается на 90 градусов долготы.

88-90. Фолько жил в Марселе, лежащем посредине между устьями *Эбро* и *Магры*.

91-92. Марсель и город Буджея (арабск. – Беджая) на африканском берегу лежат почти на одном меридиане.

93. *Согревшем кровью свой залив когда-то.* – Намек на морскую победу Децима Брута (см. прим. Ч., XVIII, 101-102).

97-98. *Дочь Бела* – Дидона (А., V, 61-62; Р., VIII, 9), своей любовью к Энею оскорбившая память своего мужа *Сихея* и *Креусы*, жены *Энея*.

100-101. *Родопеянка* – легендарная фракийская царевна Филлида, жившая возле Родопских гор, которая повесилась, когда ее жених, афинский царевич *Демофонт*, отлучился на родину и долго не возвращался.

102. *Алкид* – Геракл (см. прим. А., XII, 67-69).

115. *Раава* – по библейской легенде, иерихонская блудница Раав, которая укрыла разведчиков Иисуса Навина и этим помогла ему взять Иерихон.

118-119. *Где заострена тень мира вашего.* – В средние века считали, что острие земной тени упирается в небо Венеры.

123. *Победы, добытой поднятьем дланей* – то есть молитвой.

124. *Иисусу* – то есть Иисусу Навину (см. прим. 115).

126. *Папе не мила.* – Папа Бонифаций VIII не помышляет об отвоевании Палестины у мусульман.

128. *Того, кто первый богом пренебрег* – то есть дьявола.

130. *Проклятый цветок* – то есть флорин (см. прим. А., XXX, 74).

134. *И отдан Декреталиям весь пыл.* – Усердно изучаются только папские декреталии, то есть постановления, регулирующие каноническое право, из которых духовенство старается извлечь возможно больше выгод.

135. *Чем их поля покрыты.* – Два толкования: 1) следами часто перелистывавших пальцев; 2) обильными примечаниями.

137-138. *Их ум не озабочен Назаретом* – то есть тем, что Палестина во власти мусульман. В Назарет, по евангельской легенде, архангел *Гавриил* прилетел возвестить деве Марии, что она родит Христа.

142. *Избудут вскоре любодейный грех* – то есть будут вскоре избавлены от власти дурных пап, забывающих, что они «супруги церкви», и отдающих свое сердце корыстолюбию.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Четвертое небо. – Солнце. – Мудрецы. – Первый хоровод

7-9. Смысл: «Подыми взгляд к небесным сферам и останови его в точке пересечения экватора и зодиака, *где то и это встретилось движенье*, то есть суточное движение светил с востока на запад и годичное движение планет с запада на восток».

13. *Круг наклонный* – то есть зодиак.

16-18. Смысл: «Если бы плоскость зодиака совпадала с плоскостью экватора, то *погибло бы небесных сил немало*, потому что влияние планет (включая Солнце) охватывало бы на земле только узкий пояс, и *погибло бы чуть не все, чем дольный мир бозат*, в экваториальной зоне – от зноя, в умеренных – от однообразия времен года, в приполярных – от холода».

28. *Первослуга природы* – то есть Солнце.

31-33. *С узлом вышепомянутым совместный...* (см. ст. 8). – Находясь в данное время года, то есть вскоре после весеннего равноденствия, в области пересечения экватора и зодиакального пояса. Солнце приближалось к тропику Рака, движась (как объяснял Птолемей) винтообразно (*по извоям*), и с каждым днем *все раньше* наступал его восход.

34. *И я был с ним.* – То есть: «Я уже вступил в Солнце».

48. *Солнце есть предел для глаз.* – То есть мы не можем себе представить ничего более яркого, чем солнце.

49-51. *Такое был блеск... семьи Отца.* – То есть такими лучезарными были в четвертой небесной сфере души святых, которым бог-отец являет таинство исхождения бога-духа и рождения бога-сына.

53. *Пред Солнцем ангелов* – то есть перед богом. *Плотского* – то есть вещественного солнца.

63. *Целостная мысль моя распалась*. – Мысль Данте, всецело сосредоточенная на боге, обратилась также на окружающее.

64. *Я был средь блесков мощных и живых*. – В недрах Солнца поэту предстают души мудрецов-богословов и философов.

67. *Дочь Латоны* – то есть Диана, Луна (Ч., XX, 130-132).

79. *Баллата* – песнь, сопровождающая пляску.

82. *В одном из них послышалось...* – Говорящий – Фома Аквинский, или *Фома Аквинат* (ст. 99), схоластический философ и богослов (1225-1274), учение которого послужило основой наиболее реакционных течений в католицизме.

94-95. *Я был одним из агнцев* – то есть монахом-доминиканцем.

96. *Тук найдут* – то есть обретут внутреннее совершенство (ср. Р., XI, 25, 139).

98. *Альберт из Коломби* (Кёльна) – Альберт фон Больштедт (1193-1280), немецкий богослов и философ, учитель Фомы Аквинского.

104-105. *Грациан* – Франческо Грациано, монах-правовед XII в., автор так называемого «*Decretum Gratiani*», где приведены в согласование положения светского и церковного права, на что и указывают слова: «*кем стоят и тот и этот суд*».

107-108. *Петр* – Петр Ломбардский, богослов XII в. В предисловии к своим «Сентенциям» он сравнивает себя с бедной евангельской вдовицей, пожертвовавшей храму свою лепту.

109-114. *Тот, пятый блеск* – библейский царь Соломон. *Мир о нем услышать полон жажды*, не зная, спасен ли он или осужден за то, что в старости поклонялся идолам.

115-117. *Светоч* – Дионисий Ареопагит (I в.), первый афинский епископ, которому в средние века приписывалось сочинение «О небесной иерархии».

118-120. *Счастливый огонек* – Павел Орозий (IV-V вв.), автор сочинения по всемирной истории, где он выступает апологетом христианства.

125-129. *Безрешный дух* – Боэций (V-VI вв.), римский философ-неоплатоник, ученый-писатель и государственный деятель. Заподозрив его в замыслах против остготского владычества, Теодорих заточил его в тюрьму, где он и умер от пыток. В тюрьме Боэций написал свой труд «Об утешении философией». В средние века его считали христианином.

128. *Чельдоро* – название церкви в Павии.

131-132. *Исидор Севильский* – испанский богослов и энциклопедист (умер в 636 г.). *Беда Достопочтенный* – английский богослов, историк и грамматик (ок. 673-735). *Рикард* – богослов-мистик XII в.

133-138. *Сисер* Брабантский – философ XIII в., последователь Аверроэса, профессор Парижского университета, здания которого были расположены в «*Соломенном проулке*» (rue du Fouaigre). Обвиненный в ереси, он обратился к папскому суду, для чего прибыл в Орвьето. Здесь он, по одной версии, был убит своим секретарем.

139. *И как часы...* – Хоровод состоит из двенадцати мудрецов.

140. *Невеста божья* – то есть церковь.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Четвертое небо. – Солнце (продолжение). – Первый хоровод

2-3. *Как скудоумен, всякий силлогизм.* – То есть: «Как ничтожны все те доводы, которые направляют человеческую волю к достижению низменных целей!»

4. *«Афоризмы»* – одно из медицинских сочинений Гиппократ.

16. *Светоч, что со мною говорил* – Фома Аквинский (Р., X, 82-138).

25. *Мои слова, что «Тук найдут»...* – См. Р., X, 96 и прим.

26. *Где я сказал: «Не восставал второй»...* – См. Р., X, 114.

36. *Двух вождей* – то есть Франциска Ассизского (научающего церковь «верности») и Доминика (внушающего ей «уверенность» в себе) (см. ст. 34).

37-39. *Серафим (еврейск.)* – значит: пылающий. *Херувим (еврейск.)* – означает (по Фоме Аквинскому): полнота знания.

40. *Лишь одного прославлю я дела* – а именно Франциска Ассизского (1182-1226), основателя ордена «меньших братьев», или миноритов (францисканцев).

43-48. Между речками *Тупино* и *Кьяшо*, текущей с *высот, облюбованных* монахом *Убальдом*, который в XII в. построил там свой скит, находится Ассизи, родной город Франциска. Он расположен на склоне *горы* *Субазियो*, которая шлет то *зной*, то *холод* на город *Перуджу*, обращенный к ней своими восточными воротами («*Воротами Солнца*»). По ту сторону горы лежат города *Ночера* и *Гвальдо*. То, что они «*терпят тяжкий гнет*», толковалось различно: 1) от холодных ветров; 2) от поборов неаполитанских королей; 3) от насилий, чинимых Перуджей.

50. *Солнце в мир взошло.* – То есть родился Франциск.

53. *Ашези* – старинное название города Ассизи.

59. *За женщину* – то есть за Ницету (ст. 75).

61-62. По словам легенды, отец Франциска, богатый купец Пьетро Бернардоне (ст. 89), недовольный его щедростью, обратился к церковному суду. Перед епископом *et coram patre* (лат. – и перед отцом) Франциск отрекся от прав наследства и, сняв с себя одежду, вернул ее отцу. Это было его «обручением» с Нищетой.

64. *Супруга первого* – то есть Христа.

67-69. *Амикл* – бедный рыбак в поэме Лукана «*Фарсалия*» (V, 515-531), не испугавшийся Цезаря, когда тот вошел к нему ночью в хижину.

72. *К Христу на крест взошла* – потому что Христос, согласно Евангелию, был распят нагим, как нищий.

79. *Бернард* – Бернардо ди Квинтавалле, богатый житель Ассизи, первый последователь Франциска.

83. *Эгидий* и *Сильвестр* – другие два ученика Франциска.

93. *Первою печатью.* – Папа Иннокентий III временно утвердил устав ордена миноритов (1210 г.).

97-99. Папа *Гонорий III* окончательно утвердил устав ордена (1223 г.).

101. *Перед лицом наместного султана.* – В 1219 г. Франциск ездил на Восток, где безуспешно пытался обратить в христианство египетского султана.

106. *На Тибр и Арно рознящей скале* – то есть на горе Альверния.

107-108. Франциск, по легенде, за *два года* до смерти, получил стигматы (пять ран, подобных ранам Христа).

117. *Иного гроба не избрав для тела* – чем объятия Нищеты. По преданию, Франциск, умирая, лег нагим на землю.

118. *Каков был тот* – то есть Доминик (ср. ст. 31-42).

119. *Ладья Петрова* – то есть церковь.

121. *Он нашей братии положил основу.* – То есть основал доминиканский орден, к которому принадлежал и Фома Аквинский.

136. *Ты часть искомого теперь обрел...* – См. ст. 22-26.

139. «Где тук найдут...» – См. Р., X, 96 и прим.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Четвертое небо. – Солнце (продолжение). – Второй хоровод

3. *Священный жернов* – то есть хоровод двенадцати мудрецов.

7. *Певучих труб* – то есть сладостных голосов.

8. *Земных сирен и муз* – то есть земных певиц и поэтов.

11. *Над луком лук соцветный и сокружный*. – То есть над одной радугой другая, так же окрашенная и концентричная с нею.

12. *Посланница Юноны* – Ирида (см. прим. Ч., XXI, 50-51).

13-15. Данте, следуя воззрениям своего времени, считал, что в явлении двойной радуги *наружная* радуга есть отражение *внутренней*, как бы ее отзвук, подобно речи Эха, которая, иссякнув от любви к Нарциссу, утратила *тело*, так что от нее остался только *голос* (Метам., III, 346-510).

17. *Согласно с божьим обещаньем Ною* – что больше не будет потопа, знамением чего служит радуга.

29. *Раздался голос* – францисканца Бонавентуры (ст. 127).

30. *Как иглу компаса понуждает оборотиться Полярная звезда*.

32. *О другом вожде* – то есть о Доминике (1170-1221), основателе ордена проповедников (доминиканцев).

46-47. *В той стороне* – то есть в Испании, *Зефир* – западный ветер.

52. *Каларога* (Каларуэга) – город в Старой Кастилии.

53-54. *Хранительным щитом* – то есть гербом Кастилии, где в четверочастном щите изображены два замка и два льва, причем в одной его половине лев расположен ниже замка (*принижен*), а в другой – выше замка (*поднят*).

61. *У струй, чье омовенье свято* – то есть у купели.

62. *Брак* – то есть обряд крещения.

68. *Отсюда* – то есть с неба.

70. *Господним*. – Dominicus по-латыни означает – господень.

79. *Счастливый* – значение латинского имени Феликс.

80-81. *Иоанна* – по-еврейски означает: угодная богу.

83. *Остиец* – то есть кардинал Энрико ди Суза, епископ остийский, канонист, комментатор Декреталий (умер в 1271 г.). *Фаддей* – Таддео д'Альдеротто, флорентиец, знаменитый врач (умер в 1295 г.); или же Таддео Пеполи, болонский юрист времен Данте.

86. *Вертоград* – церковь.

88. *У престола* – то есть у папского престола.

90. *Выродок* – папа Бонифаций VIII (см. прим. А., XIX, 52).

93. *Decimas, quae sunt pauperum Dei* – по-латыни: десятины, которые принадлежат нищим божьим. (Десятина – обязательный для всех налог в пользу церкви, в размере десятой доли дохода. Часть его должна была идти на оказание помощи бедным.)

95-96. *За то зерно...* – Двадцатью четырьмя цветками (кринами), произросшими из зерна истинной веры, названы двадцать четыре мудреца, окружившие Данте двойным венком (ср. ст. 19).

101. *Дебрь лжеученья* – альбигойская ересь, против которой яростно боролся Доминик.

106. *Одно из двух колес* – Доминик.
110. *Вся мощь второго* (колеса) – то есть Франциска Ассизского.
- 119-120. *Сорняк взрыдает...* – Смысл: «Дурные францисканцы (сорняк) взрыдают, увидев, что для них закрыта житница небесного царства».
- 124-126. Из *Акваспарты* был родом Маттео д'Акваспарта, генерал францисканского ордена, внесший послабления в его *устав* (умер в 1302 г.). Из *Касале* был Убертино да Касале, глава «ревнителей», требовавший строжайшего устава (умер в 1338 г.).
- 127-128. *Бонавентура из Баньореджо* – богослов, генерал ордена францисканцев (умер в 1274 г.).
129. *Все, что слева* – то есть мирские заботы.
130. *Августин* и *Иллюминат* – одни из первых последователей Франциска Ассизского.
133. *Гугон* – каноник монастыря *святого Виктора* в Париже, богослов XII в.
- 134-135. *Петр Едок* – французский богослов XII в. *Петр Испанский* – врач и богослов, впоследствии папа Иоанн XXI (1276-1277), автор трактата по логике «*Summula logicae*», разделенного на двенадцать книг.
- 136-137. *Тот, кого зовут Золотоустым* – константинопольский патриарх Иоанн Златоуст.
137. *Ансельм* – архиепископ кентерберийский, богослов XI в.
- 137-138. *Элий Донат* – римский писатель IV в., автор латинской грамматики.
139. *Рабан Мавр* – богослов IX в., архиепископ майнцский.
- 140-141. *Иоахим* – аббат монастыря во Флоре, в *Калабрии*, автор мистических сочинений (умер в 1202 г.). Хотя многие его положения были осуждены церковью, Данте помещает его в Рай, в круг мудрецов.
- 142-144. *То брат Фома...* – Смысл: «Доминиканец Фома Аквинский своим похвальным словом Франциску побудил меня, францисканца Бонавентуру, завидовать (благородной завистью, а потому – воздать хвалу) такому паладину, как Доминик». (*Паладинами* назывались двенадцать рыцарей Карла Великого.)

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Четвертое небо. – Солнце (продолжение)

4. *Пятнадцать звезд* – то есть любые пятнадцать ярчайших звезд.
- 7-9. *Воз* – то есть семизвездие Большой Медведицы, которое никогда *не короче*, потому что всегда видимо полностью.
- 10-12. *Устье рога* – то есть две крайние звезды Малой Медведицы, напоминающей рог; острие его идет *от иглы устоя* (от оконечности небесной оси), вокруг которой вращается *первый круг* (Перводвигатель).
- 13-18. *И что они* – то есть что эти двадцать четыре яркие звезды образуют в небе два знака, похожие на венец Ариадны, *дочери Миноя* (Миноса), преображенный в созвездие (Метам., VIII, 174-182), и что эти два концентрических венца вращаются в противоположных направлениях.
23. *Кьяна* – река в Тоскане, течение которой было во времена Данте очень медленным.
25. *Пеан* – гимн Аполлону.
32. *Тот свет* – то есть Фома Аквинский.

34-36. *Раз один из двух снопов...* – Смысл: «Раз одно из твоих недоумений (Р., XI, 25) устранено и в твоём уме осталась истина, я готов разъяснить и второе (Р., XI, 26). Я сказал о Соломоне (Р., X, 114): «Такой мудрец не восставал второй», и ты недоумеваешь: неужели он мудрее, чем Адам и Христос, сотворенные не природой, а непосредственно божеством?»

37. *Ты думаешь, что в грудь* – то есть в грудь Адама.

38-39. *Нежная щека* – то есть щека Евы, *небо* которой, прельстившееся запретным плодом, обрекло людей на страдания.

40. *И в ту (грудь)* – то есть в грудь Христа.

48. *Душа* – то есть душа Соломона, скрытая в *пятом блеске* среди двенадцати мудрецов первого хорава (Р., X, 109).

51. *И средоточья в круге нет другого.* – То есть у нас с тобой одно мнение по этому вопросу, подобно тому как в круге возможен только один центр.

52-81. Считая творение актом триединого божества, Данте показывает его как действие то бога-отца (ст. 52-54), то бога-сына (ст. 55-63), то бога-духа (ст. 79-81).

53-54. *Мысль, Свет* (ст. 55), *Прозрение* (ст. 79) – бог-сын. *Всемогущий, Светодавец* (ст. 56), *Сила* (ст. 80) – бог-отец. *Любовь* – бог-дух.

59. *Девять сущностей* – то есть девять ангельских кругов.

67-68. *Творящая его среда* – влияние небес.

89. *Его премудрость* – то есть премудрость Соломона.

93. *Услыхав: «Проси!»...* – По библейской легенде, бог сказал Соломону: «Проси, что дать тебе», и тот испросил себе разумное сердце, чтобы судить народ.

97-98. *В числе их непреложном, всех движителей* – то есть сколько имеется «движителей» небес (Р., II, 129 и прим.).

98-99. *Можно ль заключить к necesse при necesse и возможном.* – То есть можно ли получить необходимое (necesse) заключение в силлогизме, где одна посылка – необходимое, а другая – возможное.

100. *Можно ль Primum motum допустить.* – То есть вызвано ли мировое движение первоначальным толчком (primus motus).

106. «*Восставал*» – см. прим. 34-36.

111. *О праотце и о любимом нами* – то есть об Адаме и о Христе.

125. *Брис* (или Брисон), *Парменид, Мелисс* – древнегреческие философы.

127. *Савелий* (III в.) и *Арий* (IV в.) – ересиархи.

139. *Донна Берта или сэр Мартино* – то есть первый встречный.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Четвертое небо. – Солнце (окончание). – Пятое небо. – Марс. – Воители за веру

9. *Уподобление это подходило* – потому что речь Фомы была направлена от *каймы* (из хорава) к *средине*, а речь Беатриче – наоборот.

16-17. *Когда вы станете опять очами зрими.* – То есть когда, согласно церковной догме, мертвые воскреснут и души воссоединятся с телами.

27. *Вечною дождя* – то есть небесной благодати, непрерывно нисходящей на души в Раю.

34-35. *В самом дивном из светил меньшего круга* – то есть в пламени, окружающем Соломона (Р., X, 109-110).

62. «*Аминь*» – по-еврейски означает: «Да будет так».

86. *Глубь звезды*. – Это планета Марс, где поэту предстанут души воителей за веру.

88-89. *Речью, что во всех одна... свершил я всеосожжение* – то есть мысленно, без слов, вознес благодарность.

96. *Гелиос* – солнце. Так Данте иногда называет бога.

102. *Который в рубежах квадрантов скрыт*. – Грани соприкасающихся квадрантов (четвертей) круга образуют знак креста.

110. *Пламена* – то есть души воителей за веру (они же – *сонм огней* – ст. 94, и *звезды*, ст. 100).

131. *Очи заревые* – то есть глаза Беатриче.

133-134. *Живые печати всех красот*. – Предлагались разные толкования: 1) небеса; 2) блаженные души; 3) глаза Беатриче.

135. *А там* – то есть на Марсе. *К ним* – то есть к глазам Беатриче. На Марсе Данте, поглощенный видением креста, еще ни разу не взглянул на нее.

138. *Святой восторг* от созерцания глаз Беатриче *не изъят* поэтом из его рассуждения, а подразумевается в нем.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Пятое небо. – Марс (продолжение)

21. *Одна из звезд*. – Это Каччагвида, прапрадед Данте, живший в XII в.

25-27. *Так дух Анхиза* приветствовал Энея, посетившего *Элсией*, царство мертвых (Эн., VI, 679-694).

28-30. *O sanguis meus...* (лат.). – «О кровь моя, о свыше (или же: свыше меры) излитая милость божия, кому, как тебе, была когда-либо дважды открыта дверь неба?»

49. *Голод* – то есть «желание увидеть тебя».

50. *Той книгою великой* – то есть книгою предвечных решений божества.

56. *Из Первой* – то есть через посредство божества.

56-57. *Как пять или шесть* – то есть как из знания единицы проистекает (*лучится*) знание любого числа.

62. *Зеркало* – божество.

74. *Всеравенство* – то есть божество, все свойства которого равно бесконечны.

76-77. *В Солнце* – то есть в боге. *Оба* – то есть чувство и ум.

79. *Воля* – то есть чувство.

84. *Сердцем лишь своим* – а не словами.

91-92. *Тот, кто имя роду дал твоему* – сын Каччагвиды Альдигьеро, или Алигьеро, по имени которого его потомки стали называться Алигьери.

93. *Идет горой по первому обводу*. – То есть идет вокруг горы Чистилища по первому кругу, где искупают свой грех гордецы.

94. *Твой дед* – Беллинчоне, сын Алигьеро (см. прим. 91-92), отец Алигьеро II, отца Данте.

95-96. *И надо, чтоб делами...* – То есть: «Надо, чтобы ты добрыми делами сократил срок его пребывания в Чистилище».

97. *Меж древних стен* – внутри старой городской стены, построенной, по преданию, во времена Карла Великого. В XII в. город был окружен второй стеной, во времена Данте – третьей.

98. *Ей подающих время терц и нон.* – Колокол церкви «Бадия», в старом городе, точнее других отбивал время. Терца – девять часов утра; нона – полдень.

109-111. *Еще не взнесся...* – С горы *Монтемало* (Монтемарио) открывается вид на Рим, с *Птичьего Холма* (Уччеллатойо) – вид на Флоренцию. Смысл этих стихов: «Флоренция еще не превосходила Рим роскошью зданий; но настанет время, когда ее падение будет еще большим, чем падение Рима».

112. *Беллинчоне Берти* деи Равиньяни – знатный и влиятельный флорентиец XII в., отец Гвальдрады (А., XVI, 37 и прим.).

115. *Нерли* и *Веккьо* (Веккьетти) – знатные флорентийские роды. Здесь имеются в виду их старейшины.

118-119. *Верная...* *гробница* – в родном городе, а не в изгнании.

120. *Для Франции* – куда мужья теперь уезжают по делам.

127. *Чангелла* – флорентийка времен Данте, знатная вдова, отличавшаяся своим вызывающим поведением и легкостью нрава.

128. Лапо *Сальтерелло* – флорентиец, современник Данте, юрист и поэт, ведущий роскошный образ жизни.

129. *Квинций* Цинциннат – см. прим. Р., VI, 46. *Корнелия* – мать Гракхов, образец добродетельной женщины (А., IV, 128).

133. *Марией* – то есть девой Марией, которую роженица призывает в муках (см. Ч., XX, 19-21).

137. *Из долины Падо* – то есть из долины По.

138. *Отсюда прозвище ее внучат.* – По словам Боккаччо, Каччагвида женился на девушке из рода феррарских Альдигьери, и одному из сыновей они дали имя Альдигьеро, отсюда и пошло фамильное имя его потомков, изменившееся потом в Алигьери (см. прим. 91-92).

139. *Куррадо* – германский король Конрад III, предпринявший в 1147 г. вместе с Людовиком VII Французским второй крестовый поход, к которому присоединились и некоторые флорентийцы.

144. *Пастыри* – то есть римские папы, не заботящиеся об отвоевании Палестины у неверных (А., XXVII, 85-90; Р., IX, 125-126, 137).

145. *Отрешенный* – от телесных пут.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пятое небо. – Марс (продолжение)

10. *На «вы», как в Риме стали величать.* – Считалось, что обращение на «вы» впервые возникло в Риме применительно к Цезарю.

14-15. *Как кашель у другой...* – В романе о Ланчелоте (см. прим. А., V, 128) придворная дама многозначительно кашлянула, присутствуя при нежной беседе королевы *Джиневры* с Ланчелотом.

26. *Овчарня Иоаннова* – то есть Флоренция, патроном которой считался Иоанн Креститель.

34-39. *С тех пор, как «Ave» ангел возвестил...* – Флорентийское летосчисление велось от «воплощения Христова» (25 марта). От этой начальной даты по день рождения Каччагвиды Марс вступал в созвездие Льва 580 раз. Во времена Данте годовое обращение Марса считалось равным 686,94 дня. Следовательно, Каччагвида родился в 1091 г.

41-42. *В том месте...* – где на ежегодном состязании *всадники* вступают в последний из шести *округов* (Porta San Piero). Домами в этой старейшей части города владели исконные флорентийские роды.

46. *От Марса к Иоанну* – от статуи Марса (А., XIII, 143-150) до баптистерия св. Иоанна, то есть от южного конца города до северного.

49-50. *Феггине* (Фильине), *Кампи* и *Чертальдо* – небольшие города неподалеку от Флоренции.

54. *Голлуццо* и *Треспьяно* – местечки под самой Флоренцией.

56. *Мужик из Агульоне* (близ Флоренции) – Бальдо д'Агульоне, юрист, составитель амнистии 1311 г., в которую Данте не был включен (см. также прим. Ч., XII, 105).

57. *Синьзец* – Фацио деи Морубальдини из Синьи (местечко в окрестностях Флоренции), судья-взяточник.

58-66. Смысл: «Если бы духовенство не оспаривало императорских прав и этим не способствовало распрям, раздирающим Италию, то многие оставались бы жить на прежних местах, и Флоренция не страдала бы от пришельцев».

62. *Иной бы в Симифонти поспешил* – по-видимому, Липпо Веллутти, деятель партии Черных.

64. *Монтемурло* – замок, принадлежавший графам Гвиди.

65. *Черки*, выходцы из *Аконе* – см. прим. А., VI, 64-72.

66. *Буондельмонти*, после разрушения в XII в. флорентийцами их замка Монтебуони на реке *Греве*, поселились во Флоренции.

73. *Луни* (А., XX, 47) и *Урбисалья* – некогда цветущие города, во времена Данте лежавшие в развалинах.

75. *Кьюзи* и *Синигалья* пришли ко времени Данте в полный упадок.

88-93. Перечисляемые в этих и в дальнейших стихах флорентийские роды ко времени Данте либо пресеклись, либо оскудели.

94-96. *Вблизи ворот* Сан-Пьеро теперь обитают разбогатевшие Черки (ст. 65), которые в 1280 г. купили дома и дворцы, некогда принадлежавшие роду Равиньяни (см. прим. 97-99), а затем графам Гвиди, и которые своим *предательством* приведут к гибели государственный *корабль*. Когда были провозглашены «Установления правосудия», они примкнули к народной партии, но в 1301 г. малодушно предали город Карлу Валуа (см. прим. Р., XVII, 48).

97-99. *Равиньяни*. – Беллинчоне Берти деи Равиньяни (Р., XV, 112) выдал свою дочь Гвальдраду (А., XVI, 37) за графа Гвидо Старого, и внуком ее был *граф Гвидо Гверра* (А., XVI, 34-39). Имя *Беллинчоне* укоренилось в потомстве трех сестер Гвальдрады.

102. *Золотая рукоять меча* была признаком рыцарского звания.

103. *Белый столб*. – В гербе рода Пилы была в червленом поле отвесная полоса («столб») бelfого (беличьего) меха.

104. *Те, кто кадкой устыжен* – Кьярамонтези, опозоренные своим сородичем, Дуранте Кьярамонтези (см. прим. Ч., XII, 105).

106. *Свол, давший ветвь Кальфуччи* – род Доната.

109-110. *Сраженных своей гордыней* – Уберти.

111. *Золотые шары* были в гербе Ламберта.

112-114. *Такими были праотцы* и теперешних Висдомини, и Тозинги, которые, когда пустует епископская кафедра, становятся ее блюстителями и живут вольготно.

115. *Нахальный род* – Адимари. Один из них, Боккаччо Адимари, завладел после изгнания Данте его имуществом и всеми силами противился применению к нему амнистии.

119. *Убертин Донато*, женатый на одной из дочерей Беллинчоне Берти деи Равиньяни, был недоволен тем, что его *тесть* выдает другую свою дочь за одного из Адимари.

121-122. *Капонсакко*. – Капонсакки, знатные фьезоланцы, поселились во Флоренции возле *Меркато Веккьо* (Старого Рынка).

125-126. Одни из *ворот* старого города (*малый круг*), Porta Peruzza, были названы по имени *Делла Пера*, теперь забытых.

127-132. *Кто носит герб великого барона...* – Гугон Великий, маркиз Тосканский (умер в 1001 г.), поминаемый в день *Фоми*, посвятил в рыцари некоторых флорентийцев, которые и приняли его герб с теми или другими отличиями. Герб Делла Белла отличен был золотой *каймой*. Один из Делла Белла, Джано, возглавил народное движение против магнатов и был вдохновителем «Установлений правосудия» 1293 г.

133-135. *Импортуни* и *Гвальтеротти* жили в округе *Борго Санти-Апостоли*, где было бы спокойнее без новых поселенцев (Буондельмонти).

136-141. *Дом, ставший корнем ваших горьких бед* – семья Амидеи. В 1215 г. Буондельмонте де'Буондельмонти, нарушив слово, данное девушке из рода Амидеи, женился на другой. Амидеи, их родичи и друзья решили отомстить. Наиболее решительный совет подал Моска деи Ламберта (А., XXVIII, 103-111), и Буондельмонте был убит близ Старого Моста, у статуи Марса (ст. 145).

К этому убийству легенда приурочила раскол города на гвельфов и гибеллинов. Первые возглавили Буондельмонти, вторых – Уберти.

143. *Эма* – приток реки Греве (см. прим. 66).

145. *Ущербленный камень, мост блюдуций* – то есть обломок статуи Марса у въезда на Старый Мост (см. прим. 136-141; А., XIII, 143-150).

152-153. *Ни разу не была лилея опрокинута стремглавно*. – То есть враг ни разу не опрокидывал знамя Флоренции с геральдической лилией.

154. *И от вражды не делалась ала*. – Старинным гербом Флоренции была белая лилия в алом поле. Гвельфы заменили ее алой лилией в белом поле. Гибеллины пользовались прежним гербом.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Пятое небо. – Марс (продолжение)

1. *Климена* – мать Фазтона, которую тот просил подтвердить ему, что он действительно сын Аполлона, когда молодой Эпаф, сын Юпитера, вздумал это отрицать (Метам., I, 748-775).

3. *Тот, кто в отцах родил к сынам суровость* – Фазтон, после гибели которого отцы стали строже относиться к просьбам сыновей (см. прим. А., XVII, 106-108).

31-33. *Не притчами* – то есть не иносказаниями оракула, вводившими в заблуждение язычников.

43. *Оттуда* – то есть от «предвечного взгляда» (ст. 39).

46-47. *Ипполит* – в греческих сказаниях – сын Тезея, оклеветанный своей *мачехой* Федрой и вынужденный покинуть *Афины*.

48. *Так и тебе Флоренция велит.* – Стремясь подчинить себе Тоскану, папа Бонифаций VIII, действуя заодно с флорентийской партией Черных, отправил во Флоренцию Карла Валуа, якобы для примирения Черных и Белых. Тот вступил в город 1 ноября 1301 г., и Белые подверглись разгрому. Многие из них были присуждены к изгнанию, в том числе Данте (27 января 1302 г.). Вскоре (10 марта) последовал новый приговор, заочно присуждавший его к сожжению.

51. *Там, где Христос вседневным стал товаром* – то есть в Риме, где флорентийские Черные интриговали против Белых.

61-65. *Но худшим гнетом...* – Речь идет о размолвке Данте с Белыми, сотоварищами его по изгнанию.

66. *Зардеют* – то есть будут окровавлены. По-видимому, намек на неудачную попытку Белых и гибеллинов в июле 1304 г. силою вернуться в отечество, в которой Данте, к тому времени уже порвавший с ними, не участвовал.

71. *Ломбардец знаменитый* – Бартоломео делла Скала, синьор Вероны с 1301 г., умерший 7 марта 1304 г.

76. *С ним будет тот...* – Кангранде делла Скала, младший брат Бартоломео, родившийся 9 марта 1291 г. и правивший Вероной с 1312 г. до своей смерти в 1329 г.

77. *От этого светила* – то есть от воинственной планеты Марс.

82-83. *Гасконец* – папа Климент V (см. прим. А., XIX, 79-84), приветствовавший вступление *высокого Арриго* (Генриха VII; см. прим. Р., XXX, 137) в Италию, а затем начавший с ним борьбу (Р., XXX, 142-148 и прим.).

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пятое небо. – Марс (окончание). – Шестое небо. – Юпитер. – Справедливые

28. *На пятом из порогов* – то есть на пятой ступени Рая.

38. *Иисус*, сын Навина – по библейской легенде – вождь еврейского народа, преемник Моисея, завоеватель Земли Обетованной.

40. *Иуда Маккавей* – освободитель еврейского народа от сирийского ига (II в. до н.э.).

46. *Гульельм* (Гильом), граф Оранский, и *Реноард* (Ренуар) – герои средневекового французского эпоса.

48. *Руберт Гвискар* – Роберт Гискар (см. прим. А., XXVIII, 14). *Герцог Готфред* – Готфрид Бульонский, вождь первого крестового похода.

70. *Планета Диева* – Юпитер (Дий).

71. *Искрящейся любовью...* – Отдельные искры, частицы любви – это пребывающие здесь души справедливых.

82. *Пегасея* – общее название муз, обитающих на Геликоне, где струятся Гиппокрена и Аганиппа, источники вдохновения, выбитые из горы копытами Пегаса.

91-93. *Dilige justitiam qui judicatis terram (лат.)* – «Любите справедливость, судящие землю» (Библия).

113. *В лилее М* – Готическое М напоминает геральдическую лилию.

114. *Слегка содвигишись, завершил узор.* – После того как огни, слетевшие на вершину М, превратились в голову и шею геральдического орла, остальные огни, составлявшие средний ствол и крылья этой буквы, слегка сместившись, завершили узор, то есть придали всей фигуре облик имперского орла.

115. *О чистый светоч* – то есть планета Юпитер.

119-120. *Клубы дыма* – это папская курия, которая не дает земле озариться *лучом* справедливости.

128-129. *Теперь – отнять стараясь* – то есть: «Теперь папа ведет войну посредством интердиктов и отлучений, лишая христиан причастия (хлеба, который *любящий Отец*, Христос, предназначил для всех)».

130. *Строчащий, чтобы зачеркнуть* – то есть папа Иоанн XXII (1316-1334), прославившийся своим корыстолюбием и беспрестанными отлучениями, которые затем отменял с выгодой для себя.

133-136. *Ты, впрочем, скажешь*: «Я так люблю Иоанна Крестителя, который *одинок* жил в пустыне и умер *от плясок* Саломеи, потребовавшей в награду его голову, то есть я так люблю золотые флорины с его изображением (см. прим. А., XXX, 74), *что я забыл и Ловца* (Петра), *и Павла*, которыми ты мне грозишь».

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Шестое небо. – Юпитер (продолжение)

3. *Fruì* – латинский глагол: пользоваться, вкушать. Здесь – как существительное: кушание.

28. *Другой стране* – см. Р., IX, 61-63 и прим.

32. *Сомненье* – см. ст. 70-78.

46-48. *Тот первый горделивец* – то есть Люцифер.

101-102. *Всё как знак чудесный* – то есть по-прежнему сохраняя очертания орла.

107. *Prope* – латинское наречие: близко.

111. *Навек в богатом, или в нищем скопе* – то есть награжденные вечным блаженством или осужденные на вечную муку.

115-117. *Альберт* – германский император Альбрехт (Ч., VI, 97), разоривший Чехию (*пражскую землю*) в 1304 г.

120. *Тот, кто умрет от шкуры кабана* – французский король Филипп IV (с 1285 по 1314 г.), погибший на охоте (ср. Ч., VII, 109; XX, 92; XXXII, 151; XXXIII, 44).

122. *Шотландец* – шотландский король Роберт Брюс (с 1306 по 1329 г.). *Англичанин* – английские короли Эдуард I (с 1272 по 1307 г.) или Эдуард II (с 1307 по 1327 г.), ведшие беспощадную войну с Шотландией.

125. *Испанец* – Фердинанд IV Кастильский (с 1295 по 1312 г.). *Богемец* – Венцеслав (Вацлав) II Чешский (с 1278 по 1305 г.) (ср. Ч., VII, 102).

127-129. *Хромец ерусалимский* – неаполитанский король Карл II Анжуйский, прозванный Хромым, носивший титул короля Иерусалимского. Его добродетели будут обозначены знаком I (единица), а пороки – знаком M (тысяча) (см. прим. Ч., XX, 79-80).

131. *Тот, кто над жгучим, островом вельможен* – сицилийский король Федерико II (с 1296 по 1337 г.) (ср. Ч., VII, 119; Р., XX, 63).

132. *Анхиз* – престарелый отец Энея, умерший, по рассказу Вергилия, в Сицилии, на пути из Трои в Италию (Эн., III, 707-714).

137. *Брат* Федерико II – арагонский король Яков II (с 1291 по 1327 г.) (ср. Ч., VII, 119-120). *Дядя* – балеарский король Яков (с 1262 по 1311 г.).

140. *Норвежец* – Хокон V Долгоногий (с 1299 по 1319 г.). *Португалец* – Диниш I Землепашец (с 1279 по 1325 г.). *Серб* – Стефан Урош II Милутин (с 1282 по 1321 г.), чеканивший низкопробную монету, похожую на венецианскую.

142-143. *Блаженна Венгрия* – если возместит ущерб, нанесенный ей предшествующими королями.

143-144. *Счастлива Наварра* – если оградится своими горами от Франции, которая грозит ее поглотить.

145-148. Предостережением Наварре служит судьба *Никосии* и *Фамагосты*, городов Кипра, где царствует король-француз Генрих II Лузиньян, со львом в гербе (*зверь*), с другими неразлучный ни на миг в своем злодействе.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ Шестое небо. – Юпитер (окончание)

6. *Несчетных светов, где один зажжен.* – Считалось, что звезды заимствуют свет от солнца (ср. Р., XXIII, 28-30).

17. *Шестое пламя* – планета Юпитер.

31. *Та часть моя, что видит* – то есть глаз. У орла виден только один глаз, потому что его голова обращена в сторону.

38-39. *Святого духа некогда воспел* – библейский царь Давид, перенесший в Иерусалим «ковчег завета» (Ч., X, 55-69).

45-48. *По мертвом сыне скорбь утешил вдовью* – император Траян (см. прим: Ч., X, 73-93, 75).

51. *Отсрочил смерть* – царь Езекия, в библейской легенде.

55-57. *А тот, за ним* – римский император Константин, который перенес в Византию свою столицу, законы и императорского орла («с законами и мною... стал греком»), причем уступил (как полагали в средние века) Италию и Запад папе Сильвестру I, руководясь добрыми намерениями, приведшими ко злу (см. прим. А., XIX, 115-117).

62. *Гульельмом был* – Гульельмо II Добрый, король Сицилии и Апулии (с 1166 по 1189 г.).

63. *Скорбя, что Карл и Федерико живы.* – Владения Гульельмо II скорбят о том, что достались дурным королям: Апулия (Южная Италия) – Карлу II Анжуйскому (см. прим. Ч., XX, 79-80), а Сицилия – Федерико II (см. прим. Р., XIX, 131).

69. *Рифей-троянец* – упоминаемый Вергилием герой, павший при взятии Трои, «справедливейший и правдолюбивейший среди тевкров» (Эн., II, 426-427) (см. ст. 118-129 и прим.).

75. *Последнюю отрадой утоленный* – то есть утоленный сладостью последних звуков своей песни.

94. *Regnum coelorum* (лат.) – царство небес.

104. *Пронзенье ног* – то есть распятие Христа.

106-117. *Одна из Ада* – душа Траяна (см. ст. 45-48).

118-126. *Другой* – то есть Рифей (см. ст. 69 и прим.). Повесть о том, что он верил в грядущего Христа, придумана самим Данте.

127-129. *Он крестник был трех жен...* – Смысл: «Рифей жил за тысячу с лишним лет до христианства, но крещение для него заменили вера, надежда и любовь, идущие у правого колеса мистической колесницы Земного Рая» (Ч., XXIX, 121-129 и прим.).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ Седьмое небо. – Сатурн. – Созерцатели

5. *Семела* – см. прим. А., XXX, 1-12.

13. *Мы на седьмое вознеслись сиянье* – то есть на планету Сатурн, где поэту предстанут души тех, кто посвящал себя созерцанию бога.

14. *Под жгучим Львом*. – В марте-апреле 1300 г. Сатурн находился в созвездии Льва.

18. *В этом зеркале большом* – то есть в этой планете.

24. *Чаши двух услад* – то есть радость созерцать Беатриче и радость ей повиноваться, переведя взгляд на другое.

25. *В глубинах мирокружного кристалла* – то есть внутри Сатурна, движущегося вокруг Земли.

26. *Властитель* – Сатурн (Кронос), сын Урана и Геи, отец Зевса (Юпитера), бог-миродержец, при котором на земле был золотой век (А., XIV, 96).

61-63. Смысл: «*Твой слух смертен* и не вынес бы нашего пения, как твоё зренье не вынесло бы улыбки Беатриче».

69. *Вверху* – то есть на высших ступенях этой лестницы.

105. *Кто он* – Петр Дамиани, богослов XI в. (см. ст. 121).

109-111. *Катрия* – возвышенность в центральной части Апеннин. На ее склоне расположен монастырь Фонте Авеллана.

122-123. *Грешный Петр* – так называл себя Петр Дамиани (*Пьер Дамьяно*), живший, по преданию, одно время у *Адрийских вод*, в монастыре Санта-Мария, близ Равенны.

125. *Шляпу* – кардинальскую. (В действительности лишь в середине XIII в. отличием кардинальского сана стала красная шляпа.)

127. *Кифа* (еврейск. – камень) – апостол Петр. *Сосуд Избранья* – апостол Павел (А., II, 28).

141. *Здесь* – то есть на земле.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Седьмое небо. – Сатурн (окончание). – Вознесение в восьмое, звездное небо

31. *В ней я услышал*. – Говорящий – Бенедикт Нурсийский (480-543), основатель монашеского ордена бенедиктинцев.

37. *Вершину над Касино* – то есть вершину горы Монте-Касино (Южная Италия), на склоне которой расположен город *Касино* (римский Касинум). Бенедикт разрушил стоявший там храм Аполлона и построил на этом месте главный монастырь своего ордена.

39. *Обманутый народ* – то есть язычники.

49. *Макарий Александрийский* – отшельник IV в. *Ромоальд* дельи Онести (умер в 1227 г.) – основатель монашеского ордена камальдолитов (камальдулов).

61. *В высшей сфере* – то есть в Эмпирее (Р., XXXII, 35).

70-72. *Пред патриархом Яковом* – ссылка на библейскую легенду о лестнице, приснившейся Якову.

84. *А не родни* – то есть не родственников духовных лиц.

88. *Петр* – апостол, первый папа.

111. *Знак, первый вслед Тельцу*. – В зодиаке за Тельцом следует созвездие Близнецов (ст. 151), где и оказался Данте, вознесясь в восьмое небо (небо звезд).

112-114. *О пламенные звезды...* – Родившиеся под знаком Близнецов считались, по учению астрологов (см. прим. А., XV, 55), предрасположенными к «письменности, науке и знанию».

116-117. *Отец всего, в чем смертна жизнь* – то есть солнце. Средневековая астрономия считала, что Солнце находится в созвездии Близнецов с 21 мая по 20 июня.

В примечании к первому стиху «Ада» Боккаччо приводит слова одного равеннского старожилы, друга Данте, которому поэт незадолго до смерти (наступившей в Равенне 13 сентября 1321 г.) сказал, что в мае месяце ему исполнилось пятьдесят шесть лет. Из сопоставления этого свидетельства со стихами 112-117 можно заключить, что Данте родился в последнюю декаду мая 1265 г.

119. *Свод небесный, вас кружащий* – то есть восьмое небо.

123. *Трудный шаг* – то есть трудную задачу описания высших райских сфер.

131. *Победным толпам* – то есть душам торжествующих (см. Р., XXIII, 19-21)

134. *Этот шар* – то есть нашу Землю.

139. *Дочь Латоны* – Луна (Р., X, 67).

140. *Без тех теней* – то есть без лунных пятен (Р., II, 49-148). Теперь Данте видит обратную сторону Луны.

143. *Гиперион* – сын Урана и Геи, отец Гелиоса (солнца).

144. *Майя* – мать Меркурия. *Диона* – мать Венеры (Р., VIII, 1-7). Данте, обращаясь к ним, говорит, что *достиг круженье их детей близ Солнца, вокруг Земли*.

145-146. *Смягченное горенье...* – Умеренный Юпитер расположен между знойным сыном (Марсом) и холодным отцом (Сатурном).

152-153. *Клочок* – то есть земную сушу. Данте видит ее всю, потому что находится над меридианом Иерусалима, расположенного, по его географии, посередине обитаемой суши (см. прим. Ч., II, 4-6).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Восьмое, звездное небо. – Торжествующие

12. *Шаг солнца медлит* – ср. Ч., XXXIII, 103-105.

25-27. *Тривия* – Диана, Луна (охранительница распутий; лат. – *trivium*). *Вечные нимфы* – ее спутницы, звезды.

29. *Одно царило Солнце* – символизирующее Христа.

30. *Как наше – в горних светочах ночей.* – То есть как наше солнце озаряет светом небесные звезды (ср. Р., XX, 1-6).

57. *Полимния* (Полигимния) – муза лирической поэзии, и ее *сестры* – остальные музы.

67-69. *Морской простор* – ср. Р., II, 1-15.

73. *Роза* – то есть дева Мария.

74. *Вянье лилей.* – Лилиями здесь названы апостолы.

94. *Светоч огневой* – архангел Гавриил.

112. *Всех свитков мира царственный покров* – то есть девятое небо, объемлющее все остальные небеса (см. прим. Р., I, 76-77).

119-120. *За пламенем венчаным* – то есть за пламенем Марии, увенчанной огненным венцом Гавриила и вознесшейся в Эмпирей вслед за Христом.

128. «*Regina coeli*» (лат.) – «Царица неба» (пасхальный гимн).

131. *Ларями этими* – то есть душами праведных.

133-135. *Здесь радуется сокровище* – То есть здесь праведники наслаждаются духовным сокровищем, которое в горестной земной жизни, подобной Вавилонскому плену еврейского народа, они скопили, отвергая мирское богатство.

136. *Древний сонм и новый сонм* – то есть праведники Ветхого и Нового завета.

139. *Кто наделен ключами...* – Подразумевается апостол Петр.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Восьмое, звездное небо (продолжение)

11. *Стал вьющимися на осях кругами.* – Души торжествующих образовали множество кружащихся хороводов.

20. *Блаженный пламень* – апостол Петр.

26. *Для этих складок* – то есть для этих оттенков. Изображая складки, художник должен брать краски менее резкие, чем те, которыми изображена сама одежда.

46. *Бакалавр* – звание лица, окончившего университет, дававшее право на соискание докторской степени.

48. *Где он изложит, но не заключит.* – На университетских диспутах диссертант подтверждал доказательствами защищаемые положения, а заключение произносил председатель.

62. *Твой брат* – апостол Павел.

89. *Этот бисер* – то есть веру.

93. *По ветхой и по новой коже* – то есть по пергаментным листам Ветхого и Нового завета.

101. *Дела* – чудеса, о которых рассказывает Библия.

126. *Юнейших ног опережая след.* – По евангельской легенде, Петр сошел в пустую гробницу Христа, опередив Иоанна, пришедшего вместе с ним.

132. *Волю* – к вращению (см. прим. Р., I, 76-77).

137. *Вы* – то есть апостолы.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ Восьмое, звездное небо (продолжение)

5. *К родной овчарне* – то есть к Флоренции.

8. *Осенюсь венцом* – увенчаюсь венцом (лавровым венком) поэта.

9. *Там, где крещение принимал ребенком* – то есть в «прекрасном Сан-Джованни» (А., XIX, 17).

12. *Благословен Петром.* – См. Р., XXIV, 148-154.

14-15. *Старшина* – то есть апостол Петр (Р., XXIV, 19-21).

17-18. *Вот витязь* – апостол Яков, к гробнице которого в Сант-Яго де Компостела, в испанской провинции *Галисье*, стекались многочисленные паломники.

26. *Coram te (лат.)* – передо мною.

30. *Как щедр небесный храм ко всем.* – Беатриче имеет в виду «Послание» апостола Якова, где говорится о щедрости бога.

32-33. *Ведь ею ты бывал...* – По евангельской легенде, в трех случаях Христу сопутствовали только три апостола – Петр, Яков и Иоанн, в которых толкователи видели олицетворенными веру, надежду и любовь.

38. *К горам* – то есть к Петру и Якову.

55. *Свет Ерусалима* – то есть свет Рая, «Небесного Иерусалима».

56. *Из Египта* – то есть из страны земной неволи.
 72. *Тот, кто всех выше высшего воспел* – то есть царь Давид.
 83. *К добродетели* – то есть к надежде.
 83-84. *До края борьбы за пальму* – то есть до мученической смерти.
 91. *Две ризы* – то есть блаженство души и тела (после воскресения мертвых).
 95. *Твой брат* – апостол Иоанн, говорящий в Апокалипсисе о блаженстве избранных, облеченных в белые одежды.
 98. *«Sperant in te» (лат.)* – «Да уповают на тебя».
 100. *В одном огне*. – Это апостол Иоанн.
 101-102. *Будь у Рака сходный перл...* – С 21 декабря по 21 января при заходе солнца восходит созвездие Рака. А заходит оно при восходе солнца. Если бы в этом созвездии была звезда столь же яркая, как этот воссиявший огонь, то в течение месяца круглые сутки было бы светло, как днем.
 112-113. *Пеликан* – подразумевается Христос. (Существовало поверье, будто пеликан, рана себя клювом в грудь, воскрешает своею кровью умерших птенцов.) По евангельскому рассказу, на тайной вечере Иоанн «возлежал у груди Иисуса».
 123. *Чтоб видеть то, чего искать напрасно*. – Существовала легенда, будто апостол Иоанн был живым взят на небо. Поэтому Данте всматривается в его сияние, пытаясь разглядеть тело, которое должно было бы частично затмевать силу света (ст. 118-119).
 127-128. *В двух ризах здесь...* – Смысл: «В Раю обладают душою и телом только Христос и Мария, два сиянья, незадолго перед тем взнесшиеся в Эмпирей» (Р., XXIII, 85-87; 112-120).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Восьмое, звездное небо (продолжение)

2. *Костер лучей* – облик апостола Иоанна.
 7-8. *Куда стремится твоя душа*. – То есть: «К чему направлена твоя любовь». Иоанн вопрошает поэта о любви, подобно тому как Петр и Яков – о вере и надежде.
 12. *Таится мощь Ананиных рук*. – Смысл: «Беатриче своим взглядом возвратит поэту зрение, подобно тому как, по церковной легенде, Анания возложением рук исцелил апостола Павла от слепоты».
 16-18. *Святое Благо неземных палат...* – Смысл: «Вся моя любовь направлена к богу».
 24. *К такой мете* – то есть к богу.
 38-39. *Мне показавший первую Любовь...* – Древнейшие комментаторы относят это определение к Аристотелю.
 40-42. *Правдивый голос* – то есть голос бога.
 47. *Подтверждающими голосами* – то есть откровением, Священным писанием.
 53. *Орла Христова*. – Орел – символ евангелиста Иоанна.
 61. *И сказанная истина живая*. – См. ст. 16-18, 31-36.
 64. *И все те листья* – то есть все создания.
 72. *Пронзающий за платом плат* – то есть одну оболочку глазного яблока за другой.
 83. *Душа, всех прежде созданная* – то есть Адам.
 93. *Дочь и сноху*, ибо если Адам – отец всех людей, то всякая замужняя женщина – одновременно и его дочь, и жена его сына.

103. *В нем* – то есть «В твоём вопросе».

110-111. *Вступил в высокий сад* – то есть в Земной Рай.

118-120. Смысл: «Я пробыл в Лимбе 4302 года».

121-123. Смысл: «Я жил на свете 930 лет».

125-126. *Задолго до немыслимого дела* – то есть до попытки построить Вавилонскую башню (см. прим. А., XXXI, 46-81).

139-142. *На той горе...* – Смысл: «В Земном Раю я пробыл всего лишь семь часов – от утра до того (седьмого солнечного) часа, который *вступает... за шестым*», что бывает, чуть *солнце сменит четверть*, то есть как только оно, в полдень, перейдет из первой четверти своего суточного пути во вторую.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Восьмое, звездное небо (окончание). – Вознесение в девятое небо

10. *Четыре светоча* – то есть Петр, Яков, Иоанн и Адам.

12. *Представивший первым* – то есть Петр.

13-15. *И стал таким* – то есть стал багровым из серебристо-белого.

22. *Того, кто, как вор, воссел на мой престол* – недостойный папа Бонифаций VIII (1294-1303) (см. прим. А., XIX, 52).

25. *На кладбище моем* – то есть в Риме, где, по преданию, погребен апостол Петр.

26. *Сверженный с высот* – то есть Люцифер.

36. *Всесильный* – то есть распятый Христос.

41-44. Петр приводит имена римских епископов первых веков христианства.

48. *Делил на правый и на левый стан* – то есть на угодных папскому престолу гвельфов и неугодных гибеллинов.

58. *Гасконцы и каорсинцы* – двое из ближайших преемников Бонифация VIII: Климент V, гасконец (см. прим. А., XIX, 79-84), и Иоанн XXII, из Каорсы (Кагор) (Р., XVIII, 130-136 и прим.), а также их ставленники.

59. *Пить нашу кровь* – то есть разорять церковь, созданную кровью мучеников. *Доброе начало* – то есть папская власть.

62. *В великой Сципионовой борьбе* – то есть в победоносной войне Сципиона Африканского против Ганнибала.

68-69. *Едва лишь Козерог* – то есть в декабре.

79-81. *Я и увидел...* – Смысл: «Данте увидел, что, с тех пор как он впервые взглянул на Землю с созвездия Близнецов (Р., XXII, 151-153), он успел обогнуть четверть земной окружности: проносясь *над первой полосой*, то есть над первым, ближайшим к экватору, климатическим поясом (которых, согласно древней географии, было семь), он *от середины* обитаемой суши, то есть от меридиана Иерусалима, *сдвинулся до края*, то есть до меридиана Гадеса». Сопоставление хронографических данных «Рая» (Р., I, 43-47; XXII, 151-153; XXVII, 79-87) позволяет предположить, что, по мысли Данте, его круговой полет от горы Чистилища до Эмпирея занял 24 часа.

82. *Гадес* – испанский город Кадис (лат. – Cades), как Марокко и Севилья, синоним крайнего запада у Данте.

83. *Улиссов путь*. – Улисс (Одиссей), миновав Геркулесовы столбы, vyplыл в Океан и погиб в виду горы Чистилища (А., XXVI, 90-142).

83-84. *Берег, на котором* – то есть Финикийское побережье, где Юпитер, в образе быка, похитил царевну *Европу* и, посадив ее себе на спину, отплыл с нею на Крит (Метам., II, 833-875).

85. *Тот клочок* – то есть земную сушу (ср. Р., XXII, 152).

86-87. *Упреждало нас на целый знак и больше.* – Пронсясь над меридианом Гадеса, Данте находился в созвездии Близнецов, а Солнце – в созвездии Овна (градусов на 45 западнее), отделенное от наблюдателя еще одним знаком зодиака – созвездием Тельца, так что значительная доля восточной части суши была погружена во мрак.

98. *Из Ледина гнезда* – то есть из созвездия Близнецов (Кастора и Поллукса), родившихся из яйца Леды, обольщенной лебедем – Юпитером.

99. *В быстрейшее из всех небес* – то есть девятое, кристальное небо, или Перводвигатель.

107. *Вокруг ядра, которое почило* – то есть вокруг неподвижного земного шара.

109-111. *И небо это...* – Смысл: «Девятое небо (Перводвигатель) окружено Эмпиреем, обиталищем божества, *божьей мысли*, в которой почерпают свою энергию (*пыл*) вращающая Перводвигатель *любовь* (см. прим. Р., 1,76-77) и *скрытая в нем сила* влияний, источаемых им на ниже лежащие небеса» (Р., II, 112-123).

112-114. *Свет и любовь* – то есть Эмпирей, которым управляет его *творец*, то есть бог.

115. *Здесь* – то есть в девятом небе.

117. *Как десять – в половине или в пятой* – то есть как число «10» измеряется числом «5» или числом «2».

118-120. *Как время...* – Смысл: «Незримые *корни* времени погружены в Перводвигатель, а его зримая листва, или *вершина*, расположена в *остальных* небесах и воплощена в движении светил».

132. *При любой луне* – то есть не считаясь с постами.

136-138. *И так вот кожу белую чернят...* – Смысл: «Так люди превращаются в животных (*кожу белую чернят*), вняв обольщениям волшебницы Цирцеи (А., XXVI, 91; Ч., XIV, 42), *прекрасной дочери* Гелиоса-Солнца (*дарующего утро и закат*), то есть прельстясь земными благами». В оригинале эта терцина прочитывалась и понималась различно. Предлагаемый перевод также допускает другое прочтение и другое понимание, если слова «*вняв обольщениям*» выделить в запятых как вводные. В таком случае смысл ее будет: «Так люди, *вняв обольщениям*, *чернят белую кожу прекрасной дочери солнца*, то есть портят человеческую породу, дочь солнца – отца всего, в чем смертна жизнь» (Р., XXII, 116).

140. *Ведь над землею власть упразднена.* – Ни светская, ни духовная власть не выполняют своего назначения.

142-143. *Но раньше, чем январь возьмет весна...* – Год Юлианского календаря был длиннее солнечного года примерно на одну *сотую* долю дня и отставал от него за каждые сто двадцать восемь лет на один день, так что январь постепенно передвигался к весне. Беатриче хочет сказать, что перемена наступит скоро.

145. *Вихрь* – то есть грядущий избавитель человечества.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Девятое, кристальное небо, или Перводвигатель. – Ангелы

16. *Точка* – невещественная, неизмеримая и неделимая, своеобразный символ божества.

22-25. Ослепительную Точку *обнял круг* огня подобно тому, как луна или солнце (названные здесь «*небесным светом*», то есть светилом) бывают окружены кольцом лучей, которые они «*изображают*» (то есть рисуют, создают) в густом тумане, как бы несущем это кольцо.

25. *Круг огня*. – По мысли Данте, этот круг, как и остальные восемь, концентрически его объемлющие, состоит из ангелов, разделяемых на три «трехчастных сонма» (ст. 105).

27. *Быстрейший бег* – то есть скорость Перводвигателя.

33. *Гонец Юноны* – Ирида, радуга (Р., XII, 12).

50. *Чем выше над серединой* – то есть чем дальше от Земли, расположенной в центре мира, по мысли Данте.

54. *Любовь и свет*. – Ср. Р., XXVII, 112.

56. *Подобье и прообраз*. – Данте недоумевает, почему в мире *ощущаемой природы* (ст. 49), которая есть *подобье* своего *прообраза*, мира сверхчувственного, небесные сферы тем «*божественнее*» (ст. 51) и тем быстрее, чем они отдаленнее от центра, а здесь, наоборот, круг, ближайший к Точке, – самый яркий и самый быстрый.

64. *Плотские своды* – то есть небесные сферы.

70-72. Смысл: «*Наш свод*, то есть Перводвигатель, наиболее совершенная из небесных сфер, соответствует наименьшему из ангельских *колец*, *превысшему в знанье и в любви*».

73-78. Смысл: «Если принимать во внимание только силу, присущую небесным сферам и ангельским кругам, а не их величину (*видимость*), то легко установить, что существует прямое соотношение между совершенством каждой небесной сферы и совершенством управляющего ею Разума, воплощенного в ее «*движителях*» (см. прим. Р., II, 129), и что *большому* объему небесной сферы соответствует *многое* содержание благотворной силы, а *небольшому* – *малое*».

80-81. *Борей* – северный ветер. *Щекой, которая не так сурова* – то есть, дуя правым углом рта, он навевает северо-западный ветер, проясняющий небо и более мягкий, чем северо-восточный.

92-93. *И множились несметней* – то есть их было больше, чем: $2^{64} - 1$ (= 18446744073709551615), – количество хлебных зерен, которое, по легенде, некий изобретатель шахмат попросил себе в награду у персидского царя.

100. *Покорны узам* – то есть узам любви, привязывающей ангелов к богу.

104. *Престолы* – см. Р., IX, 61-62.

114. *Так лестница помалу пройдена*. – Смысл: «Милость и добрая воля определяют степень заслуг; степень заслуг определяет полноту созерцания; полнота созерцания определяет полноту любви и блаженства» (ср. Р., XIV, 37-42).

117. *Ночной Овен* – то есть осень, когда по ночам видно созвездие Овна.

121. *Три богини* – то есть три ангельских чина.

127. *К высоте* – то есть к срединной Точке.

128. *Книзу* – то есть по направлению к периферии.

130. *Дионисий* Ареопагит – см. прим. Р., X, 115-117.

133. *Григорий* – то есть папа Григорий Великий (590-604), несколько иначе строивший иерархию ангелов.

138. *Здесь не узревший* – то есть наставник Дионисия, апостол Павел (см. прим. А., II, 28).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Девятое, кристальное небо, или Перводвигатель (окончание)

1-8. *Беатриче* замолкает на один миг, ровно на столько времени, сколько противостоят друг другу, на противоположных точках *горизонта*, в равном отдалении от *зенита*, *рожденные Латоной* близнецы, то есть Солнце (Аполлон), находящееся в созвездии Овна, и Луна (Диана), находящаяся в созвездии *Весов*, после чего каждый из них перейдет в *новый небосвод*, потому что Солнце скроется за горизонтом, а Луна взойдет.

9. *Где Точка взор мой побеждала* – См. Р., XXVIII, 16-18.

11. *Твой вопрос читая*. – Данте хочет знать, «где, когда и как» (ст. 46-47) сотворены ангелы.

12. *Там* – то есть в боге.

22-24. Смысл: «Как с лука о трех тетивах слетают *три стрелы*, так созданное триединым божеством имеет троякий вид: это – либо *суть* («*фогма*») схоластической философии, то образующее начало, благодаря которому вещи становятся собою), либо *вещество*, либо соединение их (*суть совместно с веществом*)».

23. *В мир совершенства* – то есть сотворенный мир, где все было совершенно.

31-36. Смысл: «*Одновременно* со вселенной был создан и *строй* (градация) всего сущего: на *вершине* мира – *те*, в ком *чистое деянье* (*puo atto*), или «*суть*», «*фогма*» (ст. 22), то есть активные, бесплотные существа, ангелы: на *дне* – *чистая возможность* (*puo potenza*), или «*вещество*» (ст. 22), пассивная материя; в *средине* – нерасторжимые соединения *деянья* и *возможности* (сути и вещества, «*формы*» и материи), то есть небесные сферы».

37. *Иероним* – христианский святой, богослов (IV-V вв.).

41. *Писцы святого духа* – то есть авторы книг Ветхого и Нового завета.

44-45. Смысл: «*Движители*, то есть ангелы, управляющие движением небесных сфер (Р., II, 129 и прим.), в чем и выражается их *подлинное совершенство*, были бы долгое время лишены этого совершенства, если бы созданы были задолго до небес».

46-47. Смысл: «*Теперь ты знаешь, где, когда и как сотворены* ангелы: *где* – «над миром» (ст. 32), то есть в Эмпирее; *когда* – одновременно со вселенной (ст. 37-45); *как* – в виде «чистого деянья» (ст. 33)».

50-51. Смысл: «*Часть бесплотных духов*, восставшая против бога и свергнутая с небес, *привела в смятенье то*, в чем для *стихий опора*, то есть Землю, в недра которой она была низринута».

56-57. *Тот, кто пред тобой предстал* – то есть Люцифер.

81. *Отъятые виденья* – то есть забывшиеся представления.

84. *В одном – и срама больше и вины*. – То есть в том, что некоторые и сами не верят своим рассказам.

93. *Воздают любовью* – на небесах.

103-104. *Лапо* и *Биндо* (уменьшительные от Якопо и Ильдебрандо) – распространеннейшие имена во Флоренции времен Данте.

117. *Куколь пыжится*. – То есть капюшон проповедника вздувается от самодовольства.

118-120. *Птенец* – дьявол.

124-126. *Так кормит плут Антоньеву свинью*. – У ног святого Антония изображалась свинья, символ побежденного им дьявола, и монахи антониянского

ордена на собираемые подаяния откармливали монастырских свиней, которых суеверные люди очень почитали. Смысл слов Беатриче: «Церковники, *платя деньги поддельную свою*, то есть торгуя индульгенциями, откармливают не только своих свиней, но и многих людей, которые *грязней намного*, чем свиньи: самих себя, своих любовниц и приятелей».

133-135. *И в самом откровении Даниила...* – Смысл: «Слова пророка Даниила о *«тьмах тем»* ангелов не означают какого-либо точного числа».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Эмпирей. – Лучезарная река. – Райская роза

1-6. Смысл: «Если *час шестой*, то есть полдень, *пылает от нас примерно за шесть тысяч миль*, что составляет немногим более четверти земной окружности (которую наука времен Данте считала равной 20400 милям), то для нас восход солнца наступит приблизительно через час. В это время *земля склоняет свою тень почти что к плоскости* (то есть ось конической земной тени, склоняясь, приближается к плоскости горизонта), *а небес, для нас глубинных, сень* (восьмое, звездное небо Птолемеевой системы, единственное видимое) *становится такой бледной*, что свет наименее ярких звезд уже не достигает *этой ступени* (то есть Земли)».

8. *Служанка солнца* – то есть утренняя заря.

9. *От славы к славе* – то есть от звезды к звезде.

10-12. *Празднество* – см. Р., XXVIII; XXIX, 9.

24. *Трагед иль комик* – то есть автор трагедий или комедий, в средневековом значении этих терминов (см. прим. А., XVI, 128).

37. *Из наибольшей области телесной* – то есть из девятой небесной сферы (Перводвигателя), самого крупного из вещественных тел.

39. *В чистейший свет небесный* – то есть в Эмпирей, десятое, уже невещественное небо, лучезарную обитель бога, ангелов и блаженных душ.

44. *И ту, и эту рать* – то есть ангелов и блаженные души.

54. *И так свечу готовит для огня* – то есть как бы обжигая свечу предварительно, чтобы она ярче зажглась.

73-74. *Но надо этих струй испить сначала* – то есть: «ты должен пристально всмотреться в эту сияющую реку, чтобы подготовиться к зрелищу, которое утолит твою великую жажду «постигнуть то, что пред тобой предстало» (ст. 71).

78. *Лишь смутные предвестья правды их.* – То, что сейчас представляется Данте как река, искры и цветы, вскоре окажется иным: река – кругообразным озером света, сердцевиной райской розы, ареной небесного амфитеатра; берега – его ступенями; цветы – блаженными душами, восседающими на них; искры – летающими ангелами (Р., XXXI, 4-18).

88-89. *Как только влаги этой испила каемка век.* – То есть: «Как только я взгляделся в сияющую реку».

96. *Оба воинства небес.* – См. прим. 44.

106-108. *Есть горний свет...* – Смысл: «Эмпирей озарен невещественным светом, который позволяет творениям созерцать божество. Этот свет порождается лучом, который падает с высоты на вершину *тверди первобожьей* (то есть девятого неба. Перводвигателя (см. прим. Р., I, 76-77) и сообщает ей жизнь (движение) и мощь (силу влиять на ниже лежащие небеса). Озаряя вершину Перводвигателя, он образует круг гораздо больший, чем окружность солнца».

112-117. Смысл: «Вокруг светоносного круга, превышающего окружность солнца, расположены, образуя свыше тысячи рядов, ступени амфитеатра, подобного раскрытой розе, и на них восседает в белых одеждах (ст. 129) *все, к высотам обрешее возврат*, то есть все те души, которые достигли райского блаженства».

121. *Там близь и даль давать и брать не властны* – Смысл: «В Эмпирее *близь* не увеличивает отчетливости видимых предметов, а *даль* не уменьшает ее».

124. *В желть вечной розы* – то есть в ее желтую сердцевину.

126. *Солнцу вечно веинему* – то есть богу.

132. *И сколь немногих он отныне ждет.* – Эти слова, которыми Данте хочет указать на испорченность человечества, вместе с тем отражают средневековую веру в близость конца мира.

137. *Арриго* – германский император Генрих VII Люксембургский (род. ок. 1275 г.). Избранный в 1308 г., после смерти Альбрехта Габсбургского (см. прим. Ч., VI, 97), на императорский престол, он предпринял в 1310 г. поход в Италию, с которым Данте связывал свои политические надежды, видя в Генрихе объединителя Италии и восстановителя всемирной монархии. В 1312 г. Генрих короновался в Риме императорской короной. Последовавшая затем осада Флоренции кончилась неудачей. В 1313 г., готовясь к походу против Роберта Неаполитанского (1309-1343), Генрих умер.

142-148. *В те дни увидят в божием суде...* – В дни Генриха VII римским папой будет коварный Климент V (см. прим. А., XIX, 79-84), который по отношению к императору поведет себя двулично, так что его *явный путь* будет непохож на *сокровенный* (Р., XVII, 82-83 и прим.). Но он переживет Генриха всего на восемь месяцев и *канет* вниз головой *туда, где казнится Симон-волхв*, в одну из круглых скважин третьего рва Злых Щелей (А., XIX, 79-84), *оттеснив вглубь Аланца*, то есть Бонифация VIII (см. прим. А., XIX, 52), уроженца Аланьи (Ананьи).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Эмпирей. – Райская роза (продолжение)

4. *А та, что, рея* – то есть другая небесная рать, ангелы.

26. *Древнею и новою толпой* – то есть праведниками Ветхого и Нового завета.

32-33. *Гелика* – созвездие Большой Медведицы, с милым сыном, то есть с созвездием Волопаса (см. прим. Ч., XXV, 131).

36. *Латеран* – один из округов Рима – в смысле: Рим. Латеранский дворец был резиденцией римских императоров, а затем – пап.

59. *Старец* – Бернард Клервоский (ок. 1091-1153), богослов – мистик, принимавший живое участие в политической жизни своего времени. Данте видел в нем тип «созерцателя» (см. ст. 110-111), и в Эмпирее он является таким же наставником поэта, каково в Земном Раю была деятельная Мательда.

67. *Взглянув на третий ряд под верхним кругом.* – Исполнив свою миссию путеводительницы, Беатриче вернулась на свое место в небесном амфитеатре (А., II, 101; Р., XXXII, 7-9).

96. *Как мне и просьба и любовь велят.* – *Просьба* исходит от Беатриче. *Любовь* – может быть понято как любовь Беатриче или же как любовь самого Бернарда.

104. *Нерукотворный лик* – образ на куске ткани, считавшийся подлинным отпечатком лица Христа и хранившийся в соборе св. Петра в Риме.

117. *Царицу* – то есть деву Марию.

122. *Часть каймы* – то есть часть верхнего ряда амфитеатра.
 125. *Дышло, Фазтону роковое* – то есть дышло солнечной колесницы (см. прим. А., XVII, 106-108).
 128. *Орифламма* – алая боевая хоругвь французских королей. Здесь *мирной орифламмой* названа лучезарная часть верхнего ряда.
 134. *Красота* – то есть дева Мария.
 140. *Его палящий пыл* – то есть предмет его обожания.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Эмпирей. – Райская роза (продолжение)

4-6. *Ту рану...* – Смысл: «У ног Марии (Р., XXXI, 115-117), во втором сверху ряду, сидит Ева (*прекрасная жена*), которая *нанесла* человечеству *рану* первородного греха (нарушив запрет) и *растравила ее ядом* (соблазнив Адама). Рана эта *сращена Марией*, родившей искупителя».

7-9. *Рахиль*. – Ниже Евы, то есть в третьем сверху ряду, сидит Рахиль (А., II, 101; Ч., XXVII, 104), а по правую руку от нее, в новозаветном полукружии (см. ст. 25-27 и прим. 25-26), – Беатриче.

10-12. *Вот Сарра...* – Ниже Рахили сидят в нисходящем порядке ветхозаветные жены.

11. *Та, чей правнук* был царь Давид – то есть библейская Руфь.

12. *«Miserere»* (лат.) – покаянный псалом: «Помилуй меня».

17. *Еврейки* – то есть праведные жены Ветхого завета.

19-20. *Согласно с тем* – то есть: «Сообразно с делением праведников на ветхозаветных, веривших в грядущего Христа, и новозаветных, веривших в пришедшего Христа».

22-23. *Там, где цветок созрел и распахнул все листья* – то есть в левом от Марии полукружии, где заняты все места.

25-26. *Там, где пустые врублены просторы* – то есть в правом от Марии полукружии, еще не сплошь заполненном (Р., XXX, 132).

31. *Напротив Марии*, по ту сторону арены, сидит *Иоанн* Креститель.

33. *В недрах Ада* – то есть в Лимбе (ср. А., IV, 52-63).

34-36. Сидящие ниже Иоанна образуют с этой стороны амфитеатра такой же *раздел*, как еврейские жены – напротив.

40-41. *Ниже, чем проходит ряд, весь склон по высоте делящий ровно* – то есть ниже среднего ряда амфитеатра.

60. *Sine causa* (лат.) – без причины.

68-69. *Два близнеца* – библейские Исав и Яков. По библейской легенде, они еще в утробе матери бились за первородство, и бог, еще до их рождения, Якова возлюбил, а Исава возненавидел.

75. *В первом озаренье* – то есть в той первоначальной благодати, которою бог наделяет душу, создавая ее.

94. *Дух любви, низведший этот хор* – то есть архангел Гавриил.

95. *«Ave, Maria, gratia plena!»* (лат.) – «Радуйся, благодатная Мария!»

107-108. *Того, чей лик Марией украшаем* – то есть Бернарда, лицо которого светилось красотой в лучах Марии.

119. *К Августе* – то есть к деве Марии. Бернард, говоря об *империи небесной* и ее *патрициях* (ст. 117), дает Марии этот титул римской императрицы.

- 121-123. *Левей Марии*, первым в ветхозаветном полукружии, сидит Адам.
 124-126. *Правее Марии*, первым в новозаветном полукружии, сидит апостол Петр.
 127-130. *Тот, кто при жизни созерцал* – то есть апостол Иоанн, автор Апокалипсиса.
 130-132. *Рядом с первым*, то есть с Адамом, сидит Моисей.
 133. *Анна* – мать девы Марии.
 136-138. *Против старишины домовладык*, то есть против Адама, сидит *Лючия* (см. А., II, 97-108; Ч., IX, 49-63), «просвещающая благодать».
 139. *Но мчится время сна*. – Эти слова означают, по-видимому: «Но истекает время, положенное тебе для созерцания, словно во сне, небесных тайн».
 142. *К Пралюбви* – то есть к богу.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ Эмпирей. – Райская роза (окончание)

7-9. Смысл: «В *утробе* богоматери снова возгорелась *любовь* между богом и людьми, и благодаря *жару* этой любви возрос *райский цвет*, то есть рай населился праведниками».

10. *Любви полдневный миг* – то есть любовь в ее зените.

65-66. *Сибиллины слова*. – По рассказу Вергилия, кумейская пророчица Сибилла писала свои пророчества на древесных листьях и раскладывала эти листья на полу в своей пещере. Когда вход отворялся, *ветер рассеивал* их, и нельзя было восстановить смысл *Сибиллиных слов* (Эн. III, 441-452).

94-96. Смысл: «В ближайший же *миг*, последовавший за этим видением, оно в моей памяти забылось глубже, чем успел забыться в памяти людей за *двадцать пять веков* поход аргонавтов, когда *Нептун* с изумлением *увидал тень Арго*, первого корабля».

115-120. Смысл: «Я увидел тайну триединого божества в образе *трех равновеликих кругов разных цветов*. Один из них (бог-сын) казался *отражением другого* (бога-отца), словно радуга (*Ирида*) рожденная радугой, а *третий* (бог-дух) казался *пламенем, рожденным* обоими этими кругами» (по католической догматике, святой дух исходит от отца и сына).

127-132. Смысл: «Во втором из кругов, казавшемся отражением первого (и символизирующем бога-сына), я различил очертания человеческого лица (*наши очертанья*)».

134. *Чтобы измерить круг* – то есть чтобы решить задачу квадратуры круга.

142-145. *Здесь изнемог высокий духа взлет...* – Достигнув наивысшего духовного напряжения, Данте перестает что-либо видеть. Но после пережитого им озарения его *страсть и воля* (сердце и разум) в своем стремлении навсегда подчинены тому ритму, в котором божественная *Любовь движет* мироздание.

145. *Светила* – см. прим. А., XXXIV, 139.

М. Лозинский

· СОДЕРЖАНИЕ ·

Содержание

РАЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вступление.— Вознесение сквозь сферу огня.— Всемирный закон любви 7

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Первое небо – Луна.— Природа лунных пятен.— Движители небес ... 14

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Первое небо – Луна (*продолжение*).— Нарушители обета.— Пиккарда Донати.— Императрица Констанция..... 21

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первое небо – Луна (*продолжение*).— Местопребывание блаженных душ.— Насилие и свободная воля..... 29

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Первое небо – Луна (*окончание*).— Святость обетов.— Второе небо – Меркурий.— Честолюбивые деятели..... 36

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Второе небо – Меркурий (*продолжение*).— Юстиниан.— Ромео 43

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Второе небо – Меркурий (*окончание*).— Искупление первородного греха.— Бессмертие души и воскресение мертвых.. 52

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Третье небо – Венера.– Любвеобильные.– Карл Мартелл... 59

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Третье небо – Венера (*окончание*).– Куница да Романе.– Фолько.–
Раава..... 66

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Четвертое небо – Солнце.– Мудрецы.– Первый хоровод.– Фома
Аквинский 73

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Четвертое небо – Солнце (*продолжение*).– Первый хоровод.– Фома
Аквинский о Франциске Ассизском.– Осуждение доминиканцев.... 82

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Четвертое небо – Солнце (*продолжение*).– Второй хоровод.–
Бонавентура о Доминике.– Осуждение францисканцев.. 89

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Четвертое небо – Солнце (*продолжение*).– Фома Аквинский о
мудрости Соломона, Адама и Христа..... 96

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Четвертое небо – Солнце (*окончание*).– Соломон о лучезарности
блаженных.– Третий хоровод.– Пятое небо – Марс.– Воители за
веру..... 103

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Пятое небо – Марс (*продолжение*).– Каччагвида о старой и новой
Флоренции и о предках Данте..... 112

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пятое небо – Марс (*продолжение*).– Каччагвида о старых и новых
флорентийских родах..... 119

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Пятое небо – Марс (*продолжение*). – Каччагвида о судьбе Данте ... 126

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пятое небо – Марс (*окончание*).– Шестое небо – Юпитер.– Справедливые.– Имперский орел..... 135

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Шестое небо – Юпитер (*продолжение*).– Имперский орел.– Непостижимость небесного правосудия..... 143

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Шестое небо – Юпитер (*окончание*).– Орлиный глаз..... 150

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Седьмое небо – Сатурн.– Созерцатели.– Пьер Дамьяно.– Тайна предопределения.– Изнеженность прелатов..... 157

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Седьмое небо – Сатурн (*окончание*).– Бенедикт.– Вознесение в восьмое небо – созвездие Близнецов..... 164

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Восьмое, звездное небо.– Торжествующие..... 171

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Восьмое, звездное небо (*продолжение*).– Апостол Петр.– Испытание в вере..... 178

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Восьмое, звездное небо (*продолжение*).– Апостол Яков.– Испытание в надежде.– Апостол Иоанн..... 187

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Восьмое, звездное небо (<i>продолжение</i>).– Апостол Иоанн.– Испытание в любви.– Адам.....	194
--	-----

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Восьмое, звездное небо (<i>окончание</i>).– Апостол Петр о римских папах.– Вознесение в девятое небо.....	201
--	-----

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Девятое, кристальное небо, или Перводвигатель.– Ослепительная Точка и девять ангельских кругов.....	208
--	-----

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Девятое, кристальное небо, или Перводвигатель (<i>окончание</i>).– Природа ангелов.....	215
--	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Эмпирей.– Лучезарная река.– Райская роза.....	222
---	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Эмпирей.– Райская роза (<i>продолжение</i>).– Бернард.– Беатриче на престоле.– Дева Мария.....	229
---	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Эмпирей.– Райская роза (<i>продолжение</i>).– Распределение мест	238
--	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Эмпирей.– Райская роза (<i>окончание</i>).– Предстательство Марии.– Лицезрение божества.– Высшее озарение.....	245
---	-----

Примечания М. Лозинского.....	255
-------------------------------	-----

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Божественная Комедия

Рай

Редактор
А. БЫЧКОВА

Художественный редактор
Л. КАЛИТОВСКАЯ

Технический редактор
О. ЯРОСЛАВЦЕВА

Корректор
Г. АСЛАНЯНЦ

Подготовка гальвано-гравюр
Л. БЫКОВА

Технолог
М. БАХТИНА

Наборщица Т. ШИПОВА

Стереотипер гальванопласта С. ВОЛКОВ

Печатники
Д. ГАЛЬПЕР
И. ГОРОХОВ
Ю. МИЛЯЕВ
В. ШЕВЧУК

Технолог
О. АРИНУШКИНА

Сдано в набор 14/VII 1972 г.
Подписано в печать 24/VI 1974 г.
Бумага каубелматт
Формат 60х84/16. 19,75 печ. л.
18,43 усл. печ. л. 10,07 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ 1251
Цена 3 р. 36 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфин и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

И (Итал)
Д 17

70404-090
Д _____ 175-73
028(01) -74